

Российская Академия Наук
Институт философии

Хен Ю.В.

**ЕВГЕНИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ:
«PRO» И «CONTRA»**

Москва
2003

УДК 575
ББК 28.7
Х-38

В авторской редакции

Рецензенты

доктор филос. наук *В.Г. Борзенков*

доктор филос. наук *А.П. Огурцов*

Х-38 **Хен Ю.В.** Евгенический проект: «pro» и «contra». — М., 2003. Ч — 153 с.

Настоящая монография посвящена философскому осмыслению идеи духовного и физического совершенствования человека. В ней прослеживается эволюция егенических представлений от базового мифа о Золотом веке и последующем вырождении человечества до социал-дарвинистских программ расовой гигиены рубежа XIX–XX вв.

Исторический экскурс позволяет продемонстрировать отсутствие непосредственной связи между развитием науки (технологий) и содержанием прикладных егенических программ.

Актуальность темы обусловлена ростом интереса к егенической проблематике в связи с достижениями в области генной инженерии и с обострением экологического кризиса.

ISBN 5-201-02122-0

© Хен Ю.В., 2003

© ИФРАН, 2003

Введение

Евгеника как учение о «хорошем роде» обязана своим возникновением двум учениям XIX века — теории Ч. Дарвина о происхождении видов и учению Г.И. Менделя о передаче признаков по наследству. Однако сама идея усовершенствования человеческого рода имеет гораздо более древние корни.

Евгеническая идея пронизывает всю культурную историю человечества. Уже древнейшие антропогонические мифы описывают человека как создание, утратившее первоначальное божественное совершенство. Сочинения античных философов, труды гуманистов эпохи Возрождения и средневековые трактаты отражают недовольство духовным и физическим несовершенством человеческого существа и содержат рецепты его усовершенствования посредством реформирования государственного устройства и системы воспитания. И во всех этих сочинениях высказывается мысль о том, что к человеку можно применять те же средства селекции, что и к домашним животным.

«Научный» этап в развитии евгеники связан с именем английского естествоиспытателя Ф. Гальтона, который использовал эволюционную теорию для обоснования идеи усовершенствования человека. Отправной точкой для его рассуждения послужило открытие Ч. Дарвина, показавшего, что в основе эволюционного развития всех живых организмов на Земле лежит естественный отбор, благодаря которому только наиболее приспособленные особи выживают и передают свои признаки потомству. Это позволяет нам поддерживать высокий стандарт «качества» на протяжении многих тысячелетий. Только человек, благодаря развитию культуры, сумел избежать благотельного влияния естественного отбора и теперь неуклонно приближается к пропасти полного вырождения. Из этого обстоятельства сторонники Ф. Гальтона делали вывод о необходимости введения «искусственного отбора», который бы выполнял в человеческом обществе те же функции, что и естественный — в природе.

Попытки осуществить евгенический проект на практике привели к страшным последствиям в годы Второй мировой войны, и евгеника на несколько десятилетий была предана забвению. Однако развитие генетики, науки, на практических достижениях которой и базировались евгенические притязания, возродило интерес к евгеническим проблемам. Это было неизбежно, поскольку в евгенике несомненно содержалось рациональное зерно. В частнос-

ти, она поднимала вполне реальные проблемы, хотя и трактовала их в своем специфическом ключе и предлагала поспешные решения, не учитывая возможные негативные последствия. Кроме того, в рамках евгеники были получены важные научные результаты и разработаны конкретные методики исследования генетики человека.

Настоящая книга ни в коем случае не является историей евгеники, хотя материал в ней расположен в хронологическом порядке. Работа посвящена рассмотрению нескольких проблем, главной среди которых является проблема соразмерности евгенических притязаний и общефилософских проблем становления и развития человека с учетом исторически наличных технических возможностей осуществления проектов усовершенствования человека. Предполагается показать, что на практике такого соответствия никогда не существовало, то есть, что все известные нам евгенические проекты были утопическими.

Обращение к этой проблеме обусловлено ростом популярности в последнее время проекта «Геном человека» в частности и стремительным развитием генной инженерии и биотехнологий вообще. Вокруг этих разработок возникает множество новых евгенических мифов, неоправданных надежд и страхов. Но для того, чтобы квалифицированно разобраться в этом огромном новом материале, отделить в нем зерна от плевел, необходимо прежде всего обратиться к истории евгеники, проанализировать ее уроки, дабы не пропал втуне ценный опыт, уже наработанный евгеникой в прошлом веке.

ГЛАВА I. ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ ЕВГЕНИКИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЕВГЕНИЧЕСКИХ УТОПИЙ

Евгеническим утопиям различных исторических эпох присущи повторяющиеся элементы. Их можно назвать принципами или мифологемами в зависимости от того, под каким углом зрения предполагается рассматривать ту или иную теоретическую конструкцию или представление.

Среди этих повторяющихся элементов наиболее бросается в глаза постоянное присутствие мотива дегенерации человечества. В общем виде он выражает представление (или глубокое убеждение) о том, что современный человек является результатом постепенного вырождения человека древности, во всех отношениях более совершенного, чем его ушербные потомки. При этом соотносительные понятия «раньше» и «теперь», формально являющиеся обстоятельствами времени, в евгеническом дискурсе обретают статичность и неизбежность абсолютных значений: время течет (в том числе и конкретное историческое время), но человек прошлого неизменно оказывается более совершенным, чем человек настоящего. Вне зависимости от того, какой исторический период становится предметом рассмотрения, всегда оказывается, что «раньше» человек был здоровее, красивее, умнее, благочестивее и восприимчивее к прекрасному, чем «теперь». Примечательно, что интуитивное убеждение в том, что биологическая и нравственная эволюция человека идет по нисходящей линии, с какого-то момента прекрасно уживается с интуитивным же убеждением, что исторический процесс в целом развивается по восходящей, благодаря чему

человечество медленно, но верно продвигается от состояния дикости, через варварство, к цивилизации. Сейчас уже невозможно определить, когда именно и почему сформировалась базовая мифологема евгенического дискурса о разнонаправленности векторов социального и биологического прогресса человечества, но она послужила основой для разработки многих теоретических положений евгенических проектов так называемого «научного» периода. Так, например, социал-дарвинисты, о которых еще пойдет речь, считали цивилизованный образ жизни одним из основных факторов физического вырождения человека.

Идея вырождения гораздо старше собственно евгенических проектов. Она присутствует в самых ранних мифологических представлениях, относящихся к тем временам, когда мысль о том, что человек может самостоятельно, пользуясь только своим ограниченным умишком изменить что-то в своем теле, еще не возникала. И практически любое из рассуждений евгенического характера, особенно относящееся к т.н. «классическому» периоду в истории этой дисциплины, начинается с утверждения о том, что человечество вырождается.

Другим обязательным элементом евгенического дискурса является представление о здоровье населения как об общественном благе или даже «достоянии» — в зависимости от того, насколько радикальны намерения автора проекта. До появления «либеральной» евгеники именно этот элемент обеспечивал саму возможность евгенического подхода. Но даже упомянутый смягченный вариант евгеники не меняет сути дела, ибо и либеральная евгеника строится на приоритете чуждого по отношению к данному конкретному индивиду понимания «блага». С точки зрения объекта евгенического вмешательства нет принципиальной разницы в том, от кого исходят решения: от заботливого государства или от заботливых родителей.

Третьим элементом, формирующим каркас евгеники, является, если можно так выразиться, «научный подход». Слово «научный» взято в кавычки, поскольку этот прин-

цип — руководствоваться в конструировании нового человека объективным знанием, умением, опытом веков, здравым смыслом и т.д. — характерен и для евгенических проектов, относящихся к тем временам, когда науки в современном ее понимании еще не было. «Научный» подход предполагает, что всякий евгенист руководствуется в своей работе не только благими намерениями, но непременно и *знанием*, причем знанием двоякого рода. С одной стороны, это знание того, что должно быть изменено (т.е. у него имеются четкие представления об идеале, цели вмешательства), а с другой, он знает способ, т.е. располагает знанием того, какими «техническими» средствами этот идеал может быть достигнут.

Обязательное присутствие этого третьего элемента в евгенических проектах не столь очевидно, как присутствие идеи вырождения, поскольку технические приемы усовершенствования, как и само представление об идеале постоянно меняются в зависимости от того, на какой стадии цивилизационного процесса создается очередной образ «человека будущего». Но сам по себе инструментальный подход присущ всем работам из евгенической области. От того, что представления о «космосе» не стоят на месте, существо дела не меняется: Кампанелла предполагал, что для получения особи с заданными свойствами необходим точный астрологический расчет времени зачатия, а современные ученые возлагают аналогичные надежды на расшифровку генома человека. Но и в том и в другом случае считается, что знание условий рождения (в широком смысле) позволит получать индивида с заданными качествами.

Все это доводы в пользу того, что многообразие евгенических проектов обманчиво, о чем свидетельствуют: перечисленные повторяющиеся элементы. Конечной целью любого из них является прекращение бесконтрольного размножения людей, а исходной точкой — тезис о вырождении человечества. В качестве морального оправдания используется

тезис о приоритете общественного блага над личным и о том, что в идеальном государстве каждый ребенок должен быть желанным, а каждый гражданин — полезным.

«Золотой век» — базовый миф о вырождении человека

Желание усовершенствовать человека — гораздо древнее собственно евгенических программ. Впервые оно возникает, вероятно, вместе с осознанием человеком самого себя, своей родовой самоидентичности. Как только человек осмыслил свою отделенность от окружающего мира, мысль о собственном несовершенстве оформилась в его сознании и нашла отражение в мифах о «золотом веке» — том времени, когда все было устроено гораздо лучше, чем «сегодня». Задолго до того, как стали возможны какие-либо программы переустройства человека и человеческого общества, мысль об актуальном несовершенстве человека уже прочно укоренилась в менталитете, проникнув в него вместе с мифами о сотворении мира.

Наибольший интерес для нашего исследования представляет тот факт, что в той или иной форме миф о лучших временах встречается у самых разных народов, разделенных пропастью времени и расстояния. Например, тотемические мифы аборигенов Австралии повествуют о необычных свойствах, присущих некоторым из предков людей, которые могли самостоятельно возноситься на небо или опускаться под землю. Скандинавская мифология повествует о блаженных временах на заре мироздания, когда только что сотворенный мир был еще совершенен и гармоничен, и асы, первенцы творения, жили в радости, в окружении предметов из чистого золота. В Шумере верили в существование волшебной «страны живых», в которой люди не знали ни болезней, ни смерти. Согласно представлениям майя первые люди были умны, красивы и проникательны, но позже ревнивые богосоздатели лишили их этих качеств. В поэме Фирдоуси «Шах-

наме» описывается семисотлетнее царствование шаха Джамшида, когда люди и скот были бессмертны, травы и деревья вечно плодоносили и погода стояла всегда приятная (ни холода, ни жары).

Наиболее широко известны античные представления о золотом веке, дошедшие до нас благодаря произведениям Овидия и Гесиода. Овидий в «Метаморфозах» так описывает счастливые времена создания человека:

И родился человек. Из сути божественной создан
Был он вселенной творцом, зачинателем лучшего мира,
Иль молодая земля, разделенная с горним эфиром
Только что, семя еще сохранила родимого неба?¹

В приведенном фрагменте, причина совершенства первых людей объясняется тем, что в те первые после сотворения мира века человечество еще несло на себе отпечаток небесного происхождения. Но вслед за совершенным золотым веком, когда для соблюдения «правды и верности» еще не требовалось никаких законов, последовал век серебряный (Юпитер создал зиму и люди были вынуждены поселиться в пещерах и заняться земледелием), а затем медный и, наконец, железный. Жизнь на земле становилась все менее приятной и беззаботной, а вместе с умножением бедствий происходила и деградация человека:

Стыд убежал, и правда и верность;
И на их место тотчас появились обманы, коварство;
Козни, насилье пришли и проклятая жажда наживы².

Этот отрывок из «Метаморфоз» отражает одно весьма характерное для евристического творчества представление, а именно глубокое (и, вообще говоря, ни на чем не основанное) представление о том, что интеллектуальные и духовные качества наследуются так же, как и физические особенности конституции. Овидий, описывая деградацию человечества, вообще не делает различий между психическими и фи-

¹ Овидий. Метаморфозы. М., 1977. С. 33.

² Там же.

зическими характеристиками, перечисляя их через запятую. К этому же приему позднее станут прибегать и евгенисты «научного» этапа развития евгеники. К этому времени обычный недифференцированный подход к личностным характеристикам уже оформится в традицию. Но едва ли довод традиционности может служить оправданием для ученых, претендующих на объективность и непредвзятость анализа. То, что было прощительно Овидию, ничего не ведавшему о законах наследственности, гораздо труднее простить исследователям, вооруженным научным знанием.

Гесиод в поэме «Работы и дни» подробно описывает, как человечество ступень за ступенью нисходит с высоты «божественного счастья» к глубочайшему несчастью и крайней испорченности. Э. Роде пишет, что в знаменитом отрывке о «пяти поколениях» людей, который сюжетно никак не связан с остальными текстами поэмы, отразились глубочайшие народные представления: «Переносить в древность состояние земного совершенства свойственно всем народам, по крайней мере до тех пор, пока не острые исторические воспоминания, а радостные сказки и блестящие грезы поэтов сообщают им об этой древности»³.

Ценность творчества Гесиода, при всей его традиционности, заключается в том, что поэт пытается обнаружить разумное объяснение тому, почему человек, творение богов, столь несовершенен, а жизнь его столь тяжела. Объяснение оказывается двояким, ибо не вся вина лежит на людях: причиной первого и самого значительного ухудшения человеческой породы стала «смена власти» на Олимпе — золотой век человечества был связан с правлением Кроноса:

Создали прежде всего поколение людей золотое
Вечно-живущие боги, владельцы жилищ олимпийских.
Был еще Крон-повелитель в то время владыкою неба.
Жили те люди, как боги с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны

³ Роде Э. // Гесиод. Работы и дни. М., 1927. С. 74.

Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
А умирали как будто объятые сном...

Автором всех последующих творений был сын Кроноса Зевс (Кронид), свергнувший отца и захвативший власть насильственным путем. Его создания были уже не столь совершенны, как вышедшие из рук отца. Но главное — люди проявили непочтительность к богам, доказав тем самым, что они не достойны легкой и приятной жизни, мягкого климата и плодородной земли. Кронид предпринял несколько попыток создать человека заново, но с каждым разом люди все больше отдалялись от идеального состояния золотого века:

После того поколение другое, уж много похуже,
Из серебра сотворили великие боги Олимпа.
Было не схоже оно с золотым ни обличем, ни мыслью.
Сотни годов возрастал человек неразумным ребенком,
Дома близ матери доброй забавами детскими тешась.
А, наконец, возмужавши и зрелости полной достигнув,
Жили лишь малое время, на беды себя обрекая
Собственной глупостью...

Третье родитель-Кронид поколение людей говорящих
Медное создал, ни в чем с поколением несхожее прежним.
С копьями. Были те люди могучи и страшны. Любили
Грозное дело Арея, насильщину. Хлеба не ели.
Крепче железа был дух их могучий. Никто приближаться
К ним не решался: великою силой они обладали...
Сила ужасная собственных рук принесла им погибель...
... и, как ни страшны они были,
Черная смерть их взяла и лишила сияния солнца.

После того, как земля поколение и это покрыла,
Снова еще поколение, четвертое, создал Кронион
На многодарной земле, справедливее прежних и лучше, -
Славных героев божественный род. Называют их люди
Полубогами: они на земле обитали пред нами.
Грозная их погубила война и ужасная битва⁴.

⁴ Гесиод. Работы и дни. М., 1927. С. 42–44.

Остановимся в этом месте, чтобы прокомментировать тот странный разрыв, который образовался в картине постепенной и неуклонной деградации человечества: по мнению исследователей творчества Гесиода, четвертое поколение, поколение героев, не соотнесенное ни с каким из «металлов», включено в народные представления, излагаемые Гесиодом, под влиянием Гомера. В действительности же, сразу вслед за медным веком должен следовать век железный, т.е. поколение современников автора «Работ и дней». Это поистине проклятое поколение, главный порок которого заключается в непочтительности к старшим и в нежелании чтить богов (как это уже делали люди серебряного века, за что и понесли наказание) и соблюдать обычаи предков. Этому поколению также грозит неотвратимая гибель, жизнь его тяжела и «многодарная» земля ни в чем ему не помогает:

Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы, иль прежде родиться.
Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя,
И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им⁵.

Несмотря на разнообразие декоративных элементов, сопровождающих мифы о золотом веке, все они, независимо от географии происхождения, обнаруживают поразительное сюжетное сходство. Если провести грубое обобщение, то они описывают обстоятельства утраты человеком духовного и физического совершенства, а также легкой и изобильной жизни. Иногда это происходит по независящим от человека причинам (например, в результате смены власти на Олимпе: Зевс свергает своего отца Кроноса, а на земле серебряный век приходит на смену золотому). Но чаще вина лежит на самих людях, как в известной библейской истории о грехопадении Адама и Евы, первоначально обитавших в саду Едемском, где все деревья были «приятны на вид и хороши для пищи». Когда же люди нарушили прямой запрет

⁵ Гесиод. Работы и дни. С. 45.

вкушать плоды с древа познания добра и зла. Господь сказал Адаму: «за то, что ты послушался голоса жены твоей и ел от дерева, о котором я заповедал тебе, сказав: «не ешь от него», проклята земля за тебя: со скорбию будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. Терние и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою. В поте лица будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты и в прах возвратишься»⁶.

Такая же объяснительная схема обнаруживается в подавляющем большинстве антропогонических мифов: вначале — совершенство тварного мира и человека, затем — грех, ошибка или обман, и, как результат, наступление “железного века”, длящегося и поныне. Конечно, имеются и различия, касающиеся главным образом представлений о счастливой жизни, хорошей погоде (она может быть теплой или, наоборот, прохладной, в зависимости от того, в каком климате обитает народ, сочинивший легенду, но всегда — прямо противоположной тому, что имеет место быть). Имеются расхождения и относительно продолжительности жизни людей золотого века. Например, согласно библейскому мифу об изгнании из рая, Адам и Ева не были бессмертны. Это видно из следующего отрывка: «И сказал Господь Бог: вот Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от древа жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И выслал его Господь из сада Едемского, чтобы возделывать землю из которой он взят»⁷.

Тема бессмертия занимает значительное место в мифологической традиции, и библейская история, в которой людей изгоняют из рая еще и для того, чтобы они не сделались бессмертными и не уподобились богам, не вполне типична. В большинстве мифов описывается как раз обратная последовательность событий: бессмертные предки людей в результате какого-то промаха или преступления (как правило —

⁶ Быт. 3. С. 17--19.

⁷ Быт. 3. С. 22--23.

ритуального убийства соплеменника), утрачивают дар вечной жизни. Правда, взамен они обычно приобретают бессмертную душу и всевозможные культурные блага вроде орудий труда и сельскохозяйственных растений. Весьма типичной в этом отношении является легенда аборигенов острова Серам (восточная Индонезия) о чудесной девушке по имени *Хайнувеле*, рожденной из дерева. Согласно легенде, она обладала неким неистощимым источником полезных вещей, которыми охотно одаривала соплеменников. И сначала люди радовались подаркам, но постепенно щедрость девушки стала их раздражать, ибо нарушала размеренное равновесие жизни. Тогда люди решили убить Хайнувеле. С этой целью девять наиболее почитаемых семейств племени в течение девяти ночей танцевали на центральной площади деревни ритуальный танец, всякий раз выводя по одному витку спирали. В центре спирали сидела Хайнувеле и одаривала всех танцующих. На девятую ночь в центре площади была вырыта яма, в которую танцующие люди столкнули Хайнувеле, а затем плотно утоптали землю над ней. Отец девушки, узнав о совершенном преступлении, вырыл дочь из могилы, разрубил ее тело на части и закопал по всей территории площади, где танцевали люди, убившие его дочь (позже из этих кусков плоти появились многочисленные полезные вещи, которых раньше не было, в том числе и корнеплоды, составляющие основную пищу аборигенов о. Серам). Только руки дочери он не стал закапывать, а отнес их богине *Мулуа Сатене*, которая в то время еще жила среди людей. Узнав о совершенном преступлении богиня страшно разгневалась и решила покинуть людей. Но сначала она построила ворота в виде спирали из девяти витков на том месте, где была убита девушка. Потом она собрала всех жителей деревни у одного края ворот, сама же встала у другого, и сказала: «Теперь я хочу уйти от вас, но прежде вы должны пройти через эти ворота. Тот, кто откажется на это, останется человеком, кто нет — станет зверем или демоном леса». Многие люди решились пройти ворота. Мулуа Сатене стояла на выходе и прикаса-

лась к каждому из выходящих отрубленной рукой Хайнувеле. И после этого волшебного прикосновения человек становился смертным и должен был проделать «трудный путь смерти», чтобы снова встретиться с Мулуа Сатене. С этих же пор люди могут жениться и самостоятельно производить потомство. Другими словами, только тогда, когда в мир пришла смерть, пришло и рождение, и началась подлинная жизнь людей^h.

В евгеническом дискурсе тема бессмертия обретает особую окраску, так как, наряду с абсолютным здоровьем, она образует тот недостижимый идеал, к которому тяготеют евгенические исследования. Даже сегодня, при том, что ни один здравомыслящий человек не верит в реальность превращения этой сверхзадачи в жизнь, и при том, что сотни, если не тысячи страниц различных монографий посвящены доказательству того, что бессмертие невыносимо для человека, многие геронтологи продолжают соблазнять обывателей обещаниями вечной жизни в телесной оболочке.

Идея государственного контроля за качеством народонаселения

Сама по себе идея вырождения еще не является признаком евгенических намерений, но она служит отправной точкой в аргументации необходимости внести поправку в естественную эволюцию человеческого рода. Собственно евгеника начинается с идеи государственного контроля, с утверждения о том, что стихийные отношения между полами нуждаются в упорядочивании и регуляции со стороны государства.

В человеческом обществе размножение никогда не было совершенно стихийным. Традиционно в роли регулятора отношений между полами выступал институт брачно-семей-

^h Herzog E. Psyche u. Tod. Wandlungen des Todesbildes im Mithos u. in den Träumen heutiger Menschen. Zürich u. Stuttgart, 1960. S. 9–11.

ных отношений, возникший, вероятно, одновременно с обычаем хоронить своих умерших. В ходе исторического развития брачные отношения приобретали самые причудливые формы, многие из которых в течение длительного времени сосуществовали наряду друг с другом, не взирая на то, что предписывали абсолютно различные процедуры вступления в брак. Так, например, исследователи индийского эпоса насчитывают не менее пяти форм брачно-семейных отношений, описанных на страницах «Махабхараты» и «Рамаяны», самая экзотическая из которых (с нашей точки зрения) практиковалась братьями Пандавами: все пятеро в одно и то же время были женаты на одной женщине.

Фиксация обычаев в форме закона, происходившая по мере оформления государственности, вызвала к жизни потребность в унификации брачных практик, а процесс законотворчества при объединении провинций с разными укладами в единую государственную единицу, в свою очередь, потребовал определить объективную основу для такой унификации.

Следует заметить, что, хотя между обычаем и законом существовала историческая преемственность, эти две формы фиксации правил общежития разделены пропастью, если рассматривать их с точки зрения возможности реформирования. Писаное право выражено в фиксированных законах, за которыми стоит огромная работа по рационализации и унификации, и именно наличие этой работы делает возможными дальнейшие манипуляции с законами, направленные на их уточнение, прояснение и т.д. Обычай, наследуемый от предыдущих поколений, ничего подобного не допускал. Он не требовал осмысления, каким бы нелепым ни был. Гарантией его истинности или справедливости была древность его происхождения, подсознательно воспринимавшаяся как проверенность временем. И если бы обстоятельства жизни людей не менялись, то лучшего доказательства уместности того или иного уклада, чем длительность его существования, не было бы нужно.

Иное дело закон. Хотя первые законы и выглядели как фиксация существующих обычаев (историки говорят, что всякий закон отражает уже сложившееся положение дел, то есть работают на прошлое, а не на будущее), но будучи выражением воли центральной власти, они нередко вступают в противоречие с обычаями отдельных этнических групп, входящих в состав данной государственной единицы (так произошло, например, при создании СССР, объединившего страны Азии и Европы под юрисдикцией единого закона, в результате чего брачные обычаи стран Средней Азии подверглись серьезной и неоправданной с культурной точки зрения трансформации⁹). Однако, с точки зрения осуществления евгенической задачи, наиболее существенным является то, что обычай нельзя реформировать, тогда как закон — можно. Более того, сама эта возможность создает не только простор, но и соблазн для построения всевозможных утопий. Естественное желание построить совершенное общество со справедливым правлением и процветающей экономикой, заставляет обратиться к анализу несовершенства общества существующего. При этом наиболее последовательные из реформаторов доходят в поисках первопричины всех несообразностей до осознания того, что несовершенен сам человек. Отсюда логичное заключение о том, что начинать построение идеального государства следует с усовершенствования рода человеческого.

Формирование и распространение евгенических представлений в античные времена протекало органично и безболезненно, ибо не было обременено осложнениями этического характера вроде тех, которые в позднейшие времена выдвигались христианством с его представлением о непри-

⁹ Имеются в виду такие нововведения, как запрет многоженства, разрушивший традиционный семейный уклад, а также повышение брачного возраста для женщин. Эта последняя мера, помимо прочего, вступала в противоречие с некоторыми особенностями физиологического развития: как известно, половое созревание у женщин Средней Азии наступает несколько раньше, чем у их европейских сверстниц.

косновенности человеческой жизни и требованием невмешательства в божественный промысел. Кроме того, евгеническая практика (в современной терминологии это была негативная евгеника) возникла задолго до теоретического оформления идеи усовершенствования человека. По крайней мере, эвтаназия неполноценных новорожденных детей практиковалась всеми первобытными народами. Наиболее известным примером такого рода является обычай древних спартанцев сбрасывать со скалы ушербных младенцев, а детям без явных врожденных патологий создавать настолько тяжелые условия существования, что до периода половой зрелости доживали только самые выносливые и изворотливые (последнее качество было необходимо потому, что дети нередко были вынуждены красть еду, причем воровство поощрялось, если преступник не был схвачен за руку).

Существование такого рода практики облегчало формирование теоретического каркаса евгенического подхода, поскольку благодаря ей жизнь человека фактически оставалась включенной в разряд вещей, с которыми можно производить манипуляции. Доступность обычаев человеческого общежития для логического анализа облегчила формулирование основных теоретических установок в отношении здоровья, которые сегодня можно рассматривать как основу евгенического дискурса.

Во-первых, уже в диалогах Платона встречается упоминание о том, что *наука* имеет немаловажное значение для сохранения здоровья (то, что слово *наука* в те времена имело отличное от современного значения, не существенно для нашего анализа, ибо в обоих случаях подразумевается объективное и передовое знание). Так, например, в диалоге «Евтидем» Сократ говорит: «... при пользовании теми благами, что мы называем первыми, — богатством, здоровьем и красотой — именно наука руководит правильным применением всего этого и направляет его...»¹⁰.

¹⁰ Платон. Евтидем // Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1990. С. 169.

Вторым, существенным для настоящего исследования моментом, выраженным в предыдущем отрывке, является отношение к здоровью как к благу. Для человека двадцатого века в таком понимании здоровья нет ничего примечательного, однако следует учитывать, что в диалогах Платона благо приравнивается к благодетели и таким образом ему однозначно приписывается некий позитивный социальный смысл. Таким образом здоровье, рассматриваемое под углом зрения общественного достояния, перестает быть предметом только личного интереса и до известной степени переходит в сферу интереса государственного.

Таким образом, уже во времена античности заложены два краеугольных камня в фундамент, на котором позднее было воздвигнуто здание евгеники: принцип научности и принцип государственного контроля за состоянием здоровья населения.

В развернутом виде идея государственной регуляции взаимоотношений полов (основа основ евгенического подхода) представлена Платоном в «Государстве», где она выступает как прямое следствие тотального контроля за частной жизнью граждан. Контроль за размножением призван обеспечить бесперебойное и четкое функционирование государственной машины. Элементы означенного социального механизма должны строго соответствовать возлагаемой на них функции, а поскольку выполнение разных функций требует различного природного «оснащения» (например, воин и торговец должны обладать разными физическими данными и темпераментом), то и индивиды, носители означенных качеств, в соответствии с системой платоновского государства, должны отличаться друг от друга не меньше, чем доберман от спаниеля. Кстати, употребление кинологических терминов в данном случае вполне оправдано, ибо Платон, для придания своим мыслям наибольшей наглядности, постоянно прибегает к аналогиям из области собаководства. Фактически техническая сторона проблемы получения человека с заданными свойствами не представляется Платону

проблематичной: великий философ принимает как данность тот факт, что в плане наследования талантов (в широком смысле слова) между человеком и животными нет принципиальной разницы. Для Платона проблемой является как раз выработка социального идеала. И здесь исходным пунктом его рассуждений является признание того, что для нормального функционирования государственной машины необходимы люди с различной специализацией. То есть в его представлении никакого единого *идеала* человека быть не должно, так как совершенное государство — это единство непохожих, совокупность которых и обеспечивает целостность и устойчивость социального механизма. Ценность человеческого индивида при таком подходе определяется не сама по себе, а в зависимости от того, насколько означенный индивид соответствует возложенным на него функциям. Невозможно представить себе гармоничное общество без купцов, пастухов и т.д., пишет Платон. Но, несмотря на признание того, что «все профессии важны», в идеальном государстве Платона существует жесткая иерархия сословий, причем из описания механизма селекции человеческого материала можно заключить, что переход из одного сословия в другое практически невозможен. Лучшие люди платоновского государства — это «стражи»¹¹, сословие надзирателей. Это люди, проводящие все свое время в тренировках и разучивании специально отобранных «цензурой» мифов и гимнов, люди, не знающие ни родителей своих, ни детей и беспорядочно спаривающиеся между собой для производства на свет здорового потомства: «Все жены этих людей должны быть общими, а отдельно пусть ни одна ни с кем не сожительствует. И дети тоже должны быть общими, и пусть отец не знает, какой ребенок его, а ребенок — кто его отец»¹². Сам Платон неоднократно сравнивает их с породистыми щенка-

¹¹ Философы, управляющие государством, не в счет, ибо им отведена роль селекционеров, стоящих над обществом.

¹² Платон. Соч.: В 3 т. Т. 3(1). М., 1971. С. 254.

ми и не видит ничего зазорного в применении к людям обычных способов селекции. Но не обязательно посвящать население во все тонкости механизма, управляющего его жизнью. Например, дабы не лишать молодежь иллюзии свободного выбора партнера, предлагается устроить жеребьевку. Причем, рекомендует Платон, «жеребьевку надо, я думаю, подстроить как-нибудь так, чтобы при каждом заключении брака человек из числа негодных винил бы во всем судьбу, а не правителей»¹³. Для того, чтобы «сводить» вместе юношей и девушек, достигших брачного возраста, предлагается установить законом какие-нибудь празднества, а определение количества браков предоставить правителям, дабы они смогли контролировать количество населения с учетом войн, болезней и т.д. Союзы должны заключаться таким образом, чтобы лучшие мужчины соединялись с лучшими женщинами, а худшие, напротив, с самыми худшими, причем, потомство лучших мужчин и женщин следует воспитывать, а потомство худших — нет, «раз наше стадо должно быть самым отборным. Но что так делается, никто не должен знать, кроме правителей, чтобы не вносить ни малейшего разлада в отряд стражей»¹⁴. Все родившееся потомство немедленно отбирается у матерей и поступает в распоряжение должностных лиц, которые определяют, кого из детей отдать в ясли для дальнейшего вскармливания, а кого «укрыть в недоступном тайном месте», т.е., говоря современным языком, подвергнуть эвтаназии.

Благословенная наивность античного мышления открыто демонстрирует свои намерения, благодаря чему становятся явными те неприглядные стороны, которые имплицитно содержатся в идее усовершенствования человеческого рода. Евгеники XX века были вынуждены прибегать к различным ухищрениям дабы замаскировать позицию откровенного превосходства, которую они заняли по отношению ко всему остальному человечеству.

¹³ Платон. Соч.: В 3 т. Т. 3(1). С. 257.

¹⁴ Там же.

Идея государственного контроля за интимной жизнью населения нашла отражение и в творчестве других строителей идеальных государств, таких как Т.Мор и Т.Кампанелла. В «Утопии» Томаса Мора историческая привязанность (или иначе — ограниченность) всех конструкций подобного рода ощущается не менее сильно, чем в творчестве Платона: будучи современником колонизации Америки, он все свое идеальное общество подчинил потребностям роста и территориального распространения колоний. Если для Платона, обитателя обжитой территории, было важно сохранить неизменной численность населения полиса, то Мор описывает механизм экспансии цивилизных поселений в земли диких аборигенов. Соответственно, в его демографической программе отсутствует пункт об ограничении размножения: «Во избежание чрезмерного малолюдства городов или их излишнего роста принимается такая мера предосторожности: каждое семейство, число которых во всяком городе, помимо его округа, состоит из шести тысяч, не должно заключать в себе менее 10 и более 16 взрослых. Что касается детей, то число их не подвергается никакому учету. Эти размеры легко соблюдаются путем перечисления в менее людные семейства тех, кто является излишним в очень больших. Если же переполнение города вообще перейдет надлежащие пределы, то утопийцы наверстывают безлюдье других своих городов. Ну а если народная масса увеличится более надлежащего на всем острове, то они выбирают граждан из всякого города и устраивают по своим законам колонию на ближайшем материке»¹⁵. Счастливые население острова Утопия, так же, как и граждане идеального платоновского государства, живет в условиях какого-то уродского коммунизма и, хотя жены и дети у каждого свои, но зато имеют место совместные трапезы в общественных столовых, где место каждого и порядок получения блюд строго определены его социальным статусом. Залогом процветания этого общества является

¹⁵ Мор Т. Утопия. М. – Л., 1947. С. 121.

абсолютное подчинение индивидуальной жизни интересам государства, выразителем которых является группа старейшин. Физическое здоровье относится «почти всеми утопийцами» к разряду удовольствий. Поэтому, «если болезнь не только не поддается лечению, но доставляет постоянные мучения и терзания, то священники и власти обращаются к страдальцу с такими уговорами: он не может справиться ни с какими заданиями жизни, неприятен для других, в тягость себе самому и, так сказать, переживает уже свою смерть; поэтому ему надо решиться не затягивать далее своей пагубы и бедствия, а согласиться умереть, если жизнь для него является мукой; далее, в доброй надежде на освобождение от этой горькой жизни, как от тюрьмы и пытки, он должен сам себя изъять из нее или дать с своего согласия исторгнуть себя другим»¹⁶. Иными словами, человек имеет право жить лишь до тех пор, пока он полезен общине, а потом светские и духовные власти совместными усилиями уговорят его покончить жизнь самоубийством.

Семейная жизнь также строго регламентирована и лишена человеческой теплоты. Да и стоит ли привязываться к родственникам, если старейшины в любой момент могут «перечислить» тебя в другую семью или вовсе отправить из города на освоение новых территорий. Необходимые физические качества потомства обеспечиваются ритуалом сватовства, в процессе которого жених и невеста предстают друг перед другом в обнаженном виде, дабы никакой физической изъян не был скрыт от глаз нареченного. Т.Мор, по-видимому, считает этот обычай чрезвычайно прогрессивным и полезным для оздоровления народонаселения. Ведь при покупке лошади, говорит он, люди подвергают ее всестороннему осмотру, а при выборе «счастья на всю жизнь» довольствуются только обзором лица. «Этим они подвергают себя большой опасности несчастного сожительства, если в последствии окажется какой-нибудь недостаток»¹⁷. Как видим,

¹⁶ Мор Т. Утопия. С. 163–164.

¹⁷ Там же. С. 166.

и здесь имеет место пресловутая аналогия с разведением скота, при этом упускается из виду тот факт, что лошади после случки сразу расходятся, им не приходится вместе воспитывать детей и коротать старость. Тогда как для людей отсутствие физических изъянов еще не является гарантией «счастья на всю жизнь».

Идеальное общество другого известного утописта — Томазо Кампанеллы — построено по образцу средневекового города, окруженного многочисленными каменными стенами, которые, впрочем, используются не только для обороны от неприятеля, но и для обучения подрастающего поколения, так как на их внутренней поверхности содержится много полезной информации. Жизнь в «Городе солнца» еще более регламентирована, чем в государстве Платона и Утопии Т.Мора. За интимной жизнью граждан наблюдает специальное должностное лицо — «Любовь», — в обязанности которого входит надзор за деторождением и за тем, чтобы сочетание мужчин и женщин давало наилучшее потомство. Кампанелла детально рассматривает вопросы воспроизводства населения, открыто провозглашая приемы разведения скота образцом и для человеческих взаимоотношений. Как он пишет, солярии «издеваются над тем, что мы, заботясь усердно об улучшении пород собак и лошадей, пренебрегаем в то же время породой человеческой»¹⁸.

У соляриев принята общность жен на том основании, что все остальное у них тоже общее. Разрешение на вступление в брачные отношения исходит от главного «начальника деторождения», опытного врача, подчиненного «правителю Любви». Процедура подбора кандидатов протекает следующим образом: «Когда же все, и мужчины и женщины, на занятиях в палестре, по обычаю древних Спартанцев, обнажаются, то начальники определяют, кто способен и кто вял к совокуплению и какие мужчины и женщины более подходят друг к другу; а затем, и лишь после тщательного омовения

¹⁸ Кампанелла Т. Город Солнца. М.—Л., 1947. С. 36.

ния, они допускаются к половым сношениям каждую третью ночь. Женщины статные и красивые сочетаются только со статными и крепкими мужами; полные же — с худыми, а худые — с полными, дабы они хорошо и с пользой уравновешивали друг друга»¹⁹. Час совокупления определяется врачом и астрологом. Должностные лица, которые (обратите внимание) все являются одновременно и священниками, допускаются к совокуплению только при соблюдении многих дополнительных условий, «ибо от усиленных умственных занятий ослабевают у них жизненные силы, и мозг их не источает мужества, потому что они постоянно о чем-нибудь размышляют и производят из-за этого худосочное потомство. А этого они всячески стараются избежать, и потому таких ученых сочетают с женщинами живыми, бойкими и красивыми. Людей же резких, быстрых, беспокойных и неистовых — с женщинами полными и кроткого нрава»²⁰.

По поводу передачи по наследству нефизических качеств Кампанелла придерживается той теории (кстати, популярной и сегодня), согласно которой на развитие плода оказывают влияние впечатления, полученные женщиной в период беременности: «В спальнях стоят прекрасные статуи знаменитых мужей, которые женщины созерцают и потом, глядя в окна на небо, молят бога о даровании им достойного потомства»²¹.

Солярии считают также (и в этом их взгляды совпадают с современными генетическими представлениями), что совершенного телосложения, благодаря которому развиваются добродетели, нельзя добиться путем тренировок, что все решает дурная или хорошая наследственность. Именно поэтому «все главное внимание должно быть сосредоточено на деторождении и надо ценить природные качества производителя, а не приданое или обманчивую знатность рода»²².

¹⁹ Кампанелла Т. Город Солнца. С. 52.

²⁰ Там же. С. 54.

²¹ Там же. С. 53.

²² Там же. С. 55.

Проблема взаимоотношения полов в городе Солнца, населенном «праведниками», разбирается настолько подробно (без всякого стеснения при том), что невольно приходится соглашаться с теми исследователями, которые усматривают в творчестве Кампанеллы и сходных с ним авторов элементы порнографии, то есть того особого рода литературы, который создается с единственно с целью — поговорить о сексе — и не несет в себе никакой эстетической или идейной нагрузки. Об этом свидетельствуют, например, фрагменты текста, описывающие методы борьбы с «распутством» разного рода: «Ни одна женщина не может вступать в сношение с мужчиной до 19-летнего возраста; а мужчины не назначаются к производству потомства до 21 года или даже позже, если они имеют слабое телосложение. Правда, иным позволяется и до достижения этого возраста сочетаться с женщинами, но только или с бесплодными, или же с беременными, дабы не довести кого-нибудь до запретных извращений. Пожилые начальники и начальницы заботятся об удовлетворении половых потребностей более похотливых и легко возбуждающихся, узнавая об этом или по тайным их просьбам, или наблюдая их во время занятий в палестре»²³. Бесплодная женщина переходит в общее пользование, но уже не пользуется почетом как матрона: «Это делается с той целью, чтобы ни одна не предотвращала сама беременности ради сладострастия»²⁴.

Жизнь людей в Городе Солнца выглядит еще более серой и безрадостной, чем в фантазиях предшественников Кампанеллы, а его утопия еще больше смахивает на анти-утопию. Отвращение вызывают не только методы подбора пар для совокупления, но и сами добродетельные индивиды, рожденные в результате этих совокуплений.

Приведенные примеры относятся к так называемому *донаучному* периоду развития евгенической идеи, то есть к тому этапу, когда механизмы наследования еще не были

²³ Кампанелла Т. Город Солнца. С. 51.

²⁴ Там же. С. 55.

известны. Характерной чертой этого периода является то, что ранние утопические проекты разрабатывались в отсутствие социального заказа, так сказать, из любви к искусству, из чисто метафизических соображений (видимо, поэтому во главе утопических обществ оказывались философы, мудрецы, старейшины и т.д., а не политики и знать, обладающие властью в реальной жизни). Таким образом, хотя мы и говорим об архетипичности идеи усовершенствования человеческого рода, однако нельзя утверждать, что в описанный период она была скольконибудь влиятельной. Но приблизительно к середине 18 века постепенно оформляется государственная политика народонаселения и, в контексте меркантилизма, «население» начинают рассматривать как ресурс, подлежащий учету и контролю наряду со всеми прочими ресурсами. Возникает демография как новая область систематического знания, отслеживающая процентное соотношение смертности и рождаемости и служащая основой для управленческих решений государственного аппарата. И, как пишет немецкий исследователь К. Байертц, «на этой познавательной базе стол лет спустя возникает евгеника как дисциплина, ориентированная на управление и контроль за наследственным здоровьем человека»²⁵.

²⁵ Weingart P., Kroll J., Bajertz K. Rasse, Blut u. Gene. Frankfurt a/M., 1988. S. 17.

ГЛАВА II. ЕВГЕНИКА КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА: МИФЫ О ВЫРОЖДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА И ВСЕСИЛИИ НАУКИ

Говоря о классическом этапе в развитии евгенической идеи, мы имеем в виду период, охватывающий вторую половину XIX в. и первую половину XX в. — чуть меньше ста лет. Это чрезвычайно насыщенный период в истории человечества, вместивший в себя две мировые войны и приведший к серьезным изменениям в самооценке человека. Возможно, именно благодаря стремительности исторического процесса евгеника (а она относится к числу тех областей знания, которые чутко реагируют на малейшие перемены в социальной жизни) совершила в означенный период полный цикл развития: от первоначальной стыдливой формулировки целей и задач до их практического осуществления, приобрела дурную славу расистской и бесчеловечной затеи, была предана анафеме прогрессивным человечеством и практически похоронена на многие десятилетия. Скоропостижность ухода евгеники со сцены имела ощутимые негативные последствия: многие из поставленных ею проблем остались нерешенными. Между тем, эти проблемы не были фиктивными, в отличие от скандальных решений, предлагавшихся для них «евгенистами» начала XX века. Умолчание или игнорирование — не лучший способ обхождения с проблемами. История евгеники наглядно иллюстрирует эту мысль. Сегодня человечество вновь вынуждено обращаться к тем проблемам, с которыми евгеника начала работать более полутора веков назад. Это перенаселенность и голод на значительной территории земного шара, рост врожденных патологий, сниже-

ние иммунитета и т.п. Большинство исследований в этой области сегодня проводится под маркой генетики человека и различных экологических течений. Но и само слово «евгеника» все чаще мелькает на страницах научных публикаций. Это свидетельствует о растущей значимости евгенической проблематики, а значит, в целях восстановления преемственности евгенических идей будет весьма полезно обратиться к истории движения.

В предыдущей главе, завершая рассмотрение протоевгенических утопий, мы отметили, что идея необходимости усовершенствования человека не была особенно влиятельной и относилась скорее к сфере беллетристики (некоторые из современных исследователей говорят о порнографии), нежели серьезной научной литературы. Для того, чтобы евгенические идеи начали работать и реально влиять на общественную жизнь, необходимо было, чтобы совпали два момента. Прежде всего нужна была хорошая научная база, которая делала бы технически *возможными* манипуляции с наследственностью, а во-вторых, необходимо было наличие соответствующего социального заказа, который оправдывал бы в глазах общественности подобные манипуляции.

На рубеже XIX—XX вв. в Западной Европе сложилась ситуация, когда такая мнимая возможность и кажущаяся необходимость сошлись и породили евгенику. Возможность практического улучшения человеческой породы давали, как представлялось, такие передовые научные теории, как дарвинизм и генетика, а необходимость в срочном вмешательстве в ход естественной эволюции человека диктовалась физической и нравственной деградацией населения.

Дарвинизм как научное обоснование процесса дегенерации человечества

С дарвинизмом евгенику связывают особые и далеко не однозначные отношения. Сами евгенисты видели в теории Ч.Дарвина о происхождении видов научное объяснение при-

чин дегенерации человечества, а также руководство к действию, описывающее пути преодоления этой напасти. В их представлении дарвинизм выступал по отношению к евгеническим проектам как теоретическая платформа, придававшая евгенике оттенок завершенного научного мероприятия, и как методологическая основа, определявшая основные направления евгенического вмешательства.

Рассматривая вопрос о правомерности апелляции евгеники (с ее весьма сомнительным научным статусом) к дарвинизму, следует заметить, что первоначальный импульс к экстраполяции эволюционного учения на род человеческий был дан самим Дарвином, перу которого принадлежит одна из первых попыток рассмотреть историю человечества сквозь призму естественных законов. В работе «Происхождение человека и половой подбор» он прямо заявляет о своих намерениях: «Соображаясь со взглядами, усвоенными теперь большинством натуралистов, которые, как всегда бывает, в конце концов будут приняты и публикой, я решился собрать свои заметки, чтобы увидеть, насколько общие заключения, к которым я пришел в моих прежних сочинениях, применимы к человеку. Это казалось тем более желательно, что я намеренно никогда не применял еще этих взглядов ни к одному виду, взятому в отдельности»²⁶. И в заключительной части второго раздела указанного сочинения Дарвин говорит, что «читатель, давший себе труд прочитать несколько глав, посвященных половому подбору, будет способен судить, в какой мере выводы, мною достигнутые, подкрепляются достаточно убедительными фактами. Если он примет эти выводы, то, я думаю, смело может распространить их на человека»²⁷.

Примечательно, однако, что, давая карт-бланш на приложение открытых им закономерностей биологической эволюции к области антропогенеза, сам Дарвин далеко идущих выводов относительно будущей судьбы человечества не де-

²⁶ Дарвин Ч. Происхождение человека и половой подбор. СПб., 1896. С. 3.

²⁷ Там же. С. 564.

дал, и каждое свое суждение, выходящее за рамки собственно биологии, сопровождал многочисленными оговорками типа «мне кажется», «вероятно» и т.д. Этот момент представляется существенным для понимания того, насколько необоснованными были претензии евгеники на связь с позитивной наукой. По крайней мере Дарвин, на которого они так любят ссылаться, прямо говорит, что евгенические мероприятия, при всей их полезности и своевременности, останутся *утопией* до тех пор, пока законы наследственности не будут изучены в полной мере, а это утверждение делает несостоятельными все попытки *научно* обосновать евгенические мероприятия ссылками на дарвиновскую теорию.

В трудах Дарвина осторожные гипотетические высказывания относительно естественной эволюции различных культурных феноменов занимают гораздо меньше десятой части объема. Но именно они привлекли наибольшее внимание современников великого натуралиста и произвели наибольшие перемены в представлении об устройстве мира. Подробный рассказ о том, как самка фазана выбирает себе брачного партнера, ориентируясь на особенности рисунка на его крыльях, мог произвести впечатление разве что на орнитологов, но рассуждения о том, почему мужчина сильнее, сообразительнее и предприимчивее, чем женщина, живо интересовали даже людей, далеких от биологии. При этом евгеники, ссылаясь на теорию Дарвина, не проводили различий между представленным в ней биологическим материалом, которым, собственно и определялся естественнонаучный статус эволюционной теории, и социальными выводами, сделанными самим Дарвином и не имевшими непосредственного отношения к той области знания, в которой специализировался этот выдающийся ученый. Таким образом, была произведена довольно распространенная в истории науки подстановка, когда авторитет, заработанный ученым в одной области (ботаника и зоология) был использован для придания весомости его теоретическим выкладкам в другой (антропо- и социогенез). При этом сам Дар-

вин, по-видимому, понимал, что обоснованность его суждений в новой для него области — несколько иного свойства, чем в трудах, посвященных живой природе. Отсюда и многочисленные оговорки, которыми он сопровождает свои выводы. Для евгеников же оказалось достаточно авторитета Дарвина-натуралиста, чтобы принять на веру и прочие его суждения, и в их отсылках к теории естественного подбора все оговорки Дарвина опущены. Теория естественного подбора рассматривается ими как единое образование, описывающее основные закономерности развития как живой природы, так и человека.

Влияние такого «адаптированного» дарвинизма на мировидение людей конца XIX — начала XX в.в. оказалось необычайно сильным. Оно выходило далеко за пределы только научного обсуждения. Распространение эволюционных идей среди ученых и в околонуучных кругах было стремительным и напоминало чудесное прозрение: казалось, еще только вчера живая природа была полна тайн и загадок, а уже сегодня естественная история предстала в виде закономерного, подчиненного простой логике борьбы за существование процесса. Стоит ли удивляться тому, что в этом угаре кажущегося овладения тайнами эволюции большинство адептов и популяризаторов новой теории не захотело ограничиться сферой флоры и фауны, а естественным образом обратилось к проблеме происхождения человека? И в области социальной жизни, как и в живой природе, дарвинизм снова сыграл роль волшебных очков, принесших с собой прозрение, в результате которого многие факты и взаимосвязи, прежде скрывавшиеся за хитросплетениями почти мистического жизненного процесса, предстали во всей своей простоте и очевидности.

Приложение теории естественного отбора к человечеству как к особому биологическому виду было необходимо, прежде всего, для того, чтобы показать естественные причины вырождения, как физического, так и духовного (падение нравственности). Благодаря рассмотрению человечества сквозь призму законов, действие которых было доказано для

мира флоры и фауны, стало очевидно, что причина деградации заключается в том, что в обществе естественный отбор утратил ту остроту, которая имеет место в природе (1/0,9 вместо необходимых 1/9) и обеспечивает поддержание высокого стандарта выживаемости. Таково было общее убеждение и исходная позиция всех участников евгенического движения на рубеже веков. И этим убеждением, по сути, ограничивается связь евгенических идей с дарвинизмом. Не случайно евгенисты так любят ссылаться на Дарвина и при этом практически никогда его не цитируют, ограничиваясь по большей части ссылкой на его рассуждение о пользе изучения родословной не только у лошадей и собак, но и у людей. Это похоже на перефразирование аналогичного высказывания Т.Мора: «Человек исследует с щепетильной тщательностью признаки и родословную своих лошадей, рогатого скота и собак, прежде чем соединяет пары; но когда речь идет о собственном браке, он редко или никогда не заботится о чем-либо подобном. Им управляют почти те же мотивы, что и низшими животными, когда они предоставлены собственному свободному выбору, хотя человек настолько превосходит их, что высоко ценит душевные прелести. С другой стороны, человек сильно привлекается одним богатством и положением²⁸. Однако он мог бы путем подбора сделать кое-что не только для телосложения и внешних форм, но и для их умственных и нравственных качеств»²⁹.

Несмотря на то, что приведенная цитата почти полностью исчерпывает связь Дарвина с евгеникой, евгенисты имели основания причислять этого выдающегося ученого к своему пантеону, поскольку идея эволюционизма, лежащая в основе теории Дарвина, бесспорно, произвела подлинную революцию в представлениях о том, как все происходило и происходит в живой природе. И именно это изменение в

²⁸ О необходимости противодействовать вредному влиянию богатства и обманчивой знатности рода на выбор брачного партнера писал также Т.Кампанелла.

²⁹ Дарвин Ч. Указ. соч. С. 564.

видении мира сделало возможным само существование евристического дискурса. Если прежде атеисты только декларировали, что Бог — лишняя деталь в мироздании, то теория эволюции показала, как может природный механизм работать без этой детали. Причем их нимало не смущал тот факт, что сам Дарвин особо подчеркивал абсолютную безвредность своей теории для идеи божественного творения: «Я знаю, что выводы, достигнутые в этом сочинении, многими будут названы крайне нерелигиозными; но тот, кто пытается очернить их, обязан показать, почему более нерелигиозно выводить происхождение человека, как особого вида, от некоторой низшей формы, путем законов изменчивости и естественного подбора, нежели объяснять рождение особи законами обычного воспроизведения. Рождение как вида, так и особи, одинаково составляют часть той великой последовательности событий, в которой наша мысль отказывается видеть результат слепого случая. Рассудок возмущается таким заключением, независимо от того, допускаем ли мы или нет, что каждое малое изменение строения, брачный союз каждой пары, посев каждого семени и все подобные события были предопределены для некоторой специальной цели»³⁰. Но, несмотря на эту (очередную) оговорку Ч. Дарвина, теория естественного отбора изымала из сферы Божественной компетенции значительный кусок обязанностей и передавала его в ведение беспристрастных законов природы, открывая тем самым поле для деятельности людей, знающих эти законы.

Влияние идеи эволюционизма испытало не только научное сообщество, что было бы вполне понятно, но и широкие слои общественности, для которых дарвинизм выступил в роли некоего объединительного принципа, мировоззренческого каркаса, позволившего иначе взглянуть на живую природу и уложить разрозненные факты в простую объяснительную схему. Образно говоря, человечество в очередной раз отказалось от эпициклов и увидело, что движение кос-

³⁰ Дарвин Ч. Указ. соч. С. 560.

моса описывается *простыми* законами. Отныне вся природа — и живая и неживая — предстала в непрерывном движении, эволюционном развитии. Картина жизни на земле в свете теории Дарвина оказалась настолько ясной, разумной и понятной, что последующее ее проникновение «в массы» можно без преувеличения назвать триумфальным шествием.

Эта история могла бы служить классической иллюстрацией включения научных идей в мировоззрение эпохи, а также доказательством того, что наука (в данном случае биология) способна оказывать прямое и неоспоримое воздействие на культуру в целом, в том числе и на те ее сферы, которые непосредственно с наукой не связаны. Но, как часто бывает, кажущаяся очевидность скрывает за собой гораздо более сложные связи, и на то, что такие связи и зависимости существуют, указывают некоторые обстоятельства, которые должны сразу же насторожить неподготовленного аналитика.

Первое обстоятельство заключается в том, что идея эволюционизма возникла вовсе не в биологии, и была известна научному сообществу задолго до Ч. Дарвина. В частности, эволюционной была космогоническая теория И. Канта, весьма известного и авторитетного ученого. Но по какой-то причине современники Канта восприняли идею всеобщего развития не так близко к сердцу, как современники Дарвина.

Во-вторых, популяризация дарвинизма практически сразу обернулась его вульгаризацией, ибо сколько бы мы ни говорили о простоте и ясности дарвинистской картины развития живой природы, не следует все же забывать, что простота простоте — рознь, и человек без специального образования несколько искаженно воспринимает даже изложение простых фактов, не говоря уже о научных выводах и теоретических допущениях³¹. Таким образом, реально включенными в менталитет оказались собственно не идеи Дарвина,

³¹ Как говорил один преподаватель, читавший нам, студентам-философам, лекции по физике: «Картина микромира, которую я вам сейчас представил, не вполне корректна с физической точки зрения, но это не имеет значения, поскольку вы меня все равно неправильно поймете».

а некие «мифологизированные» представления о естественном отборе, борьбе за существование и проч., и именно они оказали то беспрецедентное влияние на адаптацию идеи вырождения в сознании современников, о котором мы здесь говорим. Эти же искаженные представления о закономерностях биологического развития легли в основу последующего теоретизирования в духе евгеники и, что еще неприятнее, социал-дарвинизма. Немецкий биолог Р.Гольдшмидт, современник описываемых событий, сравнивавший теорию Дарвина с «путеводной звездой» всякого современного исследования, будь то биология развития, физиология, антропология или социология, отмечал, что повод для использования дарвинизма «не по назначению» отчасти дается самой теорией, ибо, как всякая великая и плодотворная идея, учение о происхождении видов во многом обязано своим существованием творческой фантазии: «В нашей науке наступило время «бури и натиска» (*Sturm und Drang*), пробужденная фантазия переходит всякие границы, теории обретают статус фактов, описания рассматриваются как научные объяснения»³².

И, наконец, вызывает подозрения сама «триумфальность шествия» дарвинизма, ибо подобное вхождение в культуру не характерно для научных теорий. Наука всегда была занятием более или менее элитарным. Ученые традиционно обитали в «башне из слоновой кости», изолированные от мира и занятые своими проблемами. Конечно, общество охотно использует достижения научно-технического прогресса, но сам процесс познания — внутреннее дело научного сообщества, и «простецам» не должно быть дела до столкновения конкурирующих теорий. С этой точки зрения ажиотажный интерес широкой общественности к теории Дарвина выглядит подозрительно и наводит на мысль, что революционизирующее воздействие дарвинизма на мировоззрение выходило далеко за рамки простой популяризации науки. Не-

³² *Goldschmidt R.* Einführung in die Vererbungswissenschaft in zwanzig Vorlesungen für Studierende, Ärzte, Züchter. Leipzig, 1911. S. 1.

мецкие исследователи П. Вайнгарт, Ю. Кролль и К. Байертц утверждают, что действительное значение теории Дарвина заключалось в том, что она позволила совершенно по-новому взглянуть на целый ряд *социальных* проблем, придав социальным закономерностям статус естественного, биологического закона. Именно это возводит теорию Дарвина в ранг научных теорий мировоззренческого характера, способных на равных конкурировать с другим, тоже революционным мировоззрением означенного периода — с социальной теорией К. Маркса³³.

Что же это была за потребность и какие социальные проблемы позволила осветить по-новому теория Дарвина? Тяжелая общественно-политическая ситуация в Европе на рубеже XIX — XX вв. позволяет предположить, что это была проблема физического и морального вырождения человека, которая уже давно дождалась своего *научного* осмысления.

Идея деградации человека имеет очень древние корни. В первой главе было показано, что миф о вырождении восходит к первым легендам о Золотом веке. Почти столь же древней является идея усовершенствования человека, и со времен Платона ей сопутствует мысль о необходимости государственного контроля за размножением.

До появления теории Дарвина евгенические идеи оставались более-менее умозрительными, не имеющими обоснования в позитивных науках. Основу их составляли житейские наблюдения, типа «яблочко от яблони недалеко падает», а также многовековая практика выведения новых пород домашних животных. На этом «фундаменте» и строились проекты усовершенствования человека протоевгенического периода. Понятно, что дарвинизм, описавший механизм и движущие силы эволюции (естественный отбор, борьба за существование), был воспринят как долгожданное научное объяснение тех процессов, которые на интуитивном уровне уже были понятны всякому здравомыслящему человеку.

³³ Weingart P., Kroll J., Bajertz K. Op. cit. S. 30.

Как говорилось выше, революционизирующее воздействие теории Дарвина, на которое указывают многие исследователи, выразилось в том, что она позволила увидеть в ином свете многие социальные проблемы. И здесь решающую роль сыграла своевременность появления дарвинизма на идейной арене. Европа на рубеже веков переживала один из наиболее бурных периодов своей истории. С одной стороны, это было время оптимистических надежд на будущее, питавшихся как идеями прогрессивных социальных преобразований, так и заметными успехами естественных наук, обещавших скорое овладение силами природы. Но, с другой стороны, это было время постепенного углубления кризиса империализма, разрешившегося в конечном счете Первой мировой войной. Война оказалась разрушительной не только для европейской экономики, но и для европейской культуры в целом. Наиболее развитые в культурном отношении страны оказались в тисках невиданных доселе нужды и голода. Ощущение глубочайшего кризиса культуры, выразившегося в крахе политических режимов, напряжении военного противостояния, росте безработицы, падении нравственности и проч., и проч., все это порождало ощущение конца истории. Напряженные поиски разумного объяснения происходящему вылились в убеждение, что виной всех несчастий является вырождение человечества. Стоит ли удивляться, что в этих обстоятельствах теория Дарвина, которая не только объясняла причины общекультурной катастрофы, но и указывала пути выхода из кризиса (по меньшей мере — по мнению социальных дарвинистов) была встречена с таким энтузиазмом.

Люди с позитивным складом ума, склонные искать решения гуманитарных проблем в науке, посчитали, что теория Дарвина достаточно ясно показала, что причины вырождения лежат не столько в социальной, сколько в природной, биологической сфере. Чрезмерное размножение людей, ведущее в конечном счете к голоду, болезням (в основном — туберкулез и сифилис) и многим другим бедам, с которыми

в додарвиновский период безуспешно пытались бороться средствами просвещения и агитации, в свете новейшей научной теории предстало как следствие ослабленного давления естественного отбора. Этим же объяснялся тот загадочный в рамках другой парадигмы факт, что кризис наиболее тяжело поразил наиболее развитые в культурном отношении страны.

Распространение идей дарвинизма стало основанием для нового витка критики неомальтузианства, центральной идеей которого было повышение жизненного уровня населения за счет сокращения рождаемости. Последователи преподобного Мальтуса считали, что это естественный путь к восстановлению баланса между человеческими и продовольственными ресурсами земли. Но евгенисты, опираясь на теорию Дарвина, возражали на это, что для *homo sapiens*, как и для всех других видов, наиболее выгодным в эволюционном отношении является избыточное размножение, которое вкупе с высокой детской смертностью позволяет поддерживать определенный стандарт качества народонаселения в течение неопределенно долгого времени. Существенным недостатком неомальтузианства, по мнению сторонников евгенической регуляции, является также то, что оно воздействует на население посредством пропаганды и агитации, действию которых, как известно, наиболее подвержены интеллигентные, образованные люди, т.е. самые ценные слои населения. Значит, именно они главным образом и будут сокращать рождаемость, тогда как нищие, неграмотные, деклассированные элементы, совершенно глухие к пропаганде, будут продолжать размножаться с прежней безудержностью. Это ведет к преобладанию в обществе «малоценных» индивидов и к ухудшению общей структуры народонаселения. Деление граждан на «ценных» и «малоценных» индивидов отражает еще один аспект евгенических дискуссий начала двадцатого века, а именно, споры о «доле участия» различных слоев населения в размножении.

Приложение дарвинизма к анализу социальной жизни (то есть фактически — использование его *не по назначению*) показало, что идейное господство неомальтузианства в до-

дарвиновский период, а также развитие программ социальной поддержки неимущих, которые приобретают все большую популярность в «культурных странах», а также развитие медицины — все эти благие по сути начинания явились непосредственной причиной кризиса в Европе. Дарвинизм продемонстрировал эту «очевидную» зависимость, сообщив ей силу *естественного* закона, действию которого невозможно противостоять социальными мерами. Дарвинистский взгляд на вещи позволил понять, почему человечество одолевают многочисленные (при том — все новые и новые) болезни, почему всякое последующее поколение рождается более слабым физически, менее выносливым и «приспособленным».

В ходе критики неомальгузианства сторонники евгенического вмешательства очень грамотно доказали недостаточность пропагандистских мер воздействия на население. Но сами евгенисты придавали пропаганде огромное значение (это видно из практических евгенических программ), поскольку осознавали, что претворение их замыслов в жизнь (а именно такую задачу и никак не меньше ставили перед собой евгеники), требует основательной работы с общественным мнением.

Притягательность теории Дарвина для небиологов заключалась также в том, что подсознательно она воспринималась как научное обоснование не только биологического, но и морального прогресса. Соблазнительность естественного объяснения столь эфемерного феномена, как мораль, была настолько велика, что ее не избежал и сам Дарвин. Как пишет современный австрийский философ *Ф.М. Вукетитс*, *поверхностный* взгляд на историю человечества рождает мысль о существовании морального прогресса: «Понятие прогресса тесно связано с идеей о «более высоком моральном развитии» человечества. Дарвин тоже верил, что этот прогресс существует. Согласно его представлениям, нравственное чувство развивается из социальных инстинктов. Благодаря культуре человек получает возможность постоянно совершенствоваться и развивать эти инстинкты. Этот «моральный аргу-

мент» играл важную роль в его концепции происхождения человека. Он даже усматривал в нем утешение для всех тех, кому была неприятна мысль о происхождении от «низшей формы». Многие современники Дарвина разделяли его оптимизм относительно будущего человечества. Они полагали, что моральный прогресс человечества — это естественный процесс: привычка стала обычаем, обычай — законом, закон стал регулятором социальной организации, пробудил чувство долга, стал основой морали»³⁴. Но с евгенической точки зрения такой механизм возникновения нравственности заключал в себе скорее повод для пессимистических прогнозов, ибо ослабление давления естественного отбора в культурных странах отрицательным образом сказывалось и на моральной «конституции» населения. Следуя той же логике восприятия дарвинизма как общей теории и природных, и социальных явлений, евгеники не делали различия в наследовании физических и духовных качеств. Сходство механизмов подразумевалось само собой. Более того, не делалось различий между душевными болезнями и нравственными пороками.

Тот факт, что теория Дарвина так органично подходила для толкования явлений социальной действительности, делал ее необыкновенно привлекательной еще и для различных политических течений. Будучи примененной для толкования причин экономико-политического кризиса в Европе, она давала настолько полную и исчерпывающую картину пауперизации, обнищания и т.п., что легко выдерживала конкуренцию с марксизмом. Но, поскольку, в отличие от марксизма, теория Дарвина первоначально предназначалась не для социальной среды, она была идеологически индифферентной, то есть вполне могла служить объективной основой для самых разных политических платформ. По оценке современных исследователей истории евгеники в Германии Вайнгарта, Кролля и Байертца, «мировоззренческий статус

³⁴ *Wuketits F.M.* Warum uns das Boese fasziniert. Stuttgart—Leipzig, 1999. S. 212.

эволюционной теории не в последнюю очередь проявился в том, что она стала основой для легитимизации новых социальных или политических движений, либо объектом, к которому апеллировали уже существующие партии и группировки. При этом ее идеологическая амбивалентность явилась основой как для оптимистического прогрессизма, так и для пессимистического драматизирования опасности вырождения. Теория не проводит четких различий между правилами поведения, направленного на усовершенствование вида, т.е. позитивно-евгеническими мероприятиями, и предотвращением дегенерации, т.е. «негативной евгеникой». Везде, где сами евгеники проводят это различие, оно вытекает из политико-прагматических, а не научных оснований. Нордические, народнические, расово-мифологизаторские группы так же опирались на дарвинистские и евгенические теории, как это делали одно время левые социалисты. Но исторически, тем не менее, евгеника стала наукой политических правых»³⁵. В результате не только евгеника, но и дарвинизм, на который она опиралась как на собственное основание, оказался отмечен меткой «политической правизны». Термин «социальный дарвинизм», изобретенный для псевдонаучного оправдания «звериной» жестокости в обращении с людьми, говорит сам за себя, но, как отмечал отечественный генетик В.П.Эфроимсон, «идея о национально-расовом неравенстве возникла за тысячелетия до Дарвина, как и идея о естественном превосходстве преуспевающих над неудачниками, богатых над бедными, знати над чернью. Однако дарвинизму «не повезло», так как он очень быстро был использован как доказательство естественности социального неравенства. При этом за отсутствием «подходящих» мест у самого Дарвина ссылаются на Т.Гексли, сподвижника и комментатора Дарвина. Тем самым и социал-дарвинизму придается известная близость к самому Дарвину»³⁶.

³⁵ Weingart P., Kroll J., Bajertz K. Op. cit. S. 19.

³⁶ Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. СПб., 1995. С. 104.

Мы уже говорили о том, что отношения дарвинизма и евгеники были неоднозначными, и это относится не только к попыткам приспособить теорию Дарвина к удовлетворению различных идеологических потребностей. Для евгеники в целом дарвинизм был своеобразным пропуском в науку, без которого ее революционные цели и жесткие методы оставались не более, чем утопией, такой же забавной (и немного неприличной), как и сочинения Т.Мора и Т.Кампанеллы. Практически все теоретические построения евгенистов, так же, как и довольно радикальные планы переустройства общества, начиная с сексуальной революции и кончая реформой законов о наследовании имущества, держались на единственном допущении, что эволюция такого единственного в своем роде биосоциального существа, как человек, подчиняется законам биологической эволюции. По мере того, как евгеническое движение набирало силу во всем мире, факт, что все его здание держится на столь непрочном фундаменте, постепенно был предан забвению. Его вытеснило глубокое внутреннее убеждение в том, что евгеника — это современнейшая из наук, опирающаяся на передовое учение Дарвина. «Биологическое вырождение», «естественный отбор» и «борьба за существование» — это те ключевые слова, которые придавали весомость и обоснованность евгеническим замыслам, демонстрировали их актуальность и доказывали, что евгенический проект перестал быть утопией. Открытие законов естественной эволюции дало основателю Русского евгенического общества Н.К.Кольцову утверждать, что, в отличие от прежних революционных и реформаторских проектов, которые строились на голых принципах, современная евгеника основывается на прочной научной базе — на эволюционном учении³⁷. В этом, как ему представлялось, заключается основной творческий потенциал евгеники, ибо современный ученый *знает*, что человечес-

³⁷ Кольцов Н.К. Улучшение человеческой породы // Русский евгенический журнал. 1922. Т. 1. вып. 1. С. 4.

кая природа может быть изменена, а значит он может быть заранее уверен в успехе своего предприятия. Это высказывание Н.К.Кольцова ценно тем, что отражает общее убеждение евгенистов классического периода в том, что их творчество уже не отмечено клеймом утопичности. Другой источник уверенности заключался в открытии материального носителя наследственности. Сегодня, спустя столетие после выхода работы Н.К.Кольцова, мы знаем, какую колоссальную работу предстояло проделать генетикам только для расшифровки последовательности нуклеотидов в хромосомах, но ученым, стоявшим у истоков евгеники, казалось, что совсем скоро наука сможет реально *управлять* наследственностью. Это придает работам евгенистов начала века особый аромат, ибо они верили, что делают по-настоящему нужную работу, актуальность которой не подвергалась сомнению. Евгенисты были убеждены, что разрабатывают не утопии, а научные рекомендации, которыми должно было руководствоваться «разумное» государство при выборе направления социальной политики.

Но, какова бы ни была самооценка евгенистов классического периода, утопия оставалась основным жанром их творчества, выполняя двоякую задачу. Она служила адаптации общественного сознания к совершенно новой, эпатажной с точки зрения общепринятой морали, системе взаимоотношения полов. Распространение законов, царящих в животном мире, на область человеческих взаимоотношений не было рядовым расширением нейтрального в этическом отношении знания, а попирало принятое во всем цивилизованном мире представление о том, что между животным и человеком пролегает непроходимая пропасть. Человек, обладатель бессмертной души, образ и подобие Божье, согласно требованиям морали во многих случаях должен поступать *вопреки* своей природе, чтобы сохранить человеческое лицо и достоинство. Что дозволено животному, не дозволено человеку. Это четкое различие отражено в метафорах, характеризующих недостойное, асоциальное поведение: «свинья»,

«собака», «скотина» — все эти определения плохи не сами по себе, а именно применительно к человеку. Именно против этой освященной веками традиции и выступили евгеники в надежде создать новую систему ценностей и построить новую мораль, претендующую на естественное происхождение и знание природы человека.

Таким образом, решение евгенической задачи (спасение нации, усовершенствование рода человеческого и т.д.) с самого начала оказалось в заложниках не только у законодательства, запрещавшего, например, эвтаназию неполноценных, эксперименты с человеческим материалом, а также признававшего приоритет прав законнорожденных наследников, но и у консервативной, «буржуазной» морали, осуждавшей внебрачные связи и требовавшей сохранять в тайне все, относящееся к сфере интимной жизни граждан. С точки зрения евгеники такое положение было совершенно недопустимо, так как доступность информации о происхождении индивида и определение его ценности только на основе его врожденных качеств были исходными условиями, обеспечивавшими саму возможность работы евгеников. Другими словами, претворение евгенической идеи в жизнь требовало проведения *сексуальной революции*. И для того, чтобы сделать положения новой «естественной морали» более зримыми и привычными, евгеники научного периода нередко прибегали к старому, испытанному средству — сочинению утопий, отображающих научно обоснованную систему государственного управления воспроизводством народонаселения. Утопическими конструкциями пестрят труды многих евгеников, в том числе и таких маститых, как основатель евгеники Ф. Гальтон, или А. Плётц, стоявший у истоков немецкой «расовой гигиены».

«Утопия» Ф. Гальтона носит характерное название «Kantsaywhere» (английская калька с греческого «утопия»). Выполнение функции евгенического контроля в этой стране возложено на «коллегию» специалистов, которые, пользуясь особым «метрическим» методом, производят оценку наследственных физических и психических качеств индивида.

Окончательный вердикт коллегии, выносимый после подсчета всех плюсов и минусов, выглядит как «пригоден» или «не пригоден» к размножению. Лица, не выдержавшие «экзамена», находятся на полном обеспечении у государства до тех пор, пока соблюдают запрет на производство потомства. Нарушителей запрета вынуждают эмигрировать из страны. Принудительной сегрегации подлежат только душевнобольные, дабы оградить от них остальных граждан. Прогнозирование генетического статуса остальных граждан, согласно Гальтону, носит характер «статистической определенности», поэтому рождение ребенка «непригодными» родителями рассматривается как евгеническое преступление даже в том случае, если ребенок оказывается вполне нормальным. Такие меры, считает Ф. Гальтон, превратят искусственный отбор в достойный противовес расслабляющему действию цивилизации: «То, что природа делала слепо, медленно и жестоко, следует делать прозорливо, быстро и мягко»³⁸.

Изобретатель термина «расовая гигиена» А. Плётц в своем основополагающем для немецкой евгеники труде с исчерпывающим названием «Ценность нашей расы и защита слабых. Опыт расовой гигиены и ее отношение к гуманным идеалам, особенно к социализму», гораздо меньше внимания, чем Ф. Гальтон, уделяет разбору возможных ошибок при вынесении евгенического приговора. Его как врача, привыкшего к созерцанию человеческих несовершенств, заботит не столько возможная несправедливость в отношении отдельного индивида, сколько интересы расы в целом. Ибо он осознает опасность, которую представляет защита слабых для немецкого народа. Опираясь на труд Дарвина о половом подборе, цитату из которого он приводит (тот самый отрывок о родословной лошадей и скота), Плётц выстраивает собственную научно обоснованную процедуру производства усовершенствованных человеков, призванную остановить вырождение и возродить былую мощь немецкой нации.

³⁸ Цит. по : Weingart P., Kroll J., Bajertz K. Op. cit. S. 32–33.

Прежде всего, произведение потомства допускается только лицам, достигшим полной половой зрелости, как-
вая, по его мнению, наступает у мужчин в 26 лет, а у жен-
щин — в 24. Далее, супружеская пара, решившая обзавестись
потомством, должна придерживаться здорового образа жи-
зни, то есть правильно питаться, заниматься физкультурой и
соблюдать режим. Если же, несмотря на все эти гигиеничес-
кие меры, ребенок родится слабым или ущербным, то спе-
циальная медицинская коллегия, принимающая решение о
присуждении гражданства новорожденному, подготовит для
него легкую смерть, например, посредством небольшой дозы
морфия. «Родители, воспитанные в строгом уважении к ин-
тересам расы, не слишком долго будут предаваться скорби,
но радостно и со свежими силами предпримут вторую по-
пытку, если комитет по воспроизводству позволит им это
сделать после предыдущей неудачи»³⁹. Кроме того, уничто-
жению подлежат все дети, рожденные от матерей старше
45 лет или отцов старше 50. Женщинам также запрещено
рожать более шести раз, все потомство от последующих ро-
дов подлежит уничтожению. Вскармливаются только те мла-
денцы, которые выдерживают первичное освидетельствова-
ние комитетом по воспроизводству.

При таком жестком контроле за размножением со сто-
роны властных структур, необходима особая обработка со-
знания граждан. В связи с этим главной задачей педагогиче-
ской системы по Плётцу является воспитание уважения к
интересам расы и беспрекословного подчинения индивида
обществу. Короче говоря, здесь мы имеем дело с традицион-
ным немецким «*Ordnung _ber Alles*».

Помимо привития подрастающему поколению чувства
расового долга, воспитание направлено на максимальное
развитие физических и умственных способностей. Это важ-

³⁹ *Ploetz A. Die Tüchtigkeit unserer Rasse und der Schutz der Schwachen. Ein Versuch über Rassenhygiene und ihr Verhältniss zu den humanen Idealen, besonders zum Sozialismus. B., 1895. S. 144.*

но, поскольку в конце обучения юноши и девушки оцениваются по каждому параметру в отдельности, а итоговая оценка — это не просто «хорошо» или «плохо», как у Ф. Гальтона, а указание на то, скольких детей может иметь данный индивид: ни одного, одного, двоих и т.д. Число разрешенных детей для пары — это среднее арифметическое баллов отца и матери.

Для того, чтобы поставить всех детей в равные экономические условия и избежать nepотизма со стороны состоятельных родителей (что в конечном итоге могло бы привести к вырождению класса богатых людей), Плётц предлагает отменить наследственное право, дабы каждый индивид вступал в экономическую борьбу, вооруженный только своими врожденными способностями и равной долей средств производства, ссужаемых ему на первых порах в виде кредита. Автор этого евристического проекта предполагает, что более способные быстро разбогатеют, а наименее способные — обнищают. Помощь бедным со стороны государства должна быть минимальной и предоставляться только в том случае, если объект уже не участвует в размножении. Помощь слабым, слепым, глухим и т.д. рассматривается как противоестественная, поскольку она работает против естественного отбора.

Величайшим злом и «напрасной растратой качественного материала» Плётц считает кровопролитные социальные революции, особенно такие, в которых провозглашается губительный для нации лозунг равноправия слабых. Зато войны, по Плётцу, дело вполне естественное, ибо такова форма проявления борьбы народов за существование. Единственное, о чем должны заботиться соответствующие органы в случае вступления нации в войну, это чтобы в армию попал материал похуже, «чтобы убыль хороших производителей не была чрезмерной»⁴⁰.

Этот довольно большой отрывок из Плётца приведен здесь не потому, что в нем содержатся оригинальные идеи или подходы к решению насущных социальных проблем, а

⁴⁰ *Ploetz A. Op. cit. S. 147.*

из-за его типичности для евгенической литературы описываемого периода. Например, практически такая же оценка влияния войн и революций на генетический состав населения встречается у Н.К. Кольцова, о чем речь еще пойдет позже.

Приведенные выше примеры из работ Ф.Гальтона и А.Плетца показывают, что излюбленный метод евгеники — установление аналогии между миром животных и человеческим обществом — имеет весьма ограниченную сферу применения и сопровождается массой ограничительных условий. Сам Дарвин, теория которого активно эксплуатировалась поборниками расовой гигиены, не считал возможным распространить действие открытых им законов на социальную сферу, специальным изучением которой он не занимался. Далеко идущие социал-дарвинистские выводы — на совести его популяризаторов и вульгаризаторов. Что же касается передачи по наследству умственных способностей и духовных качеств, то во времена, о которых здесь идет речь, достоверных научных данных об этом не было (если только не считать таковыми результаты, полученные А.Декандалем и Ф.Гальтоном в работах, посвященных генеалогии выдающихся людей). По большому счету их и сегодня не вполне достаточно для построения прогнозов высокой точности. Таким образом, все проекты евгенистов начала века, невзирая на постоянные отсылки к научным теориям, оставались утопическими по сути, строились на аналогиях и допущениях, не имевших под собой достоверной экспериментальной базы⁴¹.

Из сказанного следует, что между евгеникой донаучного и научного периодов не было принципиальной разницы, как бы парадоксально это ни звучало. Это справедливо и в отношении средств евгеники, ее способности целенаправленно изменять что бы то ни было в человеческом организме и в обществе, ее технических возможностей, традицион-

⁴¹ Н.К.Кольцов называет невозможность поставить эксперимент одним из отличий евгеники от зоотехнии. С этим обстоятельством он связывает неизбежные задержки в развитии данной области знания.

но переоценивавшихся и во времена Гальтона, и сегодня. Это справедливо и в отношении целей евгеники, ее представления об идеальном человеке и идеальном государственном устройстве. Перефразируя Н.К.Кольцова можно сказать, что ученый, вступивший в область евгеники, перестает быть ученым и действует как утопист, пытающийся подвести научную базу под свои идеологические предпочтения, сложившиеся в процессе воспитания и обучения.

**Европейские евгенические общества:
философский и естественнонаучный статус
практических программ оздоровления народонаселения**

Усовершенствование рода человеческого связано с многочисленными трудностями этического характера, основная из которых заключена в проблеме выбора главного селекционера, то есть того компетентного и облеченного властью лица, которому можно доверить разделение человеческого стада на достойных и недостойных продолжения рода. Другой неприятный вопрос — это проблема судьбы выбракованных особей: следует ли обходиться с ними так же, как с бесперспективным приплодом племенного скота, памятуя о высшем общественном благе, или ценность человека рассчитывается по каким-то отличным от остального животного мира критериям и не допускает утилизации даже совершенно бесполезных для общества граждан.

Из-за очевидной этической «революционности» научная евгеника, опиравшаяся в своих выводах на эволюционное учение и менделевские законы наследования, практически с самого начала своего существования столкнулась с чудовищным напором критики со стороны религиозных и общественных организаций. Критике подвергались и антигуманные методы евгенического вмешательства, и большинство из ее теоретических установок, на основе которых производилось не только деление индивидов на ценных и ма-

лощенных, но и целые расы попадали в разряд «низших». Такой подход вызывал раздражение у людей, не видевших необходимости в превращении человечества в «гигантский конный завод», поскольку научная обоснованность такой меры многими подвергалась сомнению. Например, корреспондент журнала «Русское богатство», выступавший под именем Дионео, в статье, посвященной первому международному конгрессу евгенистов, который состоялся в Англии в 1912 г., очень резко высказывается по поводу евгенических замыслов: «...Перед нами обновленное учение о господствующей нации, которое было выставлено Гегелем и приняло в последствии у проповедников государственного национализма звериный характер. Все те будто бы научные данные, на которых основывается учение о высших и низших расах, не выдерживают критики по той простой причине, что антропология не знает чистых рас... Термин «ариец» ничего не обозначает, ибо Макс Мюллер, введший этот термин, делает подробную оговорку, что имеет в виду только племена, говорящие на языках арийской группы, вне зависимости от их происхождения»⁴².

Однако очарование эволюционизма было столь сильно, а картина деградации человечества столь ужасна, что число сторонников евгенической идеи стремительно возросло буквально за считанные годы, и уже к 20—м годам XX века можно было с полным правом говорить о «евгеническом движении», охватившем все культурные страны мира, за исключением разве что Австалии. Только в Англии, на родине евгеники, к моменту проведения Первого международного конгресса «евгенистов» функционировало три общества, занимавшихся исследованием проблемы расового здоровья: «Менделевская школа», «Биометрическая школа» при Лондонском университете и «Общество евгеников-практиков».

Однако евгенические общества не могли не считаться с общественным мнением, тем более, что среди пропагандистов идеи усовершенствования человечества значительную

⁴² Дионео. Из Англии. Звериная психология // Русское богатство. 1912. № 10. С. 302.

часть составляла интеллигенция, для которой этические проблемы никогда не были чем-то второстепенным. Евгенисты прекрасно осознавали, что вопрос о «главном селекционере» далеко не праздный, а поскольку дать на него ответ они были не в состоянии, то намеренно заняли отстраненную позицию в отношении определения конечной цели евгенической работы. Поэтому все практические программы, о которых здесь пойдет речь, сопровождаются специальными оговорками, что это не прямое руководство к действию, но рекомендации правительству, выработанные на основе конкретных исследований группой ученых. Как писал Н.К.Кольцов, наука может сказать, каким путем достигнуть требуемого идеала, но каким должен быть этот идеал, она сказать не в состоянии. Однако декларация идеологической индифферентности не защитила евгенику от критики, тем более, что предлагаемые ею меры евгенического контроля существенно ограничивали свободу личности отдельных категорий граждан, а значит, ни о каком нравственном нейтралитете не могло быть и речи. Фактически, претворение любой из таких программ в жизнь затрагивало основу основ с трудом завоеванной демократии — представление об изначальном равноправии всех людей. Никакие оговорки и оправдания евгенистов не могли скрыть этого факта, выработанные ими рекомендации говорили сами за себя. Чтобы убедиться в тщетности их усилий скрыть действительные намерения евгенического вмешательства, достаточно привести несколько примеров.

Программа расовой гигиены доктора Мьоена (Норвегия) увидела свет в 1908 году. Она разделена на три части, освещающие рекомендации по проведению негативных, позитивных и «предупредительных» евгенических мероприятий. Отрицательная расовая гигиена предусматривает такие меры, как сегрегация и стерилизация. Сегрегации (изоляции в специальных колониях с полным разделением полов) предполагается подвергать слабоумных, эпилептиков и вообще физически и духовно пораженных лиц; та же самая мера ре-

комендуется в качестве обязательной для пьяниц, «привычных преступников», профессиональных нищих и всех, кто отказывается от работы. Что касается стерилизации, то ее предлагается использовать в отношении тех лиц из приведенного выше перечня, которые уклоняются от сегрегации. Этот совершенно поразительный список врожденных пороков, подлежащих искоренению, красноречиво говорит о том, что либо доктору Мьоену было известно о законах наследования гораздо больше, чем нам теперь, либо в выборе объектов для негативной евгеники он руководствуется вовсе не данными современной ему науки, а вполне понятной на обывательском уровне неприязню к больным, тунеядцам и преступникам.

Рекомендации по позитивной расовой гигиене д-ра Мьоена включают такие пункты, как биологическое просвещение, изменение системы налогов, постанова зарплатной платы в зависимости от ценности производителей, защита материнства и детства, положительная политика народонаселения. Пункт о необходимости евгенического просвещения расписан особенно подробно и зиждется на глубоком убеждении, что ограниченный женский ум требует особого подхода: обучение женщин в школе и университете должно быть изменено и проводиться не по «мужской» системе, а по особой, приспособленной для женского интеллекта. Главными предметами должны быть химия, биология, гигиена. Расовая биология должна быть введена в качестве особого предмета. Следует также создать институты для генеалогических исследований и государственную лабораторию по расовой гигиене.

В разделе о предохранительной расовой гигиене речь идет о борьбе с расовыми ядами, такими как свинец (промышленный яд), сифилис (патологический яд) и алкоголь (наркотический яд) и т.д. В заключение доктор Мьоен предлагает избегать скрещивания между различными расами, объясняя это тем, что механизм наследования для этих случаев еще недостаточно известен⁴³.

⁴³ Русский евгенический журнал. Т. 3, вып. 2. С. 139.

Наиболее полное отражение меры, направленные на борьбу с вырождением, нашли в английской программе практической евгенической политики, одобренной Советом Английского Евгенического Общества как «выражение его ближайших чаяний, но не единогласно»⁴⁴. Моральной и научной основой разработки данной программы, по заявлению авторов, послужило признание ответственности перед грядущими поколениями. Для возрождения нации необходимо уже сегодня позаботиться об увеличении потомства лиц одаренных и об уменьшении потомства лиц, одаренных ниже среднего. Осуществление этого намерения требует подготовки общественного мнения и активной пропаганды следующих реформ:

1. Безнадёжно дефективные типы должны устраняться от размножения:

- а) путем сегрегации, которая может быть распространена на алкоголиков, рецидивистов и хронических тунеядцев;
- б) путем стерилизации.

2. Контроль общественного мнения (в тех случаях, когда дефективность потомства является только «вероятностью» и нельзя совершенно запретить размножение).

3. Ограничение размеров семьи у менее пригодных (имеются в виду самоограничительные меры, вроде воздержания, поскольку «нельзя считать, что имеют полное право размножаться такие супружеские пары, которые не могут воспитывать всех своих детей без широкой помощи со стороны государства»⁴⁵. Государство должно иметь возможность оказывать давление на такие семьи, либо экономическим путем, либо посредством сегрегации).

4. «Ценные роды» (надо пропагандировать мысль среди ценных слоев населения, что ограничение деторождения ведет к быстрому уничтожению их рода: «Первой обязаннос-

⁴⁴ Программа практической евгенической политики // Русский евгенический журнал. Т. 5, вып. 2. С. 37–40.

⁴⁵ Там же. С. 38.

тью всякой здоровой супружеской пары является дать потомство, достаточно многочисленное для того, чтобы противодействовать ухудшению расы»⁴⁶).

5. Контроль зачатий (эту меру следует применять с осторожностью):

а) по определенным медицинским показаниям;

б) для обеспечения необходимого промежутка между родами;

с) при бедности родителей (поскольку ребенок не может получать даже минимального уровня культуры);

д) чтобы избежать понижения жизненного уровня семьи, но не более, чем требуется для удержания семьи в прежнем социальном положении;

е) для предупреждения передачи потомству серьезных наследственных дефектов.

6. Выбор супруга (осведомление молодежи о неблагоприятных последствиях выбора нездорового и неинтеллигентного супруга).

7. Брачное законодательство (обмен декларациями по поводу отсутствия или наличия каких-либо психических или физических аномалий).

8. Пособия на семьи (прибавка к жалованью на детей, пропорциональная зарплате, для ценных производителей).

9. Незаконнорожденные дети (матери должны обеспечиваться отцами наравне с законными супругами, дабы их потомство получало все необходимое для нормального развития и воспитания).

10. Налоговая система (должна ставить в более выгодные условия ценных производителей).

11. Регистрация (с целью облегчения составления родословной с указанием наследственных дефектов).

12. Оценка расовых свойств населения (регулярное антропологическое обследование молодежи).

⁴⁶ Программа практической евгенической политики // Русский евгенический журнал. Т. 5, вып. 2. С. 38.

13. Воспитание (изучение проблем евгеники в университетах и институтах; измерение умственных способностей детей в раннем возрасте и, повторно, при выходе из школы; увеличение размеров стипендий при одновременном сокращении их количества).

14. Иммиграция (не допускать иммиграцию таких лиц, которые могут понизить расовые качества населения).

15. Расовые скрещивания (до полного исследования вопроса относиться к скрещиванию с осторожностью, так как последствия его непоправимы).

16. Расовые яды (продолжать борьбу с сифилисом и алкоголизмом).

17. Значение среды (улучшать условия существования человека).

Английская программа расовой гигиены, как и ее аналоги, поражает своей эклектичностью. Уже только тот факт, что в ней в одном ряду перечисляются меры генетического воздействия и социальные реформы ставит под сомнение ее научную обоснованность.

Особую проблему для евгенического движения начала XX века представляла пропаганда методов практического отстранения определенных категорий граждан от участия в размножении. Наибольшее неприятие у общественности вызывал вопрос о допустимости стерилизации. Именно он наиболее активно дискутировался в 20-х гг. XX века, поскольку евгенисты считали стерилизацию самой гуманной и единственно действенной с точки зрения их задач мерой, тогда как для «обывателя» это было самым грубым посягательством на дарованную Богом способность, тем более, что согласно библейским заветам человеку было велено «плодиться и размножаться» без ограничений. О серьезности проблемы говорит то, что обсуждение ее вышло за рамки научных и научно-популярных публикаций и было передано в ведение правительственных органов. Так появилась на свет, например, Шведская программа стерилизации. История этого документа такова: в 1922 депутат Шведского рейхстага, госу-

дарственный инспектор по призрению душевнобольных д-р А. Перрен внес в рейхстаг предложение выработать условия, при которых разрешается стерилизация слабоумных, душевнобольных и эпилептиков. Внесенный проект прошел через комиссию по выработке законопроектов и был одобрен обеими палатами. Выработку конкретных условий стерилизации правительство поручило Государственному институту Расовой гигиены. Результаты работы института были представлены в докладной записке, начинавшейся с утверждения, что «число интеллектуально и морально малоценных индивидов в нашей стране, как и в большинстве других стран, становится угрожающим»⁴⁷. Большая часть дефектов населения, по оценке ученых, имеет наследственный характер, причем ущербные индивиды явно отличаются повышенной плодовитостью. Исследования показали также, что предположения о том, что положение может быть улучшено повышением материального благосостояния, ошибочны. В действительности прогресс народа напрямую зависит от того, какой процент населения получает задатки от полноценных родителей. Исходя из этого, первейшей задачей государства является предоставление полноценным производителям лучших условий для организации семьи и ограничение прироста неполноценных.

Составители этой «докладной записки» заявляют, что отдают себе полный отчет в том, что при осуществлении евгенических мероприятий не удастся совершенно избежать «негативных мер», но прибегать к ним следует только в случае действительной необходимости и на основе установленных наукой данных: «Мы считаем себя вправе ограничить свободу неполноценных запрещением браков. Но самым легким и самым верным способом предотвращения размножения таких особей является оперативная стерилизация, мера, кото-

⁴⁷ Современное состояние вопроса о стерилизации в Швеции (официальный отчет Гос. Исслед. Ин-та в Упсале — директор проф. Г.Людберг) // Русский евгенический журнал. Т. 3, вып. 1. С. 78–81.

рая во многих случаях может быть признана менее противоречившей личным интересам соответствующих особей, чем запрещение браков и многолетнее заключение»⁴⁸.

При разработке настоящих рекомендаций шведские евгеники опирались на «положительный опыт» США. Начало процессу законодательного оформления принудительной стерилизации было положено федеральным собранием штата Индиана, издавшим закон, по которому идиоты, слабоумные, а также лица, покушавшиеся на изнасилование, могли быть стерилизованы по постановлению специальной комиссии. С 1907 по 1920-й год еще в пятнадцати различных штатах были приняты «статуты», уполномочивавшие или предписывавшие стерилизацию лиц, признаваемых нежелательными производителями потомства. И, хотя кое-где эта практика столкнулась с откровенным неприятием общественности, до 1920 года в Америке имело место 3 233 случая принудительной стерилизации⁴⁹, причем нередко объектами этого евгенического мероприятия становились так называемые «преступники против нравственности». Русский биолог Ю.А.Филипченко в своей книге «Пути улучшения человеческого рода. Евгеника» писал об этой акции следующее: «Идея бороться с размножением преступных и больных элементов общества при помощи стерилизации была высказана еще в конце девяностых годов несколькими американскими врачами. Среди них особенно выделился доктор Шарп, который в течение восьми лет (1899—1907) произвел еще до проведения закона о стерилизации эту операцию над 176 лицами — преимущественно преступниками и душевно больными, нередко даже по просьбе этих лиц»⁵⁰. В некоторых штатах практиковалась замена (по желанию преступника) длительного тюремного заключения стерилизацией. Последнее

⁴⁸ Современное состояние вопроса о стерилизации в Швеции. С. 79.

⁴⁹ Люблинский П.П. Евгенические тенденции и новейшее законодательство о детях. // Русский евгенический журнал. Т. 3, вып. 1. С. 19.

⁵⁰ Филипченко Ю.А. Пути улучшения человеческого рода. Евгеника. Л., 1924. С. 159.

противоречило принятому в Европе решению проводить стерилизацию только по евгеническим показаниям. Авторы шведского закона специально оговаривают, что стерилизация не должна применяться к преступникам как мера наказания. Тем более, стерилизация не должна быть мерой принудительной, осуществлять ее можно только с согласия самого лица, либо его опекуна.

Однако уверенный тон авторов докладной записки шведскому парламенту к концу сего документа резко меняется. Ученые вынуждены признать, что слабоумие и душевные болезни трудно отграничить от некоторых других психических состояний и при нынешнем уровне развития науки они не могут ничего утверждать с уверенностью. Поэтому в каждом конкретном случае вопрос должен исследоваться отдельно, а окончательное решение о применении стерилизации следует передать специальному органу, в котором должны быть представлены как медики, так и юристы.

Дискуссия о допустимости стерилизации как меры евгенического контроля за качественным составом населения шла параллельно с обсуждением другой проблемы, которой было посвящено довольно много литературы, но уже не научного, а «бульварного» толка. Это проблема процентного содержания (*Geburtenrate*) представителей различных классов и слоев в общем составе населения. В этой дискуссии очень активно выступили врачи (особенно немецкие), а также множество любителей, не имевших вообще никакой специальной подготовки, благо, что проблемы вырождения относятся к числу тех, о которых могут свободно рассуждать все кому не лень. Все эти поборники чистоты расы, как и авторы шведской докладной записки, тоже ратовали за стерилизацию, но не потому, что считали ее более гуманной мерой, чем сегрегация, а потому, что справедливо полагали, что это самый действенный способ очистки племенного стада от паршивых овец.

Дискуссия о допустимости стерилизации имела широкий резонанс, поскольку перевела евгенику из теоретической области в практическую и сделала более зримыми ее дей-

ствительные намерения. «Широкая общественность» взволновалась, когда поняла, какой оборот принимают отвлеченные рассуждения о вырождении человечества. И именно с этого момента, а вовсе не с утопий «донаучного» периода ведет отсчет представление о том, что евгеника — это благородная затея с негодными средствами. Забегая вперед следует отметить, что именно в ходе обсуждения принудительной стерилизации были выработаны основные принципы отбора претендентов на эвтаназию неполноценных, о чем еще пойдет речь.

Критика, которой подверглись евгенические мероприятия в популярных и научных изданиях, зачастую оказывалась гораздо более прозорливой и остроумной, чем творчество самих поборников оздоровления расы. Множество возражений было выдвинуто по поводу критериев выделения лиц, подлежащих отстранению от размножения. Как писал Дионео, «у читателей возникает целый ряд вопросов: каковы те точные признаки, на основании которых можно выделить «неприспособленного», достойного «агрегирования» или «эвтаназии»? Что значит «слабоумный», «паупер» или «астеник»? Основываясь на том, что Шелли относился совершенно безразлично к деньгам и целые часы мог стоять у ручья, пуская бумажные кораблики, на родине его провозгласили слабоумным. Кант и Вольтер были «астеники», Леонарди — калека, а Гомер — «какоэстетик», то есть слепой»⁵¹. Об этих трудностях говорили и сами составители программ расовой гигиены, как это видно из Шведской программы стерилизации, тем удивительнее, почему эти ученые не настояли на запрете практического применения своих рекомендаций, хотя бы до тех пор, пока все неясности с диагнозом не будут устранены, а законы наследования психических свойств и отдельных черт характера не будут досконально изучены (на чем настаивал Дарвин). Поспешность, с которой евгеника стремилась осуществить свои

⁵¹ Дионео. Указ. соч. С. 315.

проекты, ее готовность рассматривать любую умозрительную гипотезу как истину в последней инстанции, конечно, плохо сказывались на ее репутации как научной дисциплины, тем более, что объектом ее манипуляций должны были стать живые люди.

Мы уже ссылались на статью Дионео, опубликованную в журнале «Русское богатство» за 1912 год, сошлемся на нее еще раз, поскольку, как мне представляется, в ней в сжатом и образном виде отражается бытовавшее среди его современников представление о том, чем является евгеника в действительности и каков ее реальный вклад в науку: «Евгеника указала на некоторые явления, на которые несомненно следует обратить внимание. Она выяснила в известной степени, при помощи цифр, как отражается на потомстве алкоголизм родителей или венерические болезни (сифилис и гонорея). Евгеника дала нам несколько важных исследований о наследственности слабоумия. Она собрала интересные факты; но оказалась совершенно несостоятельной, когда захотела делать обобщения. Евгеника не смогла доказать, что применение окружающих условий не отражается на возрождении расы. Напротив, все факты, накопленные до сих пор, доказывают обратное. Знаменитый тезис: «наши деды были здоровее» — противоречит фактам. В Англии, например, отошли в область предания такие эпидемии, которые четыреста лет назад способствовали вырождению целых областей (например, «потная эпидемия»). Теперь чаще, чем раньше, люди доживают в Англии до глубокой старости. Физически теперь англичане здоровее, чем раньше. Это вообще относится ко всем культурным народам, живущим при нормальных условиях. Blonde Bestie, сильная, здоровая и вольная — только фантазия. Люди каменного века напоминали не жизнерадостных «кентавров», а скорее современных остяков, изъеденных болезнями и вшами. «Звериная философия», изложенная в этом письме, очень часто порождена примитивным нежеланием платить налоги. Каждый «евгенист» исходит из положения, что он «приспособленный», а потому имеет пра-

во производить над своими ближними самые дикие, самые жестокие и совершенно бесцельные эксперименты. Во всяком случае «приспособленный» считает себя вправе подавать советы. В лучшем случае евгеника представляет собою классический пример того, как люди сковывают свой ум ими же придуманной доктриной»⁵².

Дионео заключает свою статью ссылкой на Н.Г.Чернышевского, смысл которой сводится к тому, что не следует ломать голову над проблемами будущих поколений, поскольку «разумные люди разумного будущего разумно решат эти проблемы». На мой взгляд, такой финал значительно снижает ценность его остроумной и весьма резкой критики. Мы уже говорили, что откладывание проблем — это не способ их решения. Со времен описанных событий прошло уже почти сто лет, проблемы, вызвавшие к жизни евгенический проект, не только не исчезли, но стали еще острее. Сегодня к ним добавилась экологическая катастрофа, которая во времена Ф.Гальтона еще не успела проявить себя в полной мере. Однако люди и сегодня не стали достаточно «разумны» для того, чтобы разумно одолеть растущее число генетических заболеваний, сокращение ресурсов, обнищание масс, перенаселение и проч., и проч. Практические евгенические программы прошлого века конечно были слабы, и с точки зрения научной проработанности, и с точки зрения этической состоятельности. Их утопичность очевидна, но также очевидно, что проблемы, которые они пытались решить, были вполне реальными. Очень соблазнительно было бы переложить это бремя на «разумное» будущее, как рекомендовал Чернышевский, но опыт евгенического движения показывает, что сами собой проблемы такого рода не решаются.

⁵² Дионео. Указ. соч. С. 322–323

**Русское евгеническое общество
о влиянии войны и революции
на качественный состав народонаселения**

Проблема влияния социальных факторов на естественную эволюцию человеческой расы в начале XX в. особенно плодотворно разрабатывалась в России, не в последнюю очередь благодаря уникальной социально-экономической и исторической ситуации, сложившейся в этот период в нашей евразийской державе. Нишая страна с богатейшим научным потенциалом в силу известных обстоятельств превратилась в естественный полигон для изучения евгенических закономерностей. Дух разрушения старого мира и построения мира нового как нельзя лучше отвечал реформаторским устремлениям евгеники, которая тоже, на свой лад, предлагала произвести революционные преобразования, только не в социально-экономической сфере (хотя и эта область должна была видоизмениться в результате осуществления евгенического проекта), а во взаимоотношении полов. Людские массы, выбитые с привычных мест, покинувшие обжитую «экологическую нишу», зачастую были вынуждены вести подлинную «борьбу за существование», более жестокую, чем в природе. Отсутствие регулярной медицинской помощи и социальных программ стали причиной того, что выживали только сильнейшие. Целые регионы страны вымирали от голода, холода и болезней, обычно сопровождающих социальные катаклизмы подобного масштаба. С другой стороны, революция имела не только негативные последствия, ибо разрушение классовых границ вынесло на поверхность те активные элементы, которые в условиях стабильности вряд ли смогли бы себя проявить. С евгенической точки зрения этот факт рассматривался как позитивный, поскольку в экстремальных условиях особенно четко проявляется зависимость между выживаемостью и индивидуальными качествами особей, а евгеника еще со времен Кампанеллы

призывала оценивать человека объективно, в соответствии с его врожденными способностями, не полагаясь на обманчивую знатность рода.

История поставила масштабный евгенический эксперимент, предоставив тем самым богатейший материал для анализа влияния неблагоприятных факторов среды на выживаемость особей с различной конституцией. Русским евгеникам не было необходимости производить аморальные опыты на человеке, чтобы установить, как долго способен организм сопротивляться воздействию различных «вредных агентов» и тем самым на практике проверить тезис о благодетельной роли естественного отбора. Если вдуматься, то это было редкой удачей для науки типа евгеники, объектом исследования которой является человек. Но ирония ситуации заключалась в том, что русская евгеника не смогла использовать предоставленный ей шанс, ибо в стране не было социологической службы, способной произвести репрезентативный мониторинг. Поэтому, в отсутствие реальных данных, русские евгенисты (а среди них было немало выдающихся ученых, сделавших значительный вклад в развитие биологии) пошли обычным для поборников идеи усовершенствования рода человеческого путем, основываясь в своих рассуждениях не на анализе фактов, а на общих теоретических положениях, вытекавших из теории Дарвина и учения Менделя. По этой причине работы российских ученых во многом оказались неоригинальными, воспроизводящими ту же логику, которой следовали в своих выкладках их зарубежные коллеги. Но было и некоторое отличие, позволяющее говорить о российском евгеническом движении как об особом явлении в истории мысли.

Специфика российского подхода к проблеме усовершенствования человеческого рода, на мой взгляд, того же свойства, что и отличие русской религиозной философии от европейского позитивизма. Евгеника в российской редакции, невзирая на то, что она, как и гальтоновская школа, произрастала из естественнонаучной почвы, оказалась явлением

по преимуществу социальным. Российская евгеника, как и русская философия, была повернута лицом к человеку, а не к миру. И это вопреки тому, что Русское евгеническое общество в отличие от своих зарубежных аналогов практически полностью состояло из ученых-естествоиспытателей.

Причиной такой необычной направленности российской евгеники явился, вероятно, особый статус русской интеллигенции. Е.Евтушенко писал, что поэт в России больше, чем поэт. Нечто подобное можно сказать и о российском ученом, который олицетворял собой не только некий род профессиональной деятельности или набор знаний о внешнем мире, но в первую очередь выступал как носитель культурных традиций, отказ от которых автоматически приводил к исключению его из разряда «интеллигентных людей». Европейские евгеники, рассуждая о сексуальной революции и прочих евгенических нововведениях, могли «примерять на себя» новую мораль и оставаться при этом признанными представителями своего культурного круга. Для русских ученых это было невозможно по причине большой (и жестко определенной) этической нагруженности понятия «интеллигент», бытовавшего в российском культурном пространстве. Поэтому русские ученые, в отличие от западных, занимают заметно отстраненную позицию в отношении собственных рекомендаций. Этический подтекст постоянно присутствует в их рассуждениях о жесткой биологической необходимости, как если бы ученый нам говорил: я понимаю, что интересы расы требуют быть безжалостным к слабым и убогим, но сам я так поступать не собираюсь.

Европейская евгеника больше всего была озабочена демонстрацией своей естественнонаучной обоснованности. Русская евгеника больше сил положила на то, чтобы примирить евгенические проекты с общественной моралью. Этим объясняется заметный социальный крен российской евгеники. Так, например видный евгенист Т.И.Юдин, профессор Казанского университета, писал, что проблема евгеники двойственна. «Евгеника ставит себе две задачи: с одной

стороны, задачу био-техническую, а с другой — социальную. И с этой точки зрения она, с одной стороны, принадлежит к наукам естественным и при изучении наследственности биотехники пользуются всеми точными методами наук естественных, с другой стороны, евгеника — наука социальная, наука историческая по классификации Риккерта: она создает рецепты для удовлетворения запросов текучей постоянно меняющейся социальной жизни»⁵³. «Генетика, антропология и этнология, генеалогия, законодательство, история, политическая экономия, статистика, социология, социальная гигиена, психология, психиатрия, общая патология и медицина вообще, педагогика — у каждой из них евгеника заимствует часть своего содержания. Во всех этих дисциплинах частично захватываются евгенические проблемы»⁵⁴.

Основатель евгеники Ф. Гальтон выделял три этапа в ее развитии. Первый — этап чисто академического обсуждения проблемы усовершенствования человека. Второй — этап практической политики, разработки конкретных программ расовой гигиены и проведения законодательной реформы с учетом евгенических требований. И, наконец, третий этап — этап, когда евгенические установки настолько глубоко внедряются в сознание и подсознание граждан, что необходимость в юридическом оформлении евгенических требований отпадет сама собой, так как люди полностью проникаются сознанием необходимости всех этих правил.

Если рассматривать работу Русского евгенического общества с точки зрения приведенной классификации, то легко заметить, что отечественные евгеники продолжали трудиться в рамках первого этапа (то есть вели академическое обсуждение теоретических проблем евгеники), тогда как западные школы уже перешли к составлению практических программ расовой гигиены и консультировали правительства

⁵³ Юдин Т. И. *Евгеника. Учение об улучшении природных свойств человека*. М., 1925. С. 7.

⁵⁴ Там же. С. 6.

по поводу юридического оформления мер принудительной стерилизации. Можно по-разному оценивать это обстоятельство, например, как проявление всегдашней российской отсталости. Но, на мой взгляд, в данном случае дело было не только в этом, но и в том, что русские евгеники не сочли для себя возможным переходить к практическому этапу прежде, чем, хотя бы вчерне, будет завершено теоретическое осмысление гуманистического статуса евгеники. Замечу, что западные коллеги, несмотря на довольно жаркие дебаты, не смогли выработать сколько-нибудь определенной позиции в отношении евгеники. Дискуссия естественным образом зашла в тупик, поскольку в ней были представлены диаметрально противоположные точки зрения, примирить которые не представлялось возможным ни тогда, ни теперь. Таким образом, основные вопросы евгеники (о «главном селекционере», о целях, допустимых методах и границах евгенического вмешательства) не были решены и постепенно отошли на задний план в ожидании лучших времен. Одновременно основные усилия евгеников западной Европы были перенесены на разработку и внедрение практических программ расовой гигиены. Русские евгенисты заняли более осторожную позицию и воздержались от практических мероприятий, хотя, как мне кажется, склонить революционное правительство России к проведению масштабного евгенического эксперимента было бы несравненно проще, чем консервативные парламенты Европы («воинствующий» атеизм, принятый в качестве официальной идеологии, также должен был способствовать утверждению практической евгеники в советской России).

Как уже говорилось, российские евгеники в своем теоретизировании нередко повторяли логику своих западных коллег, но при этом, благодаря большей гуманистической нагруженности, их исследования обладают самостоятельной ценностью, а аргументация нередко выглядит более веской и интересной.

Н.К.Кольцов, основатель Русского евгенического общества, размышляя о специфике современной ему евгеники, пытался понять, что нового она внесла в древнюю идею облагородить человека: «Разве не той же самой идеей руководствовались все провозвестники реформаторских и революционных идеалов с самого начала культурной жизни человечества? И ветхозаветные проповеди новой морали; древние греки с их культом красоты; первые христиане, провозглашавшие высокие идеалы, до сих пор остающиеся недостигнутыми и труднодостижимыми, несмотря на две тысячи лет господства христианской религии; гении эпохи Возрождения, восстановившие античный культ красоты; деятели Великой французской революции, поставившие свою прямою задачею поднять человеческую культуру и облагородить человека на почве равенства, братства и свободы, а равно и борцы всех новейших революций, вплоть до той, которую мы переживаем в новейшее время?»⁵⁵

Сам отвечая на этот вопрос, Н.К.Кольцов пишет, что современный биолог отмечает принципиальное отличие новейшей евгенической мечты от утопий прежних времен: основу древних евгенических проектов составляли голые «принципы», тогда как в основании современной евгеники лежит эволюционное учение, представляющее человека как результат длительного развития, а не как застывший, не меняющийся от сотворения мира объект. Древние утописты, считает Н.К.Кольцов, не помышляли об изменении природы человека, так как не знали, что она может быть изменена. Но открытие Менделем передачи признаков по наследству показало, что подбор родителей позволяет улучшить качества потомства, в том числе и у человека. Таким образом, новейшая евгеника заявила о своей способности удовлетворить одну из насущнейших потребностей человечества: установить контроль над стихийным процессом размножения людей. О том, что такая необходимость уже давно назрела,

⁵⁵ Кольцов Н.К. Улучшение человеческой породы. С. 3.

пишут практически все члены Русского евгенического общества, прибегая к обычной в таких случаях аргументации по цепочке: ослабление давления естественного отбора ⇒ вырождение ⇒ необходимость применения мер искусственного отбора.

Так, например, председатель питерского отделения Русского евгенического общества Филиппченко Ю.А. для обоснования своевременности проведения евгенических мероприятий приводит следующее соображение. В своем размножении все виды животных проходят две стадии:

- 1 — стадное или массовое размножение;
- 2 — индивидуальное разведение и подбор.

«Законы размножения, как и законы наследственности, являются общими для всех живых существ, почему те же два периода размножения свойственны не только различным домашним животным, но и человеку»⁵⁶. Наши деды и прадеды, пишет Филиппченко Ю.А., размножались еще массовым способом (то есть имели 8-10 детей, из которых только половина достигала возраста половой зрелости). Сегодня же в большинстве культурных стран время массового размножения безвозвратно миновало. «Само по себе, однако, это падение рождаемости и отказ от массового размножения не были бы особенно страшны, если бы и в человеческом обществе место естественного подбора занял бы искусственный, который с таким успехом применяется человеком к его домашним животным и растениям, которые, конечно, гораздо менее ценны, чем сам человек. Тем не менее ничего подобного нет: человечество перешло от массового размножения к индивидуальному, но условия подбора сохранились прежние, и только культура направила этот фактор в еще менее выгодную для нас сторону... Надо ли удивляться, что в результате всего этого мы стоим на пороге, быть может, близкого вырождения?»⁵⁷

⁵⁶ Филиппченко Ю.А. Указ. соч. С. 149.

⁵⁷ Там же. С. 153.

Рассуждения на тему вырождения человечества — любимый конёк всякого последовательного дарвиниста. Так Н.К. Кольцов пишет, что «благодаря подъему культуры и распространению идеи равенства борьба за существование в человеческом обществе утратила свою остроту и благотельный естественный отбор практически прекратился»⁵⁸. Ю.А. Филипченко, перечисляя конкретные признаки ухудшения здоровья населения, пишет следующее: «... в настоящее время благодаря изменению культурой нормального хода подбора замечается безусловное ухудшение многих качеств современного человека... Одним из симптомов подобного ухудшения является уменьшение способности сопротивляться различным неблагоприятным условиям вроде холода, голода, а также многим болезням. Люди, живущие в культурных условиях, гораздо хуже переносят всевозможные лишения, гораздо тяжелее реагируют на простуду и некоторые другие заболевания, которые раньше были практически неизвестны, между тем за последнее время число недугов, которым подвержено человечество, становится все больше и больше. Несомненно все это является следствием известного наследственного ослабления конституции, произошедшего благодаря тому, что подбором в настоящее время устраняются далеко не все слабые элементы, которые передают эту слабость потомству»⁵⁹. Ослабление давления естественного отбора отражается также в многочисленных более мелких изменениях к худшему, например, в снижении остроты слуха, зрения (даже среди молодежи появились люди в очках — с сожалением отмечает Ю.А. Филипченко) и обоняния. То же можно сказать о состоянии зубов и женского полового аппарата. Все это, хотя и не представляет непосредственной угрозы жизни, но свидетельствует о том, что «нормальное развитие органов чувств потеряло в современных условиях свою высокую подборную ценность, и благодаря этому

⁵⁸ Кольцов Н.К. Улучшение человеческой породы. С. 20.

⁵⁹ Филипченко Ю.А. Указ. соч. С. 145.

близорукость и многие другие дефекты того же рода, не сдерживаемые более подбором, начинают широко распространяться среди населения»⁶⁰.

Ю.А.Филипченко подчеркивает, что ухудшение здоровья населения отмечено во всех развитых странах, и это означает, что вырождение стало «мировым процессом». Поэтому нужно, чтобы и в человеческом обществе место естественного подбора занял искусственный, который постепенно приведет к улучшению будущих поколений. А так как это и является задачей евгеники, то насущная необходимость ее в настоящее время может считаться совершенно доказанной.

По вопросу о том, какой путь следует избрать в борьбе с вырождением, евгеника вступает в полемику как с «наивными социологами», полагавшими, что, повышая уровень жизни населения, можно бороться с врожденными заболеваниями, так и с неомальтузианством, преувеличивавшими значение пропаганды и агитации.

Н.К.Кольцов напоминает, что еще Ламарк ошибочно полагал, будто среда влияет на качество расы, но уже Дарвин ограничивал значение внешних условий. Однако в общественных науки эта идея еще не успела проникнуть, поэтому «многие социологи наивно — с точки зрения биолога — полагают, что всякое улучшение благосостояния тех или иных групп населения, всякое повышение культурного уровня их должно неизбежно отразиться соответствующим улучшением в их потомстве»⁶¹. Однако наибольший вред прогрессивному человечеству наносят идеи неомальтузианства, так как действие их направлено непосредственно против естественного отбора и без того ослабленного культурой: «Борьба с естественным отбором ведется совершенно неразумно, исключительно из сентиментальных побуждений, и интересы будущих поколений, законы расовой биологии вовсе не принимаются в расчет»⁶². Таковую нелогичность, сентимен-

⁶⁰ Филипченко Ю.А. Указ. соч. С. 146.

⁶¹ Кольцов Н.К. Улучшение человеческой породы. С. 5.

⁶² Кольцов Н.К. Влияние культуры на отбор в человечестве // Русский евгенический журнал. Т. 2, вып. 1. С. 13.

тальность и пренебрежение научными достижениями расовой биологии, пишет Н.К.Кольцов, неомальтузианцы возводят в систему. Их псевдогуманная агитация падает на благоприятную психологическую почву и результаты не заставляют себя ждать: бескровный «культурный отбор начинает работать против естественного отбора. Это выражается в том, что, во-первых, проповедь неомальтузианства неодинаково воздействует на различные слои населения (например, потомственные алкоголики остаются к ней совершенно глухи); и во-вторых, рождаемость сокращается по мере подъема по социальной лестнице, что ведет к уменьшению доли ценных индивидов в общем составе населения. Эта ситуация не может не беспокоить грамотного евгениста: «Что сказали бы мы о конезаводчике, который из года в год кастрирует своих наиболее ценных производителей? А в человеческом культурном обществе на наших глазах происходит то же самое!»⁶³. Таким образом, культура сама истребляет именно те биологические особенности расы, которые она считает наиболее ценными для своего развития.

Еще Дарвин в своем фундаментальном для евгеники труде о половом подборе писал об избыточном размножении как о залоге нормальной эволюции человечества. Идея Мальтуса о том, что все социальные бедствия человечества (болезни, голод, войны, бедность) проистекают из чрезмерного размножения, не нашли поддержки у его современников. Но в XIX веке возникло неомальтузианство, которое «отбросило в сторону проповедь Мальтуса о «нравственном воздержании», заменивши ее рекомендацией искусственных мер предупреждения зачатия и аборт. Оно выставило своим идеалом систему двухдетных браков, видя в ней панацею против губительных последствий перенаселения и всех социальных зол»⁶⁴. Сам Мальтус, живи он во времена Дарвина, был бы поражен тем, насколько ослаб коэффициент есте-

⁶³ Кольцов Н.К. Влияние культуры на отбор в человечестве. С. 15.

⁶⁴ Там же. С. 6.

ственного отбора в культурном человечестве (в десять раз), к тому же он полагал, что все люди рождаются одинаковыми, будучи образом и подобием Божиим. Но мы знаем, насколько отличается физическая и психическая конституция современного человека от оных у человека библейских времен. «Мягкосердечному аббату» можно простить забвение благодетельной роли естественного отбора, но простить это неомальтузианцам нельзя.

«Допустим, однако, на минуту, — пишет Н.К.Кольцов, — что чистый мальтузианский идеал осуществился. Борьба за существование устранена, детская смертность сведена к нулю; старшее поколение умирает только от естественной старости и безболезненно заменяется молодым поколением. Благодаря успехам медицины и санитарно-гигиенических условий, инфекционные болезни и другие случайные заболевания устраняются. Какова же будет биологическая природа человека в эти идиллические времена, и в каком направлении будет идти его эволюция? Двух ответов на этот вопрос быть не может: с того момента, как прекратится подбор в человеческом обществе, начнется быстрый и неуклонный процесс вырождения, так как с каждым поколением, с каждым годом будет увеличиваться число всяких уродов, глухонемых, слепых, идиотов, слабоумных, сумасшедших, не говоря уже о менее ярких формах жизненной неприспособленности. ... Раса, из эволюции которой будет устранен всякий отбор, погибнет в течение немногих поколений»⁶⁵.

Для современного биолога, продолжает Н.К.Кольцов, рассуждения неомальтузианцев представляются наивными. Дарвин, опираясь на тот же материал, которые они используют для подтверждения своих доводов, открыл причину эволюции. Во всей живой природе рождаемость превышает возможность выжить, и эти «ножницы» являются залогом поддержания высокого стандарта сопротивляемости организмов влиянию вредных агентов. Смертность грудных детей, по

⁶⁵ Кольцов Н.К. Влияние культуры на подбор в человечестве. С. 7.

мнению Н.К.Кольцова, можно рассматривать как результат отбора, поскольку в громадном большинстве случаев она падает на «конституцию малоценных». Для подтверждения этого тезиса Н.К.Кольцов ссылается на соответствующие исследования зарубежных коллег: «Высокая детская смертность, столь характерная для русского бескультурья, является предметом зависти для многих иностранных евгенистов, так как она поддерживает известный уровень врожденных физических свойств»⁶⁶. Однако, признавая полезность для эволюции человека сохранения высокой рождаемости вкупе с высокой детской смертностью, Н.К.Кольцов ничего не говорит о том, как практически провести этот принцип в жизнь: нужно ли ограничивать развитие детской медицины или вообще отказывать в медицинской помощи людям, не вышедшим из репродуктивного возраста, — этот вопрос в его работах не обсуждается.

Отдельной темой евгенических дискуссий, нашедших отражение на страницах «Русского евгенического журнала», является вопрос о влиянии на здоровье и качество населения таких социальных факторов, как война и революция — закономерный мотив, если вспомнить, что расцвет евгенического движения приходится на период между Первой и Второй мировыми войнами.

Примечательно, что в этом вопросе русские ученые солидаризируются с представлениями немецкого основателя «расовой гигиены» А.Плётца. По мнению Н.К.Кольцова, с евгенической точки зрения считать войну только «какогеническим» фактором было бы односторонне. Конечно, она уничтожает человеческие ресурсы и припасы, но в природе всякая борьба это делает. Зато во время военных действий ценные и малоценные индивиды гибнут примерно в равной пропорции: бомбы равномерно уничтожают население обеих сторон, не влияя на его структуру. Это означает, что с «эволюционной» точки зрения изменений не происходит: «Ведь

⁶⁶ Кольцов Н.К. Улучшение человеческой породы. С. 8.

для эволюции человечества совсем неважно сокращение численности населения на несколько десятков миллионов. С эвгенической точки зрения важно знать, были ли эти миллионы лучшими или худшими, то есть стояли они выше или ниже среднего уровня»⁶⁷. Подлинным эвгеническим бедствием Н.К.Кольцов считает революцию, ибо «при междоусобных войнах пули обладают силой выбора: каждая сторона с особым ожесточением истребляет наиболее выдающихся из своих противников, между тем как широкие массы, обычно явно не примыкающие ни к той, ни к другой стороне, остаются вдали от убийственной борьбы... После революции, в особенности длительной, раса беднеет активными элементами и это обеднение в особенности губительно для расы потому, что большинство революционных деятелей погибают в молодом возрасте, не оставляя потомства, вследствие чего и следующее поколение оказывается состоящим в громадном проценте из инертных людей»⁶⁸.

Таким образом, в период революционных действий культура фактически работает против природной целесообразности, делая все для снижения физического стандарта человечества и элиминируя из его рядов наиболее ценных индивидов. Создается впечатление, что *homo sapiens* несет в себе самом механизм самоуничтожения, который включается на определенной стадии цивилизационного процесса. Демократические революции вредоносны еще и потому, что борьба в них, как правило, ведется за гуманистические идеалы, — идею равноправия всех людей, милосердие, ненасилие, помощь слабым и т.п., — которые по существу выступают в роли действующего фактора «летального отбора», результатом которого, по прогнозам эвгенистов, должно стать полное и необратимое вырождение человеческого рода. Так неужели современная наука еще недостаточно ясно показала, что необходимо уделить проблеме нравственного и фи-

⁶⁷ Кольцов Н.К. Улучшение человеческой породы. С. 23.

⁶⁸ Там же. С. 24–25.

зического здоровья людей хотя бы столько же внимания, сколько мы уделяем домашним животным? Не настало ли время заменить «противоестественный подбор», который de facto действует во всех культурных государствах, «искусственным евгеническим подбором» (Н.К.Кольцов)?

Обсуждение проблем евгеники русскими учеными производит двойственное впечатление. Их стремление оставаться на позициях строгой научной объективности вкупе с нежеланием называть некоторые вещи своими именами наводит на мысль о ханжестве. Читая статьи Н.К.Кольцова, Т.И.Юдина, Ю.А.Филипченко и др. трудно отделаться от впечатления, что на самом деле они выступают не как представители передовой науки, а как представители интеллигенции, напуганной тем страшным всплеском грубой, неграмотной, темной силы, которую представляли собой народные российские массы. Настоящую тревогу у русских евгенистов вызывает только судьба интеллигенции, поскольку в их представлении именно она и является носителем всех ценных для расы качеств. Одновременно дает о себе знать противоречие, в которое вступает признание пользы и своевременности евгенической чистки народонаселения и демократические принципы, на которых и была возвращена российская интеллигенция, с ее народнической традицией и разночинными корнями. Здесь понятное научное любопытство, вызванное к жизни новой интересной областью исследований, вступает в конфликт с интеллигентским гуманизмом, отказаться от которого проще на словах, чем на деле, именно потому, что он внедрен в сознание всей системой воспитания и образования. Щепетильность российских евгенистов выразилась в том, что они гораздо четче, чем зарубежные борцы за расовую гигиену, отмежевываются от необходимости определения целей евгенической работы, перекладывая эту заботу целиком и полностью на властные структуры. Так, например, Н.К.Кольцов пишет, что наука не может ставить перед евгеникой целей. «Наука может только выяснить биологические основы морали, показать, что че-

ловеческая мораль сводится, с одной стороны, к тем или иным врожденным, связанным с наследственной организацией мозга инстинктам, а с другой — к благоприобретенным передающимся по наследству привычкам, которые укрепляются в каждом человеке под влиянием воспитания в определенной среде, в том или ином общественно-экономическом строе»⁶⁹. Наука может помочь человеку разобраться в его душевных коллизиях, но она не может доказать, что, например, ближнего следует любить больше, или меньше, или в той же степени, как себя самого. Если же ученый делает некоторый нравственный выбор, то он поступает не как ученый, основывающийся на объективной логике, а как человек с теми или иными врожденными или благоприобретенными влечениями. Однако, отмежевавшись таким образом от необходимости выбора идеала евгенической работы, Н.К.Кольцов все-таки приводит несколько вариантов целесообразного общественного устройства. Образцом для первого из них, заимствованным из мира живой природы, служит сообщество термитов, состоящее из четко специализированных и развитых до совершенства типов различных работников (на память сразу приходит идеальное государство Платона и антиутопия О.Хаксли). В условиях современного политического плюрализма наверняка найдутся партии, которые будут приветствовать такой подход к усовершенствованию человеческого рода. Но найдутся и партии, требующие равенства способностей людей. Биология в этом споре ни при чем: для нее осуществимы оба пути (считает довольно самонадеянно Н.К.Кольцов). Другой идеал, которым тоже может направляться евгеническая работа, это создание наибольшего счастья для наибольшего числа людей. По поводу такой установки Кольцов возражает, ссылаясь на размытость понятия счастья: во-первых, ощущение счастья — это во многом вопрос темперамента; во-вторых, люди могут быть счастливы даже в самых ужасных условиях (на-

⁶⁹ Кольцов Н.К. Улучшение человеческой породы. С. 14.

пример, «сушеглупые», по характеристике А.П.Чехова); и, наконец, можно было бы провести отбор в этом направлении, но будет ли от этого польза человечеству не известно: некоторые народы до сих пор находятся на низкой ступени развития именно благодаря «счастливому темпераменту».

Можно также не связывать евгенику с каким-то определенным идеалом, а просто признать «жизнеспособность» наивысшим благом, как если бы человечество продолжало жить под давлением естественного отбора. Но в условиях живой природы, которая в данном случае берется за образец, приспособляемость нередко ведет к упрощению организации и паразитизму. Кроме того, человек, если он хочет остаться человеком, должен не просто сохранить жизнеспособность при любых условиях, но и продолжать совершенствовать свои интеллектуальные и духовные качества. Например, люди, не способные воспринимать современные идеи (вероятно, имеется в виду евгенический проект), должны мало-помалу уступить место представителям с более совершенным мозгом. «Конечно, будущий человек не должен быть развит слишком односторонне. Он должен быть также снабжен и здоровыми инстинктами, сильной волей, врожденным стремлением жить, любить и работать, должен быть физически здоров и гармонично наделен всем тем, что делает его организм жизнеспособным. Этот новый человек — сверхчеловек, «*Homo creator*» — должен стать действительным царем природы и подчинить ее себе силою своего разума и своей воли»⁷⁰.

Приведенные здесь размышления выдающегося русского биолога доказывают, что объективированный подход к разработке идеала человека будущего действительно не слишком плодотворен. Но, выражаясь словами Н.К.Кольцова, «наука здесь ни при чем».

⁷⁰ Кольцов Н.К. Улучшение человеческой породы. С. 17.

Программа расовой гигиены: евгеника на службе у государства (конец классического периода)

Мы подошли к самой мрачной странице в истории евгеники, продемонстрировавшей те подводные камни, которые во множестве таила в себе благородная, в сущности, идея усовершенствования человека и о которые разбилась первая масштабная попытка осуществления евгенического вмешательства. Акция по очистке расы от лиц с дурной наследственностью с самого начала задумывалась как программа государственного контроля за качеством народонаселения. И Платон, и Т.Мор, и Кампанелла создавали проекты именно утопических государств. Практические программы европейских евгенических школ также апеллировали к властным структурам. Но только в Германии евгенике удалось образовать альянс с национал-социализмом, пришедшим к власти в 1933 г., что позволило ей в полной мере осуществить принцип государственности.

В последствии много писалось о том, что евгеника «запятнала» себя этим союзом, что нацизм воспользовался ее благородными идеями в своих антигуманных целях и извратил их таким образом, что они утратили свой изначальный смысл. При этом нередко евгеника представлялась в качестве пострадавшей стороны, не несущей ответственности за дела своего партнера по альянсу. Однако, как отмечает ряд немецких исследователей истории расовой гигиены, евгеники также были заинтересованы в сотрудничестве с властью, как и власть — в использовании идеи оздоровления расы. Пресловутое научное любопытство и редчайшая возможность испытать на практике действенность «культурного отбора» толкнули евгенику в «объятия» нацизма. Поэтому фактически (а не только формально) ответственность за проведение массовых акций по уничтожению населения в полной мере лежит и на евгенике. По мнению немецкого исследователя К.Байертца, «эволюционная теория вообще и евгеника в частности были прототипичны для необузданного

сциентизма того времени; они придерживались того убеждения, что ценностные установки и предпринимаемые на их основе действия должны быть научно обоснованными. Наряду с утилитаристскими принципами всепоглощающий сциентизм ведет к переоценке ценностей. Примат индивидуума отвергается и уступает примату «рода». И после того, как учение о наследственности свело абстракцию индивида к его материально-биологическому, генетическому субстрату, стало возможно политическое и практическое использование тех наукообразных расчетов, объектом которых является вид или «раса». Евгеники не ограничились абстрактными выводами, они стали пропагандировать политические максимы: интересы ныне живущих поколений должны были уступить интересам будущих. Они противопоставили биологизаторское решение евгенических проблем демографической политики социальному и общественно-политическому решению «социального вопроса»; и, наконец, они дали конкретные указания по поводу того, каким должно быть поведение полов с точки зрения эволюционной или генеративной этики. «Этика» евгеничного поведения, вытекающая из эволюционной теории, эксплицитно противостоит индивидуалистской этике христианства и просветительскому принципу равенства»⁷¹.

Евгенические идеи необычайно органично сочетались с расистскими установками национал-социализма, хотя считать их непосредственным источником и предпосылкой возникновения фашизма было бы преувеличением. Фундаментальный теоретический труд Адольфа Гитлера «*Mein Kampf*», излагающий основы национал-социалистского движения, можно рассматривать и как манифест практической евгенической политики. Гитлер писал, что народное государство ставит интересы расы в центр общественной жизни. Оно обязано следить за чистотой расы. Оно должно объявить детей основной ценностью народа. Оно должно позаботиться

⁷¹ Weingart P., Kroll J., Bayertz K. Op. cit. S. 18.

о том, чтобы только здоровые люди производили потомство. «Существует только один стыд: будучи больным и ушибленным, производить на свет детей, и наивысшая доблесть — отказаться от этого. И наоборот, — следует считать обязанностью производство здоровых детей для нации. Государство должно служить гарантом тысячелетнего будущего нации, по сравнению с которым, желания и способности отдельных индивидов — ничто. Оно должно поставить на службу этой задаче все средства новейшей медицины»⁷². Государство обязано объявить неспособными к воспроизводству больных с отягощенной наследственностью и практически отстранить их от детопроизводства. И наоборот, следует позаботиться о том, чтобы плодовитость здоровых женщин не ограничивалась финансовыми трудностями, превращающими деторождение в проклятие для родителей. Государство должно отринуть лень и преступное равнодушие, с которым современные органы социальной защиты относятся к многодетным семьям, и заменить их подлинной заботой об этом самом ценном достоянии народа. Забота государства в большей мере принадлежит детям, чем взрослым. Физически и душевно ушибленные люди не должны увековечивать свои пороки в потомстве. Народному государству предстоит проделать колоссальную воспитательную работу. Но эта работа необходима в наш воинственный век. «Священное право человека, являющееся одновременно его священной обязанностью — это сохранение чистоты крови для того, чтобы создание лучшего человека сделало возможным благородное развитие этого существа»⁷³.

Развитие евгеники в Германии происходило в особом «духовном климате», поскольку только в Германии идеи расового очищения стали политическим лозунгом. Но даже в столь благоприятных условиях потребовалась интенсивная работа, чтобы примирить общественное мнение с антигуманной евгенической практикой. Даже наиболее последователь-

⁷² *Hitler A. Mein Kampf. München, 1933. S. 37.*

⁷³ *Ibid. С. 444.*

ные сторонники национализма наверняка были бы шокированы, если бы смогли вообразить реальные последствия государственного контроля за чистотой крови. Но к моменту написания «Mein Kampf» в Америке и Европе уже перешли от дискуссий о принудительной стерилизации к ее практическому осуществлению, а эвтаназия неполноценных была всего лишь следующим шагом на пути насильственного облагораживания человечества.

Введение эвтаназии явилось логическим завершением дискуссии о наиболее действенных мерах евгенического контроля. Сама по себе идея не была совершенно новой, поскольку уже в античные времена практиковалось умерщвление новорожденных, не отвечавших стандартам племени. В первую очередь на память приходят обычаи спартанцев, но доподлинно известно, что к подобным мерам прибегали и скандинавские народы, с той только разницей, что последние не сбрасывали своих уродцев со скалы, а закапывали в снег (если сезон был подходящий). С большой степенью вероятности можно предположить, что и другие народы, не оставившие ярких литературных свидетельств, на ранних стадиях своего культурного развития прибегали к эвтаназии. Даже более поздним, христианским временам не была вовсе чужда мысль о том, что не каждый индивид достоин жизни. Эразм Роттердамский, например, предлагал в интересах государства предавать огненной смерти сифилитиков, а Мартин Лютер, когда ему довелось созерцать умалишенного ребенка, сказал, что было бы лучше, если бы этого «ублюдка» утопили⁷⁴.

Однако по-настоящему активно эвтаназия неполноценных начала обсуждаться в начале XX века, в рамках дискуссии о допустимых мерах евгенического вмешательства. Заметное влияние на ход этого обсуждения оказали демографические исследования послевоенного (имеется в виду Первая мировая война) периода, которые фактически ввели

⁷⁴ *Winau R.* Die Freigabe der Vernichtung lebensunwerten Lebens // Tod und Sterben. Berlin—N.Y., 1984. S. 29.

жизнь и смерть в разряд исчисляемых величин. В этих холодных сводках, выражавших число убитых и искалеченных в процентах, единицей счета выступали не единицы, а десятки тысяч людей.

Первоначально эвтаназия неполноценных не рассматривалась как средство оптимизации генофонда в государственном масштабе. Дискуссии об эвтаназии велись в ином, индивидуалистическом ключе. Основным доводом в пользу легализации этой меры были не интересы расы, а сострадание к страждущим, а основной проблемой стал традиционный для европейского гуманизма вопрос о ценности и свободе личности. Для того, чтобы эвтаназия стала массовой акцией по уничтожению неполноценных, потребовалось изменить угол зрения на проблему, соединить аргумент милосердия с подсчетом экономической выгоды для общества. Весь экономический блок аргументации был разработан в рамках дискуссии о принудительной стерилизации, инициаторами которой выступили евгенические общества. Вынося вопрос о стерилизации на суд общественности, евгенисты отдавали себе отчет в том, что «все предложения стерилизации наследственно дефективных, при первом с ними знакомстве, способны произвести самое невыгодное, если не сказать отталкивающее впечатление»⁷⁵. Например, тон дискуссии, проходившей на страницах «Русского евгенического журнала» дает понять, что христианское сознание ученых всеми силами восстает против легализации стерилизации. Тем не менее, никто из участников обсуждения не высказался за принципиальный запрет данной акции, хотя большинство сочло ее мерой крайней и преждевременной.

Идея стерилизации с самого начала была встречена в штыки представителями всех конфессий христианской церкви. Но постоянные ссылки на «передовой опыт» Североамериканских штатов, а также искренняя вера евгеников в то,

⁷⁵ *Волоцкий М.В.* О половой стерилизации наследственно дефективных // Русский евгенический журнал. 1923. Т. 1, вып. 2. С. 201.

что эта мера гораздо гуманнее и экономически выгоднее, чем сегрегация, постепенно сделали свое дело. Мысль о необходимости узаконить принудительную стерилизацию утвердилась в Европе настолько, что казалось, только технические сложности (типа точного определения категорий лиц, подлежащих стерилизации, или утверждение состава экспертной комиссии) препятствуют окончательной легализации данного евгенического мероприятия.

Дискуссия об эвтаназии также проделала большой путь. И если в начале ее речь шла только об избавлении от страданий безнадежно больных людей по их настоятельной просьбе, то впоследствии в круг лиц, подлежащих уничтожению, попали душевнобольные и носители других конституционных пороков, не выражавшие никакого желания избавиться от страданий, а иногда — никаких страданий и не испытывавшие. И поскольку социально-экономическая аргументация в пользу уничтожения неполноценных была целиком заимствована из евгенических дискуссий о стерилизации, то и в списки очередников на эвтаназию попали те же лица, что были предназначены к стерилизации.

Путь превращения эвтаназии из акта милосердия в акцию массового уничтожения в силу исторических причин до конца был пройден только Германией. И это тот опыт, который мы не в праве предавать забвению, каким бы неприятным он ни был, иначе все смерти окажутся *совершенно* напрасными. Этот опыт представляет для нас особую ценность еще и потому, что он показывает, к чему может приводить последовательное осуществление даже самой благородной идеи. Поборники евгеники, ратовавшие за оздоровление человечества и создание в будущем новой, прекрасной расы, попытались выйти за сковывающие рамки устаревшей (на их взгляд) морали и руководствоваться в своей работе только велениями объективной необходимости и научными знаниями. Стремление быть объективным, последовательным и логичным, то есть остаться настоящим ученым в вопросах, затрагивающих самые основы человеческой самоиден-

тификации (то есть выходящих за границы науки), сыграло злую шутку с евгенистами. В процессе разработки образа «человека совершенного» они пожертвовали, как чем-то второстепенным, собственно человечностью. Так проявила себя ошибка, допущенная европейскими евгениками, решившими, что вопросы целеполагания не являются определяющими в евгенической работе, что они могут быть решены когда-нибудь потом, после того, как будет проведена первичная очистка генофонда от явно дефектного материала и отработана техника «селекции» людей.

Эволюция отношения к эвтаназии в Германии отражена в работах немецкого исследователя Р.Винау, содержащих скрупулезный анализ литературы, вышедшей в Германии с 1900 по 1947 гг. Р.Винау отмечает, что во всех этих публикациях апелляция к милосердию является лишь исходным пунктом рассуждений, а практические рекомендации вырабатываются на основе подсчета ценности жизни отдельного индивида. При этом само понятие «ценность жизни» постепенно переходит из этической области в экономическую. Например, согласно представлениям А.Ёста, ценность жизни складывается из двух величин: того, что человек дает обществу, и того, что он от общества получает (во сколько обходится его содержание). При таком подходе ценность жизни многих граждан оказалась величиной отрицательной. Общество, переживающее период экономического расцвета, может позволить себе содержать таких людей. Но не таково было положение Германии после Первой мировой войны, обремененной убыточной экономикой и армией искалеченных людей. Необходимость тратить средства на содержание умалишенных и врожденных уродов в таких условиях представлялась А.Ёсту чуть ли ни основным препятствием на пути стабилизации экономики.

Большое влияние на общественное отношение к проблеме стерилизации и эвтаназии, по оценке Р.Винау, оказала книга А.Хохе и К.Биндинга «Die Freigabe der Vernichtung des lebensunwerten Lebens», вышедшая в 1920 году и послу-

жившая основой для «всего того, что вскоре последовало и не могло произойти иначе»⁷⁶. Р. Винау имеет в виду массовые акции уничтожения неполноценных.

Названная книга состоит из двух самостоятельных докладов, один из которых был написан видным немецким юристом, а другой — известным врачом. Каждый из них со своей профессиональной позиции обосновывает ту простую мысль, что ценность человеческой жизни имеет вполне определенное материальное выражение, которое может быть легко исчислено, и что государство имеет моральное право избавляться от тех граждан, которые не могут возместить ему затраченных на них средств. При этом юрист (К. Биндинг) начинает свои рассуждения с утверждения естественного права каждого человека на смерть, «первичного права», однопорядкового с правом на жизнь, от которого он переходит к признанию права на самоубийство. От констатации этого факта он переходит к праву помощи при самоубийстве и разбирает различные юридические тонкости, связанные с такой помощью. Далее К. Биндинг приводит несколько конкретных примеров эвтаназии и пытается вывести общую формулу ее допустимости. Он подчеркивает необходимость выработки четких критериев ценности человеческой жизни, полагая, что без них врач не сможет определить, целесообразно ли проводить эвтаназию. Окончательный ответ, по Биндингу, может быть получен только тогда, когда будет установлено, существуют ли такие человеческие жизни, которые до такой степени утратили свойство быть благом, что в их продолжении уже не заинтересовано ни общество, ни индивид. Сам Биндинг считает такой вопрос риторическим, поэтому свое «исследование» он завершает напоминанием о том, во сколько обходится обществу содержание пациентов в различного рода клиниках и санаториях. Он напоминает также, что бессмысленно расходуются не только материальные средства, но и рабочая сила, которая могла бы быть ис-

⁷⁶ *Winau R.* Op. cit. S. 39.

пользована с большей эффективностью в другом месте. Его возмущает также то, что милосердные граждане, ничего не жалеющие для сохранения малоценных жизней, в то же время легко мирятся с гибелью десятков тысяч полноценных людей на войне. Этот пацифистский довод он использует для иллюстрации того, что гражданам не следует быть чересчур шепетильными в вопросе об эвтаназии неполноценных, разрешение которой следует закрепить законодательно (поскольку на практике она уже проводится).

Автор второго доклада, А. Хохе, — врач по профессии, и это обуславливает несколько иной подход к проблеме. Доклад начинается с утверждения, что нормы профессиональной врачебной этики не являются незыблемым абсолютом, что каноны ее могут быть пересмотрены, как пересматривались уже неоднократно. Только после этого заявления автор переходит к рассмотрению вопроса, сформулированного К. Биндингом в первом разделе книги, а именно, существуют ли такие жизни, которые полностью утратили качество законохраняемого блага. И дает на него однозначно утвердительный ответ. Для определения ценности жизни Хохе предлагает воспользоваться сметой расходов на содержание пациента в клинике. Если они (расходы) значительно превосходят суммарную пользу, которую общество в будущем сможет получить от человека, то очевидно, что «тащить его за собой» государству, ослабленному войной и обремененному трудностями восстановительного периода, не имеет смысла.

А Хохе приводит в своем сочинении следующие цифры: расход на содержание одного пациента психиатрической клиники составляет около 1300 марок в год, всего таких больных в Германии от 20 до 30 тысяч, а средняя продолжительность их жизни — 50 лет. Результат подсчетов поражает воображение: чудовищное количество продовольствия, одежды, топлива, столь необходимых стране в тяжелое послевоенное время, расходуются на совершенно бесполезных людей. Не говоря уже о том, что целое поколение квалифицированного медицинского персонала успевает соста-

риться рядом с этими человеческими оболочками»⁷⁷. Можно ли говорить о каком-либо праве на бытие применительно к людям, не осознающим самого этого бытия? Можно ли сострадать людям, не испытывающим страданий? Остается только надеяться, пишет А.Хохе, что аргументы объективной целесообразности достучатся до сознания сограждан и они «осознают», что устранение духовно мертвых не является преступлением или аморальным деянием, а представляет собой допустимый и даже необходимый акт⁷⁸.

Говоря об объективной необходимости, А.Хохе имеет в виду «специфическую немецкую задачу», для выполнения которой предстоит проделать огромную «национальную работу» — в таких выражениях он представляет восстановление экономики, разрушенной войной, и оздоровление расы, без которого невозможно возвращение Германии в разряд «исторических наций». В этом евгеническом манифесте уже отчетливо видно будущее лицо нацизма.

По оценке Р.Винау, именно в книге А.Хохе и его соавтора К.Биндинга идея эвтаназии впервые приобретает новую окраску. Она перестает быть актом милосердия к пациенту, призванным дать ему возможность достойно умереть. Это и не убийство пациента по его просьбе, а уничтожение людей, бесполезных с точки зрения общества. Живейший интерес, с которым была встречена книга этих авторов, свидетельствует, по мнению Р.Винау, о том, что идеи радикальной евгеники упали на плодородную почву и что положительная реакция на них была не в последнюю очередь обусловлена давно накапливавшимся раздражением определенных слоев общества против христианской морали, оказавшейся откровенно бессильной перед черствостью и прагматизмом XX века.

С наибольшим сочувствием идею эвтаназии и стерилизации, как это ни странно, встретили врачи, представители самой гуманной профессии. Например, окружной

⁷⁷ *Winau R. Op. cit. S. 38.*

⁷⁸ *Ibid. S. 39.*

врач Бёттерс обратился к своим коллегам со страниц «Ärztliches Vereinblatt» от 9 января 1924 года со следующим воззванием:

«Воззвание к немецким врачам»

Перед немецкими врачами стоит культурная задача величайшей важности. Наряду со ставшими непереносимыми и постоянно усиливающимися экономическими бедствиями нам угрожает гибель под наплывом духовно и морально малоценных индивидуумов, угрожает ухудшение нашей расы, которое должно привести к исключению Германии из числа культурных наций. Кто может в этот последний час предотвратить эту грозную опасность? Никто, кроме немецких врачей!»⁷⁹ Поскольку правительство еще не осознало надвигающейся катастрофы, а общественность скована религиозными предрассудками, Бёттерс призывает врачей проявить инициативу, самим «выискивать» повсюду дефективных и самим проводить их стерилизацию. К воззванию прилагался список лиц, которые, по мнению Бетерса, подлежали принудительной обработке. Вот некоторые пункты из этого перечня:

— дети, достигшие школьного возраста, слепые, глухонемые, идиоты от рождения, не способные к обучению общественно полезной профессии, подлежат стерилизации;

— содержащиеся в клиниках слепые, глухонемые, идиоты, эпилептики подлежат стерилизации;

— преступники против нравственности и женщины, имеющие более двоих детей, отец которых неизвестен, подлежат стерилизации;

— наказание преступникам может быть смягчено, если они соглашаются на стерилизацию.

Как видно из приведенного списка, врач Бёттерс даже не делает вид, что сколько-нибудь озабочен интересами лиц, подлежащих медицинской обработке. Больше всего его вол-

⁷⁹ Евгеническая стерилизация в Германии // Русский евгенический журнал. 1925. Т. 3, вып. 1. С. 81–82.

нует вопрос о законодательном закреплении права общества избавляться от людей, являющихся носителями конституционных пороков. Таким образом, проявилось основное расхождение христианской морали и «новой» этики здорового и счастливого человечества будущего. Причем граница, должествующая разделить две эры в истории народов, прошла по самому болезненному месту — вопросу о приоритете прав личности и общества. Национал-социализм решает этот традиционный для этических теорий вопрос однозначно, а манифест Гитлера это решение очень рельефно озвучивает.

Откровенное признание приоритета интересов нации над интересами индивида (тем более неполноценного) облегчило «законодательное урегулирование» стерилизации в Германии, которое последовало в 1933 году, когда рейхстагом был принят закон о предотвращении потомства с отягощенной наследственностью. Под действие закона попадали слабоумные от рождения, шизофреники, страдающие маниакально-депрессивным синдромом, эпилептики, страдающие виттовой пляской, слепые и глухие от рождения, а также уроды. Алкоголики в некоторых случаях тоже могли быть подвергнуты стерилизации. Заявления на проведение стерилизации принимались как от частных лиц, так и от лечащих врачей и заведующих отделениями. Поступившие заявления разбирались судами «наследственного здоровья». Если решение было положительным, то его следовало привести в исполнение в течение четырнадцати дней, отпускать пациента из клиники без операции не разрешалось.

С целью популяризации закона была развернута широкая пропагандистская кампания, в которой были задействованы пресса, кинематограф и театры. Тема оздоровления нации широко обсуждалась также на собраниях трудовых коллективов. Давление на общественное сознание с самого начала было столь массивным, что в нем совершенно потерялись голоса противников принудительной стерилизации. Примечательно также, что в ходе этой кампании ни разу не упоминалась эвтаназия, и сделано это было пред-

намеренно, по «распоряжению сверху»⁸⁰, о чем свидетельствуют стенограммы пресс-конференций, относящихся к этому периоду.

Одновременно в прессе все чаще встречаются описания особенно вопиющих случаев душевных болезней, которые не могли не наводить «простых» немцев на соответствующие размышления, особенно на фоне постоянных призывов к повышению обороноспособности страны. Параллельно шла пропаганда новой врачебной этики, которая призывала отвлечь взоры от безнадежно больных и заняться лечением полноценных, которые еще могут послужить родине.

Закон о стерилизации подготовил почву для легализации эвтаназии. Внешним поводом для этого послужил случай одной супружеской пары из Лейпцига, которая обратилась к врачам с просьбой об умерщвлении их во всех отношениях ущербного ребенка. Власти живо отреагировали, и в 1939 году была создана специальная комиссия по наследственным болезням. Случаи наследственных заболеваний выявлялись посредством анкет, рассылавшихся в различные клиники. Заполненные анкеты отправлялись на оценку трем экспертам, которые должны были ставить на них знак «+», если считали эвтаназию целесообразной, и знак «—», если не видели в ней необходимости. Обработанные таким образом анкеты поступали в комиссию по наследственным болезням, которая принимала окончательное решение. Эксперты оплачивались в зависимости от количества обработанных анкет. Умерщвление производилось в так называемых «детских отделениях». Всего было создано 21 такое отделение, а возрастная граница поднялась от трех лет в начале акции, до шестнадцати — в конце. В графе «диагноз» стали фигурировать такие характеристики, как «цыган» или «еврей». Всего за время проведения акции было уничтожено пять тысяч детей⁸¹.

⁸⁰ Winau R. Op. cit. S. 41.

⁸¹ Ibid. C. 43.

Эвтаназия взрослых, начавшаяся в том же 1939 году, уже не имела законного основания. Существовал лишь приказ Гитлера, написанный на его личной бумаге. Эта акция также проводилась методом анкетирования.

Эвтаназия взрослых встретила серьезное сопротивление со стороны медицинского персонала и церкви (как евангелистской, так и католической). Это привело к тому, что в 1942 году акция была официально прекращена. К этому времени 70 тысяч человек уже было уничтожено и еще 50 тысяч анкет с пометкой «+» дожидались своей очереди. Неофициально акция продолжалась до конца войны. В 1941 году по распоряжению Гимmlера была также начата акция уничтожения душевнобольных в концлагерях.

Общий итог проведения расово-гигиенических мероприятий в Германии был следующим: от 300000 до 400000 людей подверглись насильственной стерилизации на основе действия закона 1934 года, причем многие из них — по расистским соображениям. Около 100000 пациентов психиатрических клиник были расстреляны или отравлены газом в рамках так называемой «акции T4» (эвтаназия неполноценных), в том числе тысячи детей. После официального окончания акции в 1942 г. до конца войны еще 120000 пациентов было уморено голодом, поскольку им как «малоценным» жизням было отказано в питании. Около шести миллионов евреев и цыган были расстреляны, отравлены газом или заморены тяжелой работой в лагерях смерти. Причем очень многие жертвы не учтены статистикой. «Особо следует упомянуть тех, кто стал жертвами медицинских экспериментов, летальный исход которых был предreshен заранее. Из 90000 врачей, практиковавших в то время в Германии, около 350 принимали непосредственное участие в этих противозаконных опытах»⁸².

Эта печальная статистика по существу явилась результатом последовательного проведения в жизнь евгенической идеи оздоровления народонаселения, теоретической осно-

⁸² Weingart P., Kroll J., Bayertz K. Op. cit. S. 562.

вой для которой послужил вульгарный дарвинизм. Определенную роль сыграла также и социалистическая идея подчинения частных интересов индивида интересам общества, отказ от сиюминутных радостей ради счастья еще не рожденных поколений. Германия показала миру, чем может обернуться для человечества практическая евгеническая программа, если она получит государственную поддержку. Но путь, пройденный Германией, нельзя считать уникальным, следствием какого-то специфического «национального характера». Другие страны настолько близко подошли к черте, отделяющей отвлеченное теоретизирование по евгеническим вопросам от реального и необратимого вмешательства в частную жизнь граждан, что, по-видимому, только зрелище ужасов, творимых в фашистской Германии, а также тот факт, что Германия все-таки проиграла войну, удержало их от законодательного разрешения эвтанази. Конечно, в условиях отсутствия тоталитарного режима акция по уничтожению неполноценных людей не могла достигнуть такого размаха, как в Германии, но в каких-нибудь «разумных» пределах, она вполне могла бы проводиться и в Англии, и в Швеции, не говоря уже о стране Советов.

Первая масштабная попытка решения проблемы вырождения человечества средствами науки провалилась, причем столь очевидным образом, что и до сих пор генетики стесняются признаваться в наличии у них евгенических намерений. Но нельзя не считаться и с тем, что факты, к которым апеллировали евгенисты XX века, изображая опасности вырождения, это не фантазии, а данные статистики. Вторая мировая война, принеся свои многочисленные проблемы, оттеснила их на второй план. Но проблемы перенаселения, загрязнения окружающей среды, ослабления иммунитета и т.д. по-прежнему ждут от разумного человечества теперь уже наступившего будущего своего разумного решения.

ГЛАВА III. СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НЕОБХОДИМОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ГЕНОМОМ ЧЕЛОВЕКА

До сих пор речь в книге шла о евгенических «мифах», то есть о *представлениях*, бытующих в менталитете и являющихся скорее отражением массовых предубеждений и желаний, нежели действительных потребностей и реального положения дел. Таким было представление о вырождении человека вследствие ослабления естественного отбора и о необходимости усовершенствования человеческого рода средствами науки, ставшее источником евгенического движения. Но и святая вера в то, что наука *может* осуществить глобальные евгенические преобразования, являющаяся источником всех расово-гигиенических мероприятий начала XX века, тоже относится к разряду мифологических представлений. Впрочем, история евгеники в данном случае не является исключением из общего правила: фундаментальные открытия в любой области знания первоначально порождают некую умственную эйфорию, вызванную тем, что научное сообщество и (особенно) люди, интересующиеся достижениями научно-технического прогресса, возлагают слишком большие надежды на новое направление исследований. Когда становится понятен принцип действия какого-либо закона, то кажется, что и за разработкой новых технологий дело не станет. Но то, что сработало в области электротехники, например, дало сбой в области генетики: мы уже давно знаем, как в принципе происходит передача генетической информации, но все еще не способны воспроизвести естественные процессы в лабораторных условиях без потерь. И такое по-

ложение сохраняется уже довольно давно: с момента повторного открытия законов Менделя человечество пребывает в нетерпеливом ожидании того счастливого времени, когда новые биотехнологии чудесным образом разрешат многочисленные проблемы. Уже сейчас методы генетики используются для создания новых сортов сельскохозяйственных растений и лекарств. Ведутся работы по созданию клонированных органов для пересадки и коррекции генома человека. Несмотря на законодательные ограничения, все чаще заходит разговор о клонировании человека. Эта последняя задача уже относится к области евгеники, и, хотя в рамках «генетики человека», этого современного восприимчива евгеники все проблемы рассматриваются как бы с точки зрения интересов индивида, а не расы, суть дела от этого не меняется. Основной вопрос евгенического дискурса состоит в том, допустимо или нет вмешательство в естественный ход размножения. Сами причины, по которым мы склоняемся к той или иной точке зрения, имеют уже второстепенное значение. Положительный ответ на этот вопрос, независимо от аргументации, дает в руки внешних по отношению к индивиду сил рычаги для манипуляций генофондом. При этом разница между практическими евгеническими программами классического периода и целями современной «либеральной» евгеники заключается лишь в том, что в первом случае общепринятое представление о том, каким надлежит быть человеку, выражается в более открытой форме. Негативные последствия, тающиеся в современной генетике, не идут ни в какое сравнение с теми «перегибами», которыми ознаменовалась деятельность разработчиков программ расовой гигиены. Потому что сегодня, впервые за всю историю человечества, она действительно располагает средствами, которые «дают возможность в принципе и в обход этических рамок осуществить селекцию людей. Новые техники позволяют обходить старые этические возражения либо устранять их как иррациональное сопротивление. Усовершенствование человеческого вида попадает в сферу технически осуществи-

мого и граничит с областью преступного. Эти перспективы в свете стремительного прогресса репродуктивных техник и генетики обретают неизвестную доселе общественную актуальность»⁸³.

До сих пор речь в книге шла о евгенических «мифах». Теперь нам предстоит выяснить, насколько соответствуют реальности современные представления о необходимости и возможности манипулировать геномом человека.

Реабилитация евгенической идеи в 60-х гг. XX века

Говоря о современном этапе евгенического дискурса, обычно имеют в виду те идейные течения, которые берут начало примерно в начале 60-х гг. XX века, после перерыва, вызванного известными событиями. И, хотя в развитии евгеники никогда не было «часа ноль» (выражение П. Вайнгарта), все же было время, когда движение в этой области практически отсутствовало.

Поражение нацизма во Второй мировой войне тяжело отразилось на судьбе тесно связанной с ним евгеники. Цивилизованное человечество не простило евгенистам сотни тысяч убийств, совершенных во имя очищения арийской расы, забыв о том, что в период повального увлечения дарвинизмом идея усовершенствования человеческого рода воспринималась с сочувствием и пониманием не только оголтелыми расистами.

Послевоенный период был трудным для европейских евгенических обществ, однако полностью исследования не прекращались даже в Германии. Разумеется, с уходом фашизма с политической сцены финансирование работ в этой области практически прекратилось. В ряде случаев исследователи, еще недавно имевшие в своем распоряжении десятки тысяч узников концлагерей, были вынуждены вернуться к

⁸³ Weingart P., Kroll J., Bayertz K. Op. cit. S. 15.

опытам на дрозофилах. Кое-кто из видных ученых был вынужден прекратить работу или эмигрировать. Но моральные и юридические коллизии, которые довелось пережить этим людям, — лишь один из аспектов, характеризующих судьбу всякой политизированной науки после краха режима, который она поддерживала своими средствами. Другой, гораздо более важный аспект — это «самосознание научной дисциплины» (П. Вайнгарт), то, как научное сообщество «перерабатывает» политическую катастрофу, свершению которой оно способствовало и жертвой которой стало. Иными словами, наиболее интересный вопрос для историка евгенического движения — это вопрос о том, как оно усвоило ценнейший из опытов — опыт негативный.

«Насколько политическая переоценка ценностей, произошедшая по окончании войны, затронула данную дисциплину и до какой степени общественное презрение распространилось и на евгенику? На какие исследовательские области, теории и притязания распространилась эта переоценка? Как ограничить вредные последствия политизации дисциплины, которая на протяжении более полутора десятков лет только приветствовалась? Антропология, генетика и расовая гигиена оказались в одинаковой ситуации, поскольку были представлены одним и тем же поколением исследователей, чьи биографии охватывали резкую смену одной политической культуры на другую (к некоторым из них это относится вдвойне: от Веймарской республики — к национал-социализму и далее — к послевоенной Германии). Это продолжалось до шестидесятых годов, пока в названных дисциплинах не произошла смена поколений»⁸⁴.

К началу шестидесятых произошла не только смена поколений в среде ученых-естествоиспытателей, и не только в Германии. В мире вообще произошло множество изменений, наиболее существенным из которых, с точки зрения евгенических задач, был прогресс в области генетики, цитологии и

⁸⁴ Weingart P., Kroll J., Bayertz K. Op. cit. S. 581.

молекулярной биологии: открытие двойной спирали ДНК, работы по трансплантации ядер, популяционная генетика и многое другое, что делало осуществление евгенического проекта более реальным.

Множество изменений произошло и в областях, не связанных непосредственно с евгеникой, но оказавших существенное влияние на трансформацию менталитета. К числу таких изменений следует отнести «сексуальную революцию», ставшую логическим следствием из идеологии движения хиппи. Эта революция, помимо пресловутой свободы нравов, привела к тому, что в сознании людей произошло постепенное отделение половой жизни от процесса воспроизводства потомства. Отныне секс как бы утратил свое природное назначение и стал самоцелью, занятием для удовольствия и признаком определенного статуса. Вследствие этого разделения изменилось отношение общественности к противозачаточным средствам и абортам. Если бы не это «счастливое» обстоятельство, то к настоящему моменту людей на земле было бы гораздо больше шести миллиардов. Кроме того, стало возможным более открытое обсуждение проблем взаимоотношения полов, что значительно облегчило проникновение евгенических идей в массовое сознание.

Даже запуск первого советского спутника оказал косвенное влияние на изменение ситуации в евгенике, ибо стал причиной пересмотра образовательных программ в США, никак не ожидавших, что обескровленный войной Советский союз первым выйдет в космос. В частности, в процессе этого пересмотра выяснилось, что большинство учебников по основным дисциплинам отстает от переднего края науки в среднем на 25 лет. Это открытие дало толчок популяризации научных достижений (в скобках замечу, что современная коммерциализация генетических разработок должна вскоре привести к восстановлению этого разрыва).

Советская Россия переживала в 60-х годах так называемую «оттепель». Для евгеники, разделившей трагическую судьбу генетики, это означало возможность возобновить от-

крытое обсуждение своих проблем. Но сам термин «евгеника» был сильно скомпрометирован связью с фашизмом, поэтому ученые не торопились снова вытаскивать его на свет. В Германии это обстоятельство породило бурную дискуссию среди членов евгенических обществ, решивших взять для своих организаций новое название. Мнения разделились между «антропологией» и «генетикой человека». В конечном счете победила «генетика человека», под эгидой которой до сих пор и ведутся все евгенические разработки в Германии.

В России, где евгеническое общество прекратило свое существование задолго до описываемых событий, и никакой преемственности не было, речь шла не о переименовании. Споры о «евгенике» велись вокруг проблемы ее этического статуса, и центральным вопросом был вопрос о допустимости евгенического вмешательства как такового. Своеобразным итогом этих дискуссий стал «круглый стол» «Генетика человека, ее философские и социально-этические проблемы», проведенный журналом «Вопросы философии» в 1970 году. В работе круглого стола приняли участие многие видные советские ученые, чьи разработки так или иначе выходили на евгеническую проблематику. Вопрос о правомерности употребления слова «евгеника» также поднимался на этой конференции. «Не нужно бояться слова евгеника только потому, что его использовали расисты, — заявил академик Н.П.Дубинин, — однако необходимо разграничивать понятия, без этого основные вопросы могут быть запутанными»⁸⁵. Другой участник круглого стола, А.А.Малиновский, в своем выступлении отметил, что изначальная цель евгеники — обеспечение наследственного здоровья — сама по себе положительна, но ее основатель Гальтон допустил «известные» ошибки, вследствие чего позже евгеника «дала начало двум направлениям — научному и гуманному, основанному на

⁸⁵ Лисеев И.К., Шаров А.Я. Генетика человека, ее философские и социально-этические проблемы. Материалы «круглого стола» // Вопр. философии. 1970. № 7. С. 110.

распространении знания и добровольности, способствовавшему возникновению медицинской генетики, и — реакционному, получившему наиболее пышное развитие в нацистской Германии. У нас со словом «евгеника» обычно ассоциируется именно последнее, но это неверно. Бояться этого слова не следует»⁸⁶.

Выдающийся ученый-генетик В.П.Эфроимсон, работы которого наиболее близко граничат с евгенической проблематикой, писал об упомянутых ошибках Гальтона следующее: «Вульгарный дарвинизм подразумевает под естественным отбором борьбу всех против вся. Он игнорирует одну из особенностей эволюционного развития человека: наряду с борьбой за существование, наряду со всеми звериными инстинктами, которые были у человека, его эволюция характеризуется чрезвычайно интенсивным отбором по свойствам, которые мы можем назвать человеческими»⁸⁷. Автор отстаивает идею об эволюционном происхождении этики и эстетики, утверждая, что, хотя влияние социальной среды на формирование личности имеет огромное значение, но нельзя забывать о нескольких очень важных обстоятельствах:

«1) каждый индивид чрезвычайно избирательно восприимчив к внешним явлениям;

2) индивид — не семя, прорастающее там, куда его занесло, а существо, довольно активно выбирающее себе свое окружение;

3) данная «типичная» среда сформировала людей с самыми полярными психиками и интеллектом;

4) каждый индивид обладает личной, особенной восприимчивостью и сопротивляемостью различным средовым воздействиям»⁸⁸.

⁸⁶ Лисеев И.К., Шаров А.Я. Генетика человека, ее философские и социально-этические проблемы. Материалы «круглого стола». С. 114.

⁸⁷ Там же. С. 125.

⁸⁸ Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. С. 19.

Вульгарный дарвинизм, по мнению В. П. Эфроимсона, слишком упрощенно трактовал влияние генетических факторов на развитие личности, но это не повод для того, чтобы полностью отрицать наличие этого влияния.

Сходное отношение к евгенической проблематике представлено в выступлении В. М. Гиндилиса, в котором говорится, что утверждая, будто в основе индивидуальных особенностей человека лежат генотипические различия, мы как бы впадаем в мировоззренческий «грех», делаем шаги в сторону расизма. «Но расизм есть концепция, которая всегда строилась на совершенно определенных следствиях из каких угодно посылок. Расистскую концепцию можно построить, исходя в том числе и из чисто генетических фактов. Признание справедливости доказанных наукой положений о значительной роли биологических и генотипических факторов в психофизиологии человека не есть ошибка. Ошибка возникает тогда, когда на основе этих фактов пытаются утверждать о *фатальности* наследственных факторов вообще, отрицают роль внешней среды, или наличием биологических различий пытаются оправдать социальное неравенство. Расизм начинается не тогда, когда устанавливаются и исследуются какие-то биологические различия между индивидами или группами индивидов, а тогда, когда к таким различиям начинают применять чисто обывательские критерии «лучше — хуже», и на этой основе строят затем различные концепции о социальном неравенстве и т.д.... На протяжении последних десятилетий создавалась странная ситуация: расисты спекулировали на генетических фактах и теориях, а гуманисты, вместо того, чтобы ясно продемонстрировать отсутствие всякой научной почвы для расистских спекуляций и тем самым защитить науку от посягательств реакции, впадали в другую крайность и отрицали уже сами научные факты и концепции генетики, поднимая на щит все то, что в старой биологии противоречило современным генетическим взглядам»⁸⁹.

⁸⁹ Лусеев И. К., Шаров А. Я. Генетика человека, ее философские и социально-этические проблемы. Материалы «круглого стола». С. 114.

Негативное отношение к евгенике, преодолеть которое в одночасье было невозможно, привело к тому, что ее исследовательская область была расчленена и стала достоянием других дисциплин. Генетика человека, медицинская генетика, антропология — эти и многие другие науки о человеке занимались разработкой проблем, прежде объединенных под эгидой евгеники. Дробление области исследования представило евгенические проблемы в ином свете, позволило продолжить разработку хотя бы некоторых направлений, так что они уже не вызывали стойкого раздражения идеологов. «До последнего времени мы или вообще обходили эти вопросы, или ограничивались краткой и весьма решительной отрицательной оценкой практических рекомендаций и попыток в этой области. Перед нами всегда витал призрак фашистской евгеники, и этим было сказано все»⁹⁰, — писал Я.С.Иориш. Дробление проблемы усовершенствования человека было оправдано и само по себе, безотносительно к желанию не раздражать общественное мнение. Неоправданным было скорее чрезмерное обобщение евгенических выводов, характерное для расово-гигиенических программ начала XX века, приведшее к расширительному толкованию евгенической задачи, и как результат — к путанице. Н.П.Дубинин писал по этому поводу, что в биологии «долгое время шли споры о том, наследуются ли адекватно в потомстве признаки, приобретенные данным организмом. Эти споры происходили в конце XIX века и были предметом биологических дискуссий в нашей стране в 1932—1948 годах. Однако нельзя забывать, что правильный тезис о ненаследовании признаков приложим только в отношении *генетической программы*. Старые евгенисты запутали этот вопрос при обсуждении проблемы наследования у человека. Они употребляли слово «наследственность» в приложении к человеку совершенно недифференцированно, считая, что генотип определяет личность

⁹⁰ *Иориш Я.С.* Будущее биологии и общество // *Вопр. философии*. 1966. № 9. С. 177.

человека. Роль социальной программы совершенно не принималась во внимание. Им казалось, что и формы социального поведения определяются генами... Когда дело идет о таких физических свойствах, как цвет глаз, пигментация кожи, наличие болезни крови — гемофилии или ее отсутствие и т.д., — во всех этих случаях торжествует генетическая программа. Духовный мир человека, хотя и опирается в биологическом плане на гены, однако складывается сложными путями под определяющим влиянием внешней социальной среды. Так возникает и социальная типизация личности и ее духовная уникальность... Вполне понятно, что евгеники рекомендуют соответствующие методы, исходя из задач переделки генотипа человека. Эти методы ничем не отличаются от приемов, разработанных в селекции животных и других организмов. Очевидно, что применение подобных методов к людям, превратит их в экспериментальное стадо. Нравственные последствия от такой операции, если бы кто-нибудь мог ее осуществить, были бы ужасными. Это бы явилось разрушением всех понятий о добре и зле, разрушением самой сущности понятия «человек», его социальной определенности»⁹¹. Выступление Дубинина характеризует состояние современных ему евгенических разработок. В частности оно показывает, что особых идейных подвижек в этой области со времен Гальтона не произошло, что вообще говоря, естественно для периода «реставрации». Но заметно изменился угол видения проблемы, иначе расставляются акценты. Если евгенические общества классического периода могли позволить себе отложить на будущее «гуманитарный» круг проблем (выработка идеала человека и определения цели евгенической работы), то для «современной» евгеники эти проблемы становятся центральными. Причина такого отличия, возможно, кроется в том, что к описываемому времени развитие генетики, не прекращавшееся даже

⁹¹ Лисеев И.К., Шаров А.Я. Генетика человека, ее философские и социально-этические проблемы. Материалы «круглого стола». С. 109–110.

в самые неблагоприятные для нее моменты, наконец достигло того уровня, когда наука превратилась в реальную силу, стала оружием. Вопрос об ответственности ученых за последствия своих экспериментов перестал быть праздным. Свою роль сыграло и то, что теория Дарвина в известной мере отошла в область истории науки и ее гипнотическое действие на ученых прекратилось. В этих новых обстоятельствах проблема вырождения человечества стала выглядеть иначе. Очень многие ученые сошлись во мнении, что евгенические замыслы преждевременны и не имеют под собой объективного основания. Н.П.Дубинин, например, считал, что на данном этапе развития цивилизации нет никакой реальной потребности в изменении генома человека, а также не существует и реальных методов целенаправленного изменения общей генетической информации. Тем самым он отрицал обе посылки, с которых, собственно, и начинается евгенический дискурс: потребность в изменениях и способность эти изменения произвести. По мнению автора, прежде чем усовершенствовать человека, следует выяснить, что такое «человек», как с генетической, так и с социальной точки зрения: «Только на основе этого понимания можно размышлять о том, нужно ли улучшать человека в генетическом отношении. Идея, приведшая евгеников к мысли, что такое улучшение нужно, — это идея о генетическом вырождении человека. Причину этого вырождения они видят в том, что у человека прекратился естественный отбор и вредные мутации накапливаются»⁹². Однако, по мнению академика Н.П.Дубинина, концепция вырождения не имеет научного основания, о чем свидетельствуют, в частности, данные популяционной генетики.

Позиция Н.П.Дубинина представляется вполне убедительной и обоснованной. Однако, полностью соглашаясь с ним в том, что практические расово-гигиенические мероп-

⁹² *Лисеев И.К., Шаров А.Я.* Генетика человека, ее философские и социально-этические проблемы. Материалы «круглого стола». С. 108.

риятия преждевременны, нельзя признать, что преждевременными являются и размышления о евгенической задаче как таковой. А.А.Нейфах, с которым Н.П.Дубинин расходится во мнениях практически по всем вопросам, считает, что обдумывать социальные последствия манипуляций с человеческим клеточным материалом следует уже сейчас. Правда, именно А.А.Нейфах избегает использовать термин «евгеника» применительно к трансплантации ядер, о которой он говорит, хотя этот метод по всем признакам может быть причислен к разряду евгенических: «Нет смысла называть этот метод евгеникой — наукой, которая ставит задачи изменения и улучшения природы человечества в целом. В случае же трансплантации ядер мы, во-первых, ничего не меняем, а сохраняем то, что есть. Может быть, мы увеличиваем число этих людей, но не меняем их генотипа. Во-вторых, здесь речь идет не о человечестве, а только о единичных экземплярах. Итак, можно сказать, что трансплантация ядра у человека принципиально возможна и использование этого метода, без сомнения, будет иметь социальные последствия. Мы должны и обязаны уже сейчас заранее учесть социально-этическую сторону вопроса, в частности те отрицательные последствия, которые при этом могут возникнуть»⁹³. Как видно из приведенного отрывка, А.А.Нейфах не слишком хорошо знаком с евгенической проблематикой, ибо оба приведенных им аргумента ошибочны. Во-первых, изменение процентного содержания лиц, одаренных выше среднего в общем составе населения (так называемая проблема Geburtenrate) — это старая евгеническая проблема. И во-вторых, либеральная евгеника, которая в последнее время набирает все больший вес, считает своим объектом именно индивида, а не человечество в целом. Но эта ошибка А.А.Нейфаха представляет для нас даже больший интерес,

⁹³ Лисеев И.К., Шаров А.Я. Генетика человека, ее философские и социально-этические проблемы. Материалы «круглого стола». С. 108.

чем его рассказ о развитии конкретных генетических технологий, поскольку поднимает вопрос о границе между собственно генетикой и евгеникой.

Провести эту границу необычайно трудно по причине, о которой писал, в частности П. Вайнгарт — обе дисциплины представлены одним и тем же поколением исследователей. Фактически, демаркация проходит не по предметной области, а по области задач. Например, если генетическое вмешательство имеет своей целью устранение летальной мутации, то оно относится к области медицинской генетики, а если вмешательство проводится, например, с целью улучшения адаптации организма к изменениям среды — то это уже из области евгеники. Но представьте себе, что организм адаптируется болезненно медленно. Как тогда следует квалифицировать действия генетиков? Таким образом, мы попадаем в своеобразный «герменевтический» круг, в котором смысл нашей деятельности определяется целью, а цель зависит от смысла, приписываемого нашим действиям. В работах, относящихся к описываемому периоду (60-м годам XX века), граница между евгеникой и генетикой человека нередко преодолевалась путем постановки знака равенства между двумя этими терминами. Такая операция была в известной степени правомерной, и в результате ее проведения большинство текстов не теряло ни смысла, ни связности. В качестве примера приведу рассуждение А. Н. Леонтьева по поводу генетической обусловленности психических особенностей личности: «Генетика человека касается не только специальных медико-генетических вопросов, но и более широких проблем, имеющих острое, мировоззренческое, идеологическое значение. Как известно, сейчас в ряде стран вновь усиленно насаждаются биологизаторские взгляды на человека и вытекающие из них концепции для оправдания господства одних людей над другими. Известно также, что концепции эти преподносятся как якобы основанные на объективных данных науки... Но что означает требование научной объективности применительно к решению проблем генети-

ки человека? Этот вопрос совсем не так прост, как кажется на первый взгляд, и в нем необходимо внимательно разобраться. Дело в том, что генетика, претендуя на выяснение роли наследственности в проявлениях человеческой личности, в особенностях сознания и поведения человека, в его творческой деятельности, необходимо — хотим мы этого или нет — обращается также к психологическим знаниям... К сожалению, во многих работах по генетике человека объективный учет и тщательный анализ психологических факторов подменяется их поверхностной интерпретацией»⁹⁴. Как видно из приведенного отрывка, А.Н.Леонтьев, говоря о генетике человека, перечисляет трудности и «грехи», присущие не столько генетике, сколько именно евгенике, с ее страстью к поспешным обобщениям и неоправданным экстраполяциям. Это не случайность и не результат небрежности, а скорее дань времени: сколько бы слов ни было сказано о том, что бояться термина «евгеника» не следует, все-таки ученые избегали употреблять его. И не столько потому, что евгеника была обременена дурным политическим наследством, сколько потому, что она проявила себя как псевдонаучное, утопическое мероприятие. Для современного ученого нет более страшного клейма, чем обвинение в ненаучности. Однако если опустить эти соображения и непредвзято оценить генетику человека, то станет очевидно, что ее *предельной* задачей, ее конечной целью является именно усовершенствование человеческого генома, то есть задача евгеническая по определению. И если это не так, то все затраченные на генетические разработки силы и средства (в том числе и финансовые) потрачены напрасно.

Понимание евгеники как области *целесолагания* генетических исследований придает ей иной, более заверченный вид. Тем самым мы одновременно избавляем генетику, науку сугубо естественную, от необходимости решать не свой-

⁹⁴ Лусев И.К., Шаров А.Я. Генетика человека, ее философские и социально-этические проблемы. Материалы «круглого стола». С. 111.

ственные ей проблемы. Ошибки, допущенные адептами расовой гигиены, во многом проистекали из убеждения в том, что «гуманитарные» проблемы человечества могут быть решены средствами естествознания. Они же наглядно показали, что сие есть одно из устойчивых заблуждений технократической эпохи. Процесс приращения позитивного знания невозможно остановить. Как писал М. Е. Вартанян, «если технические возможности (имеется в виду методика) позволят добиться решения поставленных вопросов и интерес ученых к этой проблеме будет по-прежнему велик, то исследования будут продолжаться, и вряд ли то или иное отношение к ним может приостановить их»⁹⁵. Но современный уровень развития технологии, обязывает нас вести не менее интенсивные разработки в гуманитарной области.

Понимание этой необходимости нашло отражение в выступлениях участников «круглого стола» по проблемам генетики человека, проведенного журналом «Вопросы философии» (что само по себе уже весьма примечательно). Как было показано, в обсуждении был представлен довольно широкий спектр мнений по поводу места, роли и будущего генетических (и евгенических) разработок. Общим было, однако, понятное опасение за будущее человечества, которому предстоит испытать на себе действие новых технологий. К концу 60-х годов уже вполне оформилось отношение к науке как к силе, легко выходящей из-под контроля. Понятно, что появление нового оружия в арсенале этой силы прежде всего вызывало желание оценить риски, то есть возможные негативные последствия от применения нового знания. Генные технологии представлялись именно оружием, причем не только противникам безудержного экспериментирования с геномом, что было бы понятно, но и тем генетикам, которые склонны были оптимистично оценивать возможности нового исследовательского направления. И только один

⁹⁵ *Луцев И. К., Шаров А. Я.* Генетика человека, ее философские и социально-этические проблемы. Материалы «круглого стола» // *Вопр. философии.* 1970. № 8. С. 132.

из участников «круглого стола» — М.К. Мамардашвили — обратил внимание на то, что, обсуждая риски, связанные с вмешательством в развитие человеческого индивида, мы имеем дело со *старой* проблемой. Свое выступление М.К. Мамардашвили начал с признания, что он не знаком со специальной литературой по генетике и в своих рассуждениях будет руководствоваться чем-то вроде «скептического здравого смысла, рационализма». С этой точки зрения в наших рассуждениях можно обнаружить «и реакции суеверия, и непродуманные, бессознательно принимаемые социальные, философские допущения. Например, в связи с генетическими экспериментами задают вопрос: имеем ли мы право вмешиваться в интимный мир личности, в судьбу ребенка, который еще не родился, решать за него и т.д.? Но обратите внимание, что нечто, существующее по традиции, стихийно, нами уже принято в качестве само собой разумеющегося, обоснованного, а указанный вопрос мы ставим лишь тогда, когда что-то следует из поддающихся научной аргументации мероприятий. И все срезе же окутывается туманом, который мне кажется туманом суеверия. Ведь — и здесь прав А.А. Нейфах, указывая просто на фактическое положение дела, — мы ежедневно и ежечасно *практически* вмешиваемся в развитие человека, делаем это не задаваясь вопросом, имеем ли мы на это право или нет, и, тем более, не спрашивая на это согласия ребенка, — поскольку за этим стоит стихийно сложившаяся культура, освещенная многовековой традицией. Внушаем ли мы правила физической гигиены, даем ли мы ребенку в руки учебник по обществоведению или физике, или научаем его социально-приспособительному поведению — мы решаем за него и вмешиваемся в него. А вот когда те или иные методы являются приложением выводов из рациональной научной конструкции, когда опыты вмешательства следуют из рассуждений профессора X, то мы добродетельно возмущаемся, морализируем»⁹⁶.

⁹⁶ Лисеев И.К., Шаров А.Я. Генетика человека, ее философские и социально-этические проблемы. Материалы «круглого стола» // Вопр. философии. 1970. № 8. С. 130.

В начале параграфа было сказано, что «круглый стол» «Вопросов философии» подвел итоги предшествующего периода развития генетики. Но это не совсем так: подлинное значение этого совещания ученых заключалось в том, что оно сформулировало основной круг проблем, которые предстояло решить евгенике прежде (и для того), чем взяться за переделку человечества. В круг этих проблем вошли: проблема ответственности ученых за результаты своих исследований, проблема преодоления социальных табу, проблема соотношения социальных и биологических факторов в развитии человеческого индивида, проблема юридического и этического статуса генетического вмешательства и т.д. И главное, было показано, что направление и границы евгенического вмешательства зависят от того, что мы вкладываем в понятие «человек». И содержание этого понятия никак не выводится из естествознания.

Перечисленные проблемы являются одновременно и направлениями исследований, приобретающими особую актуальность сегодня, в свете последних достижений на ниве генетики человека.

Биоэтика — прецедентное право о способах достижения этического и юридического консенсуса в геномной инженерии

«Пока философия верила в то, что она способна обозреть всю целокупность природы и общества, она хозяйничала в тех на первый взгляд твердо установленных границах, в которые вписывалась жизнь индивидов и сообществ»⁹⁷, — писал Ю.Хабермас, имея в виду, что те счастливые времена уже прошли. Свою посильную лепту в размывание этих твердо установленных границ внесла и геномная инженерия, оказавшая существенное влияние на изменение представлений

⁹⁷ *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М., 2002. С. 11–12.

человека о самом себе и продемонстрировав бессилие традиционной этики решать проблемы, в изобилии порожденные послевоенным периодом.

Одним из следствий Второй мировой войны стало то, что она показала неприемлемость насильственных методов в разрешении идейных противоречий. В основе всех демократических движений послевоенного периода лежит убеждение в том, что взаимопонимание между людьми должно достигаться не путем поглощения господствующей идеологией инакомыслия, а через признание права каждого иметь собственное мнение. Евгеническая идея, основанная на представлении о некоем унифицированном идеале человека, претерпела под действием этой установки значительные изменения. В частности, наряду с традиционной евгеникой, ориентированной на интересы государства, возникла и продолжает набирать сторонников «либеральная евгеника».

Послевоенный мир оказался очень открытым и подвижным. Смещение народов достигло такого размаха, что говорить о чистоте какой-либо расы стало практически невозможно. Образовались маргинальные слои и анклавов, что существенно затруднило подсчет доли представителей того или иного класса в общем составе населения. При этом взаимопроникновение культур стало настолько заметным, что возникла реальная необходимость в построении новой системы ценностей, которая могла бы служить связующей нитью для человеческой цивилизации. Ни религия, ни национальность, ни гражданство, ни язык на эту роль уже не годились. Проблема этического консенсуса стала наиболее популярной темой дискуссий, в ходе которых было признано, что есть только одно общее для всех людей стремление — «быть здоровым и счастливым» — и именно на этом фундаменте и должна строиться этика единого человечества, этика жизни — «биоэтика». Таков исходный, «высокий» смысл биоэтики. В действительности, поскольку основные «жизненные» коллизии, разрешить которые она взялась, происходили на ниве медицины, то она во многом стала наслед-

ницей медицинской деонтологии, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ее предметным полем стали конфликты, возникающие на почве взаимоотношений врача и пациента, проблема допустимости эвтаназии, проблема стоимости жизни и т.п., а также вопросы допустимости генетического контроля и вмешательства.

Пальма первенства в области биоэтических разработок на сегодняшний день принадлежит США, что определило их специфический акцент, выразившийся «в фиксации» на юридической стороне дела. Работы в этом направлении ведутся примерно с 60-х годов, однако процесс достижения консенсуса осложнился тем, что в США существует несколько юридических школ, по разному представляющих себе самый образ правосудия. Наиболее влиятельными среди них являются правовой позитивизм, утилитаристский прагматизм и правовой реализм⁹⁸.

Сторонники *правового позитивизма* полагают, что действующее право представляет собой набор жестких правил, в соответствии с которыми выносятся решения по конкретным случаям. Если соответствующее правило отсутствует (а в биоэтике это случается постоянно), то судья создает прецедент, которому все остальные судьи должны неукоснительно следовать. Позитивисты исходят из того, что существует некоторая объективная справедливость, единственная для данной системы правил, и она защищает систему от возможности возникновения противоречий.

Представители *правового реализма* указывают сторонникам предыдущей точки зрения на то, что прецедентное право является по сути своей интерпретативным, а значит, сколько будет судей, столько и правосудий. Решение судьи будет зависеть от множества факторов, таких как образование, жизненный опыт, личные пристрастия, религиозные убеждения, степень понимания медицинской стороны вопроса

⁹⁸ Pinkard T. Bioethik und das amerikanische Rechtswesen // Bioethik in den USA. В/Н. У., 1988. S. 207–228.

и т.д. Косвенным подтверждением справедливости этого выражения является то, что, согласно статистическим данным, подавляющее большинство американских адвокатов убеждено в том, что исход рассмотрения дела не в последнюю очередь зависит от того, какой судья его будет вести.

Школа утилитаристского прагматизма, которая так же скептически оценивает продуктивность беспристрастного следования правилам, считает, однако, что судья не совсем свободен в выборе приговора, что он должен руководствоваться соображениями общественного блага. Остается только прийти к соглашению, что считать благом.

Этот последний вопрос переводит биоэтическую дискуссию в область философии, которая, по мнению юристов, и должна выработать необходимый объединительный принцип. Однако, среди современных американских философов, работающих в области биоэтики, единства также нет. Например, Р.Нозик считает, что достижение консенсуса в распределении социальных благ, в том числе и медицинские приоритеты, вполне возможно, и что при установлении оно общественного и групповые интересы должны превалировать над личными⁹⁹. Дж.Роулс оспаривает оба этих положения и в духе либеральной евгеники отмечает, что будет «благороднее», если государство уступит приоритет интересам граждан. Т.Энгельгардт замечает по этому поводу, что уж этим двум авторам точно не удастся прийти к консенсусу, так как нетрудно заметить противоречие между содержательным у Р.Нозика и ориентированным на свободу у Дж.Роулса пониманием справедливости¹⁰⁰.

Макинтайр считает, что спор Дж.Роулса и Р.Нозика является по существу результатом крушения просветительских иллюзий, крушением надежд на то, что удастся заменить всеобщие нормативные регулятивы, данные в Божественном Откровении, на всеобщие нормативные регулятивы, полу-

⁹⁹ Bioethik in den USA: Methoden. Themen. Positionen. В/Н. У., 1988. S. 57.

¹⁰⁰ Ibid. S. 58.

ченные из сознания¹⁰¹. «Авантюра» просветительской революции удалась лишь наполовину, считает автор. Эта революция дала освобождение от законов Божественного завета, но не предоставила «естественного завета» такой же степени связности, поставив тем самым человека перед множеством различных ценностей и способов их обоснования. Большинство из этих ценностей (или целей) в процессе использования было различным образом упрощено, рационализировано или «обосновано», благодаря чему они принимали то анархистский, то томистский, то феноменологический и проч. вид. Однако эта ситуация прискорбна только на первый взгляд, потому что именно мировоззренческий плюрализм является залогом того, что ни одна из систем не сможет претендовать на место прежде единого мировоззрения в качестве «единственного наследника». В этой ситуации основной задачей философов становится отказ от попыток конечного обоснования ценностей, норм, добродетелей и переход к обоснованию их на базе договора, консенсуса, компромисса и терпимости.

Дж. М. Бьюкенен приходит к сходным выводам, хотя работает на совсем другом материале (экономический анализ механизма государственного регулирования). Он обращает внимание на то, что нашу личную, общественную, экономическую и т.д. деятельность регулируют правила, которые мы же сами и придумываем, сознательно оговариваем или воспринимаем по традиции¹⁰². Эти правила придают человеку уверенность в уместности его действий, а обществу — стабильность и связность. Это дает нам основание сказать, что крах потерпело не само Просвещение, а характерное для него непонимание действительной способности человеческого разума создавать правила, а не находить их в природе. Тщетность просветительской надежды на «естественное» обоснование системы морали заключается в том, что никакого «естественного» порядка не существует. Это

¹⁰¹ Bioethik in den USA: Methoden. Themen. Positionen. B./N. Y., 1988. S. 58.

¹⁰² Ibid. S. 58–59.

человек создает порядок из хаоса, ему присуща разумная способность вырабатывать правила, а затем придерживаться их или изменять. Нежелание признавать это, по мнению Э.Пеллегрини, и составляет главное отличие европейской биоэтики от американской¹⁰³. Сегодня, считает Пеллегрини, Европа все еще пребывает на первой стадии просветительской революции и по-прежнему пытается создать новую этическую систему, либо приспособить старую христианскую систему к изменившимся условиям. Об Америке же можно сказать, что она уже вступила во второй, постпросветительский этап, который является закономерным и через который предстоит пройти (рано или поздно) всем технически развитым странам.

Это довольно сильное утверждение, представляющее как анахронизм попытки европейских философов построить современную систему нравственных ценностей, выводимых из некоторого общего принципа, оспаривает представитель французской школы Ж.-Ф.Браунштейн. Он пишет, что хотя биоэтика оформилась как дисциплина в США, однако «во Франции существует собственная традиция философского осмысления медицины. Термин «медицинская философия» впервые был употреблен в 1799 году, когда известный гигиенист Туре добивался создания одноименной кафедры, что, конечно, весьма характерно для умонастроений эпохи¹⁰⁴». Браунштейн полагает, что европейская традиция осмысления этических проблем медицины в принципе иная, чем американская биоэтика, поэтому разговор о смене этапов неуместен. В Европе акцент делается именно на философии, тогда как в Америке речь идет о создании новой идеологии: «Как образчик «медицинской идеологии» можно рассматривать биоэтику. Ее установки противоположны положениям французской школы философии медицины. Так, она утверждает некие абсолютные пределы биологических исследований от имени внешних по отношению к науке моральных

¹⁰³ Bioethik in den USA: Methoden. Themen. Positionen. B/N. Y., 1988. S. 1–2.

¹⁰⁴ Этика в меняющемся мире: Реф. сб. ИНИОН. М., 1992. С. 76.

или религиозных императивов. Но еще Г.Башляр отмечал, что всякая абсолютная граница, устанавливаемая для науки, есть признак неправильно поставленной проблемы»¹⁰⁵.

Европейское биоэтическое движение действительно развивается в несколько ином направлении, чем американское, и пока никаких признаков к сближению не обнаруживает. Так что, вероятно, прав Ж.-Б.Браунштейн, и различие американской и европейской биоэтики — это различие не стадий, а путей.

Своеобразие европейского и американского подходов к решению проблем биоэтики является, кроме того, отражением различных систем права, действующих «по разные стороны Атлантического океана» (Т.Пинкард). Американское «общее право», в соответствии с которым ведется разбор спорных случаев биоэтического характера, существенно отличается от правовых систем континентальной Европы. Американское право — прецедентное и в нем многое зависит от того, как конкретный судья интерпретирует позиции и доводы сторон. А поскольку каждый прецедент на веки вечные заносится в анналы юридической литературы, то можно сказать, что прецедентное право и создается судьей. Это отличает американскую систему правосудия от европейской, в рамках которой судья является только глашатаем строго фиксированных законов. Целью европейского права является сведение роли судьи, его влияния на исход процесса к минимуму. И, хотя реально это практически никогда не удается сделать, очевидно, что задачи американского и европейского правосудия противоположны.

Анализируя причины столь радикального различия юридических систем и базирующихся на них способов разрешения этических коллизий, Т.Пинкард обращается к истории возникновения прецедентного права. Он пишет, что система «общего права» восходит к временам Вильгельма Завоевателя, который, дабы обеспечить целостность захваченной

¹⁰⁵ Этика в меняющемся мире. С. 78.

территории, попытался создать общий для всех закон (отсюда и название — «общее право»), насадив с этой целью суды по всей Англии. Однако, в условиях нехватки писаных кодексов, судьи были вынуждены при вынесении приговора руководствоваться здравым смыслом и со временем создали правовую систему, основанную на оценке каждого конкретного случая. Причем, судья обязан был учитывать решения других судей, вынесенные в аналогичных ситуациях. Главная идея общего права состояла в том, что если все время следовать здравому смыслу и соблюдать принцип прецедентности, то со временем будет выработан блок законов, годящихся на все случаи жизни.

Такая исходная установка объясняет, почему американская биоэтика так активно работает над сбором и анализом конкретных случаев, словно пытается получить некий общий принцип из множества частных решений. Это создает впечатление будто биоэтика, претендующая на роль новой философии, работает на несвойственном ей уровне, исследуя частности вместо того, чтобы найти общее решение проблемы. Но то, что с точки зрения классической философии является методологической ошибкой (ибо давно известно, что философские принципы нельзя получить опытным путем), есть преднамеренный шаг американских исследователей, убежденных, что традиционное философствование не позволяет достаточно быстро реагировать на изменение реальности, что, будучи склонной к универсализму по самой своей природе, философия не способна обеспечить нравственный консенсус.

Юмор данной ситуации заключается в том, что, несмотря на оптимизм Э.Д. Пеллегрини по поводу американского пути развития биоэтики, судьбу ее довольно легко предсказать. Достаточно вспомнить, что за века, прошедшие со времен Вильгельма Завоевателя, программа создания прецедентного права так и не была выполнена. Жизнь изобретает проблемы быстрее и в большем количестве, чем способно переварить «общее право». Но не следует забывать, что и попытки построить новую целостную систему этики, выве-

для ее из «природы» человека (в биологическом смысле этого слова) или из живой природы вообще (А. Швейцер) также не увенчались успехом. Тем не менее ясно, что старые системы ценностей в современном мире работают все с большим напряжением, поскольку, по выражению австрийского философа Ф. Вукетитса, авторы Ветхого Завета, составляющего основу западных систем морали, «сформулировали заповеди, которые явились лишь выражением их ограниченного горизонта и отразили мораль малых групп доисторического человека»¹⁰⁶.

В условиях стремительного приращения знания в области естествознания и развития биотехнологий, несоответствие ветхозаветных представлений о морали реалиям современной жизни становится все более ощутимым. Уже первые евгенисты говорили о необходимости пересмотра старой системы ценностей, строившейся на представлении об абсолютной ценности всякой человеческой жизни, независимо от ее качества. Само употребление понятия «качества» применительно к человеку звучало кощунственно, ибо в основе христианской морали лежит равенство всех перед Богом. Однако в ситуациях, о которых так любит рассуждать биоэтика, врачам и специалистам других областей постоянно приходится делать выбор *между* человеческими жизнями, и никакие из действующих систем морали и права не могут оказать им помощь. Между тем, брать на себя ответственность (в том числе и уголовную) указанные специалисты не обязаны и, зачастую, не имеют желания. Это показывает, что пренебрежение, выказываемое некоторыми исследователями (с изрядной долей высокомерия) в адрес американской биоэтики не вполне оправдано. Идеология она или нет, но претензия на универсализм является сегодня анахронизмом, о чем свидетельствует отсутствие глобальных систем, подобных аристотелевской или гегелевской, в современной философии.

¹⁰⁶ Wuketits F.M. Op. cit. S. 238.

Ю.Хабермас говорит, что «подобно тому, как великие религии изображали путь своих основателей как путь спасения, метафизика также предлагала свои модели жизни: одни, разумеется, — для немногих, другие — для большинства. Учения о благой жизни и справедливом обществе, этике и политике отличала цельность. Но по мере ускорения темпов социальных изменений период заката этих моделей нравственной жизни становился все короче, независимо от того, ориентировались ли они на греческий полис, на сословия средневековой *societas civilis* (гражданское общество), на все-сторонне развитого индивида городов эпохи Ренессанса или, как у Гегеля, на структуры семьи, буржуазного общества и конституционной монархии. Политический либерализм Джона Роулза фиксирует конец этого развития. Он реагирует на плюрализм мировоззренческий и на прогрессирующую индивидуализацию стиля жизни. И, как следствие, он вытаскивает из пропасти философские попытки выделить какой-то определенный образ жизни в качестве образцового и обладающего всеобщей значимостью. «Справедливое общество» предоставляет всем лицам «распоряжаться временем своей жизни» так, как они хотят. Оно гарантирует каждому равную свободу развивать этическое самопонимание для того, чтобы в соответствии с собственными возможностями и благими намерениями осуществить в действительности персональную концепцию «благой жизни»¹⁰⁷.

Ставить задачу построения новой единой системы ценностей, которая бы отвечала практическим потребностям современного этапа развития цивилизации, по меньшей мере самонадеянно. Ни религия, ни философия таким потенциалом не обладают, о чем свидетельствует провал экуменистического движения с одной стороны, и множественность философских систем — с другой. О том же говорит и численный рост сторонников антиглобализма, ибо, по мнению все большего количества людей, «в демократическом консти-

¹⁰⁷ *Хабермас Ю.* Указ. соч. С. 12.

туционном государстве большинство не в праве предписывать меньшинствам собственную форму культурной жизни (поскольку та отличается от общей политической культуры страны) в виде так называемой «ведущей культуры»¹⁰⁸ (Ю.Хабермас), и это же относится к миру в целом.

Таким образом, признавая неспособность традиционной морали соответствовать требованиям сегодняшнего времени, мы оказываемся в той же ситуации, в какой пребывала евгеника на заре своего существования, с той лишь разницей, что сегодня мы уже не тешим себя наивной надеждой, что теория Дарвина поможет нам построить естественную систему нравственных принципов. Столетие, прошедшее с момента создания первых программ расовой гигиены, немало не продвинуло нас по пути нравственного поиска. Вопрос о ценности человеческой жизни решается в индивидуалистическом ключе, что ставит под угрозу само существование евгенической задачи, как ее понимали современники Гальтона. Нынешняя евгеника все реже говорит о необходимости оздоровления человеческой породы, поскольку само понятие здоровья утратило абсолютное значение и все в большей мере становится значением статистическим. Современная евгеника — это евгеника либеральная, ориентированная не на абстрактные интересы расы или государства, а на представление отдельных граждан о том, каким они хотят видеть своего ребенка. Таким образом мы обходим максималистскую постановку вопроса традиционной критики евгеники, основывавшейся на том, что для осуществления евгенического проекта необходимо сначала прояснить точное значение понятие «человек» и только потом строить некий абстрактный идеал.

Развитие знания невозможно остановить. Этические преграды никогда не были абсолютно непроницаемыми для науки, и биоэтика представляется одним из методов обхождения таких преград. Ж.-Ф. Браунштейн был не совсем прав,

¹⁰⁸ *Хабермас Ю. Указ. соч. С. 13.*

утверждая, что биоэтика — это не этика в философском понимании, а идеология, хотя мысль, которую он пытается выразить такой оценкой, в общем понятна. Биоэтика — это, конечно же, этика, но этика нового типа, отличная от своих универсалистских предшественников. Она не претендует на статус теории морали, но ориентируется на решение практических вопросов. Из-за этого она лишается части традиционного этического содержания. Биоэтика не отказывается от нормативных высказываний вообще, но, как пишет Ю.Хабермас, ограничивается при этом вопросами справедливости. «Особое усердие она выказывает в попытках выяснить моральную точку зрения, с позиции которой мы выносим суждение о нормах и действиях всякий раз, когда речь идет об утверждении того, что в одинаковой мере интересно каждому и в равной степени хорошо для всех. На первый взгляд кажется, что теория морали и этика руководствуются одним и тем же вопросом: «Что должен делать я, что должны делать мы?» Однако «должен» приобретает совершенно иной смысл, когда мы, более не исходя из инклюзивной мы-перспективы, перестаем задаваться вопросом о правах и обязанностях, предписываемых всем в равной степени, но с позиций перспективы первого лица заботимся о нашей собственной жизни, спрашивая о том, какая деятельность будет наилучшей «для меня», или, забегаая вперед и рассматривая все в целом, — «для нас»¹⁰⁹. Оправданием для такого ограничения притязаний, по мнению Ю.Хабермаса, служит тот факт, что традиционная этика все равно не дает ответов на главные вопросы. Поэтому «теории справедливости и морали идут сегодня своими собственными путями, всегда отличными от «этики» в ее классическом смысле как учения о правильной жизни. С моральной точки зрения мы воздерживаемся от того, чтобы абстрагироваться от экземплярных образов удавшейся или неудавшейся жизни, которые сохранились в великих повествованиях метафизики и религии. От

¹⁰⁹ *Хабермас Ю. Указ. соч. С. 13.*

субстанции этих традиций может так или иначе подпитываться наше экзистенциальное понимание, но в саму борьбу между этими основанными на вере силами философия уже не имеет права вмешиваться»¹¹⁰.

Сознательно ограничиваясь сферой справедливости, «практическая этика» фактически отказывается от исчерпывающего описания этической реальности. Правомерность такого самоограничения, однако, представляется сомнительной даже с учетом узкой специализации биоэтики. Порочна уже сама мысль о «специальном» предназначении этической системы, ибо предполагает, что такая система может работать в одном случае и не работать в другом. Или, рассматривая проблему под личностным углом зрения, что индивиду для полноценной жизни потребуется несколько различных систем ценностей, которые он может использовать по мере необходимости. Из этой перспективы становится понятным действительное назначение «практических» этик: они есть не что иное, как паллиативы, изобретаемые человечеством ради примирения с собственной совестью применительно к случаю, когда человек не в состоянии соответствовать жестким требованиям нормативной морали.

Однако, по свидетельству истории, так было всегда, не случайно основной проблемой традиционной этики считается вопрос о соотношении сущего и должного. В интерпретации Ю.Хабермаса, анализирующего философию С.Кьеркегора, вопрос стоит так: «Если мораль может *единственно* своими благими основаниями подвинуть волю познающего субъекта к действию, то невозможно объяснить плачевное состояние — состояние христиански просвещенного и самого по себе морально добродетельного, но в то же время глубоко порочного общества, на которое постоянно указывает Кьеркегор как критик своей эпохи: «Да будем же смеяться и плакать при виде того, что столько знания и понимания остается без всякого воздействия на жизнь людей...» Загустевшее до степени нормаль-

¹¹⁰ *Хабермас Ю.* Указ. соч. С. 13-14.

ности вытеснение или циничное признание несправедливого состояния мира говорит не о дефиците *знания*, но об ущербности *воли*. ...Поэтому Кьеркегор говорит не о вине, а о грехе»¹¹¹.

Несовпадение сущего и должного — основа всякого этического строительства. Если бы не существовало этого «зазора», то не было бы нужды в заповедях, нормах, системах ценностей и проч. «Жизнь во грехе» — нормальное состояние для человечества, и за прошедшие тысячелетия им было разработано множество искупительных механизмов. Что же произошло в мире за последние несколько десятилетий, в силу чего эти механизмы перестали выполнять свою работу, и потребовалось изобретать усеченные варианты этик для оправдания человеческой деятельности в специальных областях.

Чтобы понять, почему именно на современном этапе цивилизационного процесса возникает дивергенция ценностных установок (кто-то предпочтет сказать — вседозволенность), следует подняться над уровнем узко специального интереса, фиксированного на проблеме этического урегулирования отношений «врач — пациент» или нравственной оценки последствий генно-инженерных разработок, и рассмотреть это явление в контексте общей трансформации духовного самосознания человечества.

По мнению современного австрийского исследователя Ф. Вукетитса, все этические проблемы современного человечества проистекают из попыток распространить сформировавшуюся в ходе эволюции человека мораль малых групп на все общество в целом. «Принципиальный конфликт между моралью малых групп и регулятивными механизмами, базирующимися на абстрактных принципах, не мог быть преодолен за короткое время, прошедшее с момента возникновения высокой культуры. Он даже обострился с возрастанием сложности крупных сообществ»¹¹². Другими словами, современный человек, стремясь включить в свое сердце всех

¹¹¹ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 18.

¹¹² Wuketits F. M. Op. cit. S. 220.

соплеменников, пытается объять необъятное. Этого требуют от него нормы христианской морали и гуманистической морали вообще, утверждающие, что все люди равны (перед Богом) и каждый в равной мере достоин жизни и счастья. Легко заметить, что напряжение между моралью малых групп (субъектами и объектами которой являются только члены узкого сообщества, совместно с которыми индивид проходит групповой эволюционный отбор) и необходимостью жить в больших городах, быть гражданином государства, европейцем, представителем человечества и т.д. становится взрывоопасным в условиях «глобализованного» мира, когда требование «любить ближнего» приходится распространять и на таких особей, которым глубоко безразличны (а, возможно, и противны) твои гуманистические идеалы. Простейшим выходом из данной ситуации является релятивизация моральных установок, которая, помимо признания равноправия всех этических систем, имеет еще и то преимущество, что позволяет каждому отдельному индивиду жить в мире с собой. К этому выходу прибегает, в частности, биоэтика, которая открыто заявляет, что ее целью является установление консенсуса, а не создание новых нравственных универсалий.

Существование такого явления, как биоэтика, стало возможным благодаря глобальному изменению общего культурного пейзажа, в который биоэтика вписалась как стандартный элемент. Я имею в виду постмодернистскую деконструкцию культуры. Известный французский медиевист Ф.Арьес в книге «Человек перед лицом смерти» писал, что изменения в менталитете невозможно заметить в тот момент, когда они происходят, значимость их можно оценить только по прошествии времени. Тема постмодернизма приобрела популярность в последние десятилетия, но само движение в сторону постмодернизма началось гораздо раньше, а в послевоенный период стало уже вполне определенным. Разумеется, конкретные науки в наименьшей степени оказались затронутыми постмодернистской реконструкцией культуры, но их этическая составляющая претерпела заметные изме-

нения. Произошла деконструкция догматических систем, которые прежде формировали мировоззрение и составляли основу наших представлений о том, что такое человек, каково его место во вселенной, какими *должны быть* цели человечества и к каким средствам допустимо прибегать при достижении этих целей. Это привело к тому, что само деление на добро и зло утратило свое абсолютное значение. Релятивизм достиг самых основ человеческого самоопределения, и сегодня, если мы желаем получить некий абсолютный ориентир (каковым, например, в христианстве является Бог, а в евгенике — интересы расы), то нам приходится выбирать его из большого числа имеющихся в общечеловеческой копилке идеалов. Причем выбор этот оказывается до известной степени произвольным.

О.Б.Вайнштейн описывает, как создавшаяся ситуация отразилась на манере изложения теоретических концепций: «Если раньше в процессе развертывания знаковой цепочки можно было с уверенностью ожидать, что рано или поздно появится финальный, все объясняющий концепт, то теперь уже не так просто сослаться на какую-либо центрирующую мифологему. Было принято говорить: пусть данное явление значит то-то и то-то, а в итоге оказывается, что за этим скрывается имя Бога, Бытие или Смысл жизни, Природа, Истина, в зависимости от ценностного контекста — всегда отыскивается таинственный сакральный центр, генерирующий вокруг себя вращение интеллектуальной энергии. Сейчас, когда философское доверие к подобным центрирующим мифологемам утрачено, потребовался совершенно иной тип организации научного сознания, который оперирует не отдельными смыслоложившими единицами, а отношениями, пучками различий¹¹³». Другими словами, «практики постмодернизма» *сознательно* принимают этический релятивизм на вооружение.

¹¹³ Постмодернизм и культура (материалы «круглого стола») // *Вопр. философии*. 1993. № 3. С. 6.

Релятивизм, однако, не предполагает широкого спектра этических систем. В действительности набор возможностей весьма ограничен и, если говорить о западном культурном регионе, сводится к двум базовым возможностям: христианской этике с Богом в качестве «центрирующей мифологемы», и гуманизму, в котором роль такой мифологемы исполняет «сущность человека», значение которой евгенисты пытались вывести из процесса биологической эволюции. Никаких других вариантов реконструированная в духе постмодерна этика не в состоянии предложить. Неизбежность такой развязки заложена в исходной установке постмодернизма, согласно которой ничего нового и не может быть создано, поскольку история человечества уже завершена и нам остается только рекомбинация уже имеющихся оснований.

Признавая практическую полезность биоэтического подхода к решению определенного круга задач, нельзя не заметить, что этика в усеченном варианте не в состоянии справиться со многими проблемами, порождаемыми стремительным развитием биотехнологий. До тех пор, пока мы не покидаем область конкретных решений по частным вопросам, мы можем руководствоваться личностной перспективой, но она не работает в сфере определения общего направления развития генной инженерии и границ допустимого вмешательства в человеческий генофонд. Соображения справедливости не работают и в таком классическом для биоэтики случае, когда возникает конфликт интересов представителей разных культур, ибо само понятие «справедливости» будет у них различным. В действительности прецедентный подход только создаст видимость разрешения коллизий в этической области, но реально способен решить не больше проблем, чем традиционная нормативная этика, поскольку разные люди в силу различного воспитания и образования получают «экзистенциальную подпитку» от *разных* метафизических и религиозных систем. Таким образом, практическая этика, что бы ни понималось под этим словом, не снимает противоречий между различными системами ценностей, но только фиксирует их перенос на другой уровень.

Необходимость этического контроля за генетическими разработками попадает, таким образом, в замкнутый круг, поскольку требует от участников обсуждения установления консенсуса по вопросам смысложизненного содержания, что представляется практически не осуществимым.

Проект «Геном человека»: современная евгеника или генетика человека?

В основе программы «Геном человека», финансирование и разработка которой началась в 1989-90 гг., лежит представление о генофонде, сформировавшееся в 60-х годах в результате «прорыва» в генетических исследованиях. «Генофонд» (genpool) — это совокупность всех реально существующих геномов, носителями которых являются реально существующие люди. Это понятие включает в себя несколько представлений, каждое из которых выступает носителем какого-либо из евгенических мотивов. Во-первых, представление об информационном дубликате человечества, дающее возможность (по крайней мере теоретически) воспроизводить точные генетические копии отдельных людей. Во-вторых, это представление о дискретности генетической информации, на котором основывается (теоретическая) возможность создавать совершенно новых индивидов путем рекомбинации генов. И, в-третьих, представление о том, что генофонд является *общей собственностью*, поэтому допустимо общественное (или государственное) управление этим «капиталом» ради наибольшей выгоды человечества в целом.

Генофонд является тем реальным субстратом, на который всегда были направлены евгенические усилия и который придает завершенность евгеническим проектам. До введения этого понятия евгеника повисала в воздухе, будучи не в состоянии объяснить, на чем основано интуитивное убеждение в том, что, воздействуя на отдельных людей, можно усовершенствовать человечество в целом. Представление о

генофонде как некоем реально существующем целом, наподобие биосферы, проявляет истинные мотивы евгенического вмешательства, ранее присутствовавшие в евгенических теориях в виде скрытого знания.

Американский фантаст Ф.К.Дик в одном из своих футуристических романов забавным образом обыгрывает неоднозначность английского слова *genpool* («генофонд»), представляя его в виде гигантского вместилища («*pool*»), в которое представители различных семейств человечества в буквальном смысле «сливают» свои оплодотворенные яйцеклетки. Количество генетического материала, поступающего в общественный «генофонд» строго пропорционально количеству баллов, заработанных семейством в межклановых соревнованиях. Это общественное хранилище является источником генетического материала для искусственного оплодотворения всех женщин Земли, которым пришло время произвести ребенка. Таким представляется Ф.Дику простейший евгенический механизм, обеспечивающий «эволюционный» успех наиболее преуспевающим семействам (чем больше яйцеклеток семейства попадает в генофонд, тем выше вероятность того, что именно его генетический материал будет реализован в потомстве).

Успехи генетики к 60-м гг. XX века, и прежде всего раскрытие структуры ДНК Д.Д.Уотсоном и Ф.Криком, были столь значительны, что спровоцировали новый всплеск евгенического мифотворчества. Одним из следствий этого процесса стало то, что геновая инженерия, явившаяся миру как последнее достижение передовой науки, аккумулировала внутри себя старые евгенические представления, заблуждения и намерения. Показательным (и характерным) для духа того времени было само употребление слова «инженерия» применительно к евгеническим задачам. В этом нашло отражение новое отношение к человеку, как к чему-то, что можно конструировать, подобно техническим устройствам, которые тоже состоят из деталей, как человеческая индивидуальность — из генетической информации. При этом про-

рыв в области генетики был настолько существенным, что на его фоне заявка генной инженерии не выглядела утопичной, разве что несколько опережающей время. И эта ситуация в точности воспроизводила те настроения, которые охватили научное и околонаучное сообщество в 60-х гг. XIX века., когда Ч. Дарвин обнародовал свою эволюционную теорию.

Немецкий философ П. Вайнгарт, разбирая обстоятельства рождения генной инженерии, писал, что всякому великому прорыву в познании, благодаря которому открываются новые сферы деятельности или новые возможности преобразовать старые сферы, всегда сопутствуют политическая наивность и технократическая заносчивость. Успехи генетики тоже стали объектом совершенно неоправданных надежд и поводом для раздачи преждевременных обещаний, о чем свидетельствует, в частности, знаменитый симпозиум «Человек и его будущее», прошедший в Лондоне в 1962 году. Генетики использовали трибуну этого симпозиума для того, чтобы обнародовать свои «дикие мысли» по поводу перспектив генной инженерии. Эти мысли оказались настолько «дикими», что в последствии было предпринято несколько попыток представить их как своеобразную шутку профессионалов, неправильно понятую профанами. Однако, замечает П. Вайнгарт, «сам ход дискуссии и то обстоятельство, что научная и популярная пресса всего лишь обнародовала то, что было сформулировано на симпозиуме, не позволяет сделать вывод о том, что речь шла о сатирическом изображении или что симпозиум был одним из тех сборищ, где рассуждают о «будущем человечества»»¹¹⁴. Кроме того, там собралась элита генетики, эволюционной биологии, биохимии и медицины, в том числе — пятеро Нобелевских лауреатов (среди них — Герман Дж. Мюллер и Фрэнсис Крик) и два величайших государственных деятеля от науки — Дж. Хаксли и Дж. Б. С. Холдейн. И эта элита самым недвусмысленным образом выразила свое отношение к евгенической табели о ран-

¹¹⁴ Weingart P., Kroll J., Bayertz K. Op. cit. S. 646.

гах, определив свое место в ней: обращаясь к участникам симпозиума Дж.Холдейн заявил, что генетическая элита – это, «грубо говоря, такие личности, как мы».

Дискуссия, развернувшаяся на 4-м международном симпозиуме генетиков, явилась отражением настроений, царивших в среде биологов, которые, казалось, сами сильнее других были поражены достижениями своей науки. При этом, как замечает П.Вайнгард, в основе новых проектов, техническая реализация которых оставалась делом будущего (вроде рекомбинации ДНК), лежало старое евгеническое наследство вперемежку с новыми приобретениями, и в евгенике уже обозначился переход от старых *социальных* практик к новым генетическим. «Больше всего поражает параллелизм новых технократических установок и «старых» евгенических, а также практически лишенные исторической рефлексии предложения по реализации евгенических мероприятий»¹¹⁵.

Непредвзятая оценка событий, происходивших в генетике, делает очевидным, что научное сообщество вторично поддалось соблазну взять управление человеческой эволюцией в собственные руки (Хаксли говорил о новой фазе «сознательной эволюции»). Как и в 20-х годах XX века, исходным пунктом рассуждений в духе евгеники было представление о вырождении человечества. Правда, на сей раз акцент делался не столько на ухудшении «физической конституции», сколько на несоответствии интеллектуальных способностей человека задачам нового времени. Хаксли говорил о необходимости проводить отбор по признаку «эффективности действий», поскольку социальная организация общества становится все более сложной, а значит для управления им требуется все больше людей, способных быстро оценивать ситуацию и принимать грамотные решения.

Другой именитый участник симпозиума, Ф.Крик, в соавторстве с Дж.Ледербергом сделал заявку на «квазинаучное открытие», суть которого заключалась в том, что посредством

¹¹⁵ Weingart P., Kroll J., Bayertz K. Op. cit. S. 647.

сложной системы управления размножением, основанной на генетической информации, можно предотвращать потомство от нежелательных производителей. П. Вайнгарт ехидно комментирует это заявление: «Вероятно, Ф. Крик ничего не слышал о бесконечных дискуссиях 20-х годов, которые велись вокруг постоянного уточнения отдельных пунктов евгенических реформ»¹¹⁶. Если уж говорить о том новом, что добавила дискуссия 1962 г. к старым евгеническим идеям, продолжает П. Вайнгарт, так это, пожалуй, только предложение Пинкуса добавлять химические противозачаточные средства в пищу населения, а антидот давать только «желательным производителям потомства».

Уверенность Ф. Крика в том, что его предложение регуляции численности и качества населения является открытием, свидетельствует о том, что многие современники «великого прорыва» в генетике даже не осознавали, насколько они связаны (если не сказать скованы) со старыми евгеническими утопиями. Единственным объяснением этого факта может быть только то, что евгеническая традиция была прервана насильственным путем, не завершив своего развития, и многие ее проблемы перекочевали из 20-х годов в 60-ые практически в неизменном виде. Новое техническое оснащение генетики открывало пути к практической реализации евгенических замыслов, но оно не могло ничего сказать о том, как проводить разделение людей на пригодных и непригодных для производства потомства. Социальный приговор сохранил оттенок произвольности, понятие нормы оставалось размытым, что было особенно заметным при оценке психических качеств человека. На эти и многие другие моменты указывали те участники симпозиума, которые без энтузиазма отнеслись к новым евгеническим проектам, но, к сожалению, все они, за исключением А. Медавара, оказались негенетиками. Точнее всего ситуацию в генетике отразил экономист С. Дж. Кларк, заметивший, что, «судя по

¹¹⁶ Weingart P., Kroll J., Bayertz K. Op. cit. S. 648.

всему, мы начинаем второй круг развития евгенической доктрины, поддерживаемый несколькими блестящими, но заблуждающимися учеными, который, как я опасаясь, привлечет определенное количество мошенников»¹¹⁷.

Революция в молекулярной биологии придала основательности старой евгенической утопии о возможности управления наследственностью человека. То, на что современникам Гальтона потребовались бы века (при условии, что население согласилось бы добровольно содействовать осуществлению евгенических программ), современная наука обещала сделать в течение жизни одного поколения, воздействуя непосредственно на генотип. Иллюзия могущества, которая проистекала из такого видения задачи, не могла не вызвать беспокойства у общественности и той части ученых, которые не были ослеплены блестящими перспективами новой евгенической утопии. Опасения по поводу злоупотребления возможностями генетики представлены двумя группами «страхов» — опасениями чисто биологического характера, связанными с последствиями уменьшения генетического разнообразия, и «социальным» страхом — оказаться жертвой государственного произвола.

Проблема уменьшения биоразнообразия в результате элиминации из генофонда нежелательных генов в полной мере проявила себя при дискутировании вопроса о целесообразности перевода сельского хозяйства на разведение монокультур. Эта идея возникла в связи с нехваткой продовольствия, вызванной демографическим взрывом и уменьшением посевных площадей в результате расширения городов и развития промышленности. В этой ситуации возникло естественное желание разводить только высокопроизводительные культуры, чтобы получать большие урожаи на меньшей площади. Были предприняты некоторые шаги в этом направлении, приведшие к плачевным результатам. Так, например, оказалось, что монокультуры менее устойчивы к специфичес-

¹¹⁷ Weingart P., Kroll J., Bayertz K. Op. cit. S. 649.

ким заболеваниям, которые, к тому же, если поражают растение, то уничтожают весь урожай, тогда как отличные по генетическому профилю сорта, пусть и менее урожайные, могут обладать устойчивостью по отношению к данной конкретной напасти. Другими словами, гетерогенная система обладает большим запасом прочности. Биоразнообразие является своеобразной гарантией от того, что в какой-то момент человечество останется вообще без урожая, например, кукурузы, как это случилось в Америке в 70-е годы.

Похожим образом рассуждали критики евгенического проекта очищения генофонда человечества от ненужных генов. Они указывали на то, что подгоняя всех людей под единый стандарт красоты и силы, мы рискуем обеднить генофонд и лишаем себя возможности противостоять еще не известным обстоятельствам будущего существования. Мы не знаем, говорили они, какие качества потребуются человеку в будущем. Причем для восстановления жизнеспособности монокультурных растений может быть использована дикая флора как источник свежего генетического материала. Но у человечества Земли нет такого резервного фонда, разве что приспособить для этой цели «банки генов» или «контрольную группу» людей, но это уже из области фантастики. Кроме того, трудно представить, что удастся осуществить генетическую «подпитку» в масштабах всего человечества. Таким образом, евгенические изменения человеческого рода окажутся необратимыми, и прямым следствием уменьшения генетического разнообразия будет угроза гибели всего населения земного шара.

Изъятие из общего генофонда генов, ответственных за различные врожденные патологии, нежелательна еще и потому, что большинство признаков кодируется не одним, а несколькими генами. Кроме того, известно такое явление, как сцепленное наследование, наиболее ярким примером которого является серповидноклеточная анемия — врожденный порок красных кровяных телец, носители которого обладают устойчивостью к малярии. Благодаря этой устойчи-

вости больные данным видом анемии получают больше шансов дожить до репродуктивного возраста, чем абсолютно здоровые аборигены, обитающие в местности, где малярия широко распространена.

Аналогичные опасения — потерять вместе с патологическим генным комплексом и некоторое полезное свойство, — связаны с наследованием талантов. Широко известен факт, что многие выдающиеся деятели страдали эпилепсией. Не менее хорошо известно, что среди знаменитых писателей и художников шизофрения встречается чаще, чем в среднем в популяции. До тех пор, пока не будет досконально изучен механизм передачи сложных психических признаков, будет сохраняться опасность, что, очищая генофонд от нежелательных признаков, мы выплеснем из корыта с грязной водой и ребенка.

Социальная группа страхов, связанная с нежеланием граждан передать часть своих исконных свобод в распоряжение государства, более традиционна для евгеники. Уже на первом витке евгенического движения эта проблема досконально рассматривалась, и события, произошедшие в нацистской Германии, показали, что эти опасения не лишены основания. Однако начавшееся в 60-х годах «скринирование» (составление своеобразного генетического паспорта отдельных граждан) придало этим опасениям особую зримость и предметность. По замыслу разработчиков, целью этой рутинной процедуры должно было стать получение полной информации о здоровье населения. Составлялись своеобразные генетические паспорта, содержавшие информацию не только о тех недугах, которые успели проявиться в фенотипе, но и о потенциальных заболеваниях, с указанием процента вероятности того, что негативный прогноз реализуется. Эта рутинная процедура может быть отнесена к разряду евгенических практик, поскольку в перспективе была рассчитана на полную паспортизацию населения, и велась с благородной целью предотвращать рождение детей с генетическими пороками посредством добрых консультаций. Эта функ-

ция скринирования являлась по сути дела реализацией одного из пунктов Английской программы расовой гигиены, который говорил о необходимости разъяснения молодежи вредных последствий выбора «неинтеллигентного и нездорового» супруга. Критики программы скринирования указывали на то, что действительным назначением генетических консультаций является влияние на репродуктивное поведение населения. Кроме того, большую проблему представлял также вопрос о том, кому должна принадлежать информация, полученная методом скринирования: государству или индивиду. Если государству, то это влечет за собой ограничение многих демократических свобод, в частности, при приеме на работу (работодатель не заинтересован в найме человека, имеющего проблемы со здоровьем) или при заключении договора страхования жизни (страховой агент может отказаться заключать такой договор с человеком, у которого высока вероятность заболеть смертельной болезнью). Если же информация, содержащаяся в генетическом паспорте, является собственностью гражданина и охраняется как тайна личности, то в ней нет никакого смысла и деньги, потраченные на ее получение, пропали зря, поскольку государство теряет возможность влиять на поведение граждан.

В процессе скринирования было выявлено несколько интересных закономерностей, ставших предметом дебатов евгенического характера. Наибольший резонанс вызвало открытие так называемых «криминальных» хромосом — специфического вида полиплоидии, результатом которой является большая вероятность развития криминальных наклонностей, чем у людей с обычным набором хромосом. В ходе обсуждения возможностей контроля, открывавшихся в связи с этим знанием, выявилось несколько негативных аспектов, таившихся в благородной с медицинской точки зрения идее полной генетической паспортизации населения. В частности, встал вопрос о допустимости превентивного контроля за развитием людей, которые еще не совершили ника-

ких правонарушений, и не станет ли причиной развития антисоциального поведения сам протест против необоснованного насилия со стороны общества.

Этот и другие вопросы, связанные с применением достижений генетики и развитием медицины, стали предметом рассмотрения биоэтики, которая в некотором смысле была создана специально для разрешения конфликтов, выходящих на социальный уровень, за пределы узкопрофессиональной компетенции.

Одновременно среди генетиков и медиков все четче оформлялось желание отмежеваться от необходимости решать несвойственные естественным наукам этические и социальные проблемы. Символичной в этом плане выглядит речь выдающегося ученого, автора многочисленных работ по генетике Т.Добжанского на 11-м Международном конгрессе генетиков, в которой он заявил, что биологи должны наконец смиренно признать, что вопросы переноса в практику достижений генетики — скорее социальной, нежели биологической природы, и всякий генетик, рассматривающий человеческий род как один из видов животных, дискредитирует человечество.

Этические последствия генетического вмешательства рассматривал и А.Мотульский в своем выступлении на IV Международном конгрессе по врожденным патологиям, состоявшемся в 1973 году в Вене. П.Вайнгант оценивает это выступление как попытку программного размежевания генетики человека как науки от этических оснований практического использования достижений в этой области. Речь А.Мотульского была опубликована под красноречивым заголовком «Brave New World»¹¹⁸. В ней автор подробно анализирует возможные социальные последствия от примене-

¹¹⁸ Обыгрывается название романа Олдоса Хаксли (в русском варианте — «О, дивный новый мир»), вышедшего в 1932 г., который в сатирическом ключе изображает общество, евгеническим путем производящее людей с узкой профессиональной ориентацией.

ния всех известных генно-инженерных технологий. Собственную позицию А. Мотульский определяет как «демократическую генетику человека», в противовес авторитарной евгенике. Автор считает, что во всех случаях, когда сталкиваются интересы индивида и общества, приоритет должен отдаваться интересам индивида. Это решение в духе политического либерализма Роулза, стало знаковым для всего последующего этапа биогенетических разработок.

Намерения, выраженные в речах Т. Добжанского и А. Мотульского, понятны и благородны. Этическая составляющая генетических (или евгенических) разработок действительно выходит за рамки профессиональной сферы биолога. Это означает, в частности, что участники уже упомянутого симпозиума 1962 года, рассуждая о возможном практическом использовании достижений генетики, выступали как дилетанты и их прогнозы на будущее были дилетантскими. Хуже того, они не выходили за рамки тривиальности. Однако этим же пороком (тривиальность) отмечены и предостережения Т. Добжанского: в точности то же самое, что и он, говорил Н. К. Кольцов в 20-х годах XX века, наставлявший на строгом разведении собственно научной задачи (разработка методов селекции человеческого материала) и этической задачи выбора направления селекции.

Говорят, что история повторяется дважды — один раз как трагедия и другой раз — как фарс. Трагичность первого явления евгеники в мир заключалась, видимо, в том, что ее страшные уроки и бесценный опыт, за который было заплачено человеческими жизнями, не оставили следа в памяти научного сообщества. Возможно, культурный шок, вызванный акциями массового уничтожения малоценных в генетическом отношении людей, практиковавшимися в фашистской Германии оказался *слишком* силен и вызвал амнезию. Только этим можно объяснить «квазинаучное открытие» Дж. Хаксли, а также тот факт, что «программное» заявление А. Мотульского было воспринято как начало новой эры в генетике.

Фарс вторичного явления евгеники в мир выразился в том, с каким тщанием блестящие ученые «новой генерации» продублировали логику евгенических рассуждений своих предшественников, от связи с которыми они публично отреклись. «Современные евгеники, — пишет П. Вайнгарт, — содействовали политизации своей дисциплины (примерно с 60-х гг.) на основе той же ошибки, в совершении которой они обвиняли старых евгеников. Они снова обещали больше, чем позволяло их знание, и снова это предполагало взятие на себя ответственности за улучшение человечества, на сей раз путем прямого вмешательства в процесс наследования, то есть брались управлять человеческой эволюцией на основе рационального знания»¹¹⁹.

Приведенному высказыванию П. Вайнгарта — двадцать лет. Сегодня мы являемся свидетелями третьего явления евгеники, и пока не вполне ясно, станет ли оно «диалектическим» снятием отрицания двух предыдущих попыток. Нынешнее оживление интереса к евгенической проблематике связано с проектом «Геном человека», выросшим из идеи тотального секвенирования (описания последовательности) нуклеотидов ДНК человека. С технической точки зрения осуществление этого проекта должно приблизить воплощение евгенической идеи контроля за размножением. Поэтому, было бы естественно ожидать, что названный проект вызовет такой же всплеск безудержного мифотворчества, каким было отмечено два предыдущих этапа в развитии евгенической доктрины — в 20-х и 60-х гг. Однако этого не происходит, несмотря на то, что проект успешно осуществляется (совсем недавно в средствах массовой информации прошло сообщение о том, что геном человека расшифрован полностью). Возможно, это связано с тем, что в современной генетике наступил кумулятивный период, тогда как в двух предыдущих случаях речь шла о существенных *теоретических* открытиях (дарвиновская теория эволюции и от-

¹¹⁹ Weingart P. Op. cit. S. 651.

крытие двойной структуры ДНК), и именно они питали евристические фантазии. Более оптимистический вариант объяснения заключается в том, что человечество научилось учитывать ошибки прошлого и ученые с большей осторожностью относятся к соблазну немедленно испытать новые технические возможности на соплеменниках. Изменения в организации современной науки свидетельствуют о том, что эта надежда не совсем беспочвенна. Так, например, российские философы Б.Юдин и П.Тищенко считают, что проект «Геном человека» уникален не только по масштабам, но и в том специфическом отношении, что «впервые осуществление столь грандиозного естественнонаучного исследования производится одновременно с проработкой моральных и правовых проблем, возникающих или могущих возникнуть в процессе исследования или в связи с практическими приложениями его результатов»¹²⁰. И еще: «Проект «Геном человека» создает чрезвычайно важный прецедент для развития науки и ее взаимодействия с обществом, поскольку в этом случае реализация крупного международного научного проекта не только идет одновременно с исследованием социальных последствий его разработки, но нередко и финансируется из того же источника»¹²¹. Например в США, на долю которых приходится наибольшее количество геномных исследований, проект «Геном человека» с самого начала предусматривал выделение части финансирования на изучение правовых, этических и социальных проблем. Россия с 1995 года, несмотря на экономические трудности, также выделяет часть финансирования на проекты, посвященные изучению морально-правовых аспектов исследования человеческого генома и последствий практического применения полученного научного знания.

Сам факт публичного признания того, что финансирование способно влиять на ход научных разработок, тоже является показателем серьезных изменений в структуре науки,

¹²⁰ Этико-правовые аспекты проекта «Геном человека». М., 1998. С. 9.

¹²¹ Там же. С. 11.

которые П.Д. Тищенко суммирует в понятии «другой науки», парадоксальным образом сочетающей фундаментальные исследования, коммерческую деятельность и шоу-бизнес: «Рассмотрение идеи и организации осуществляющегося с начала 90-х годов проекта «Геном человека» демонстрирует возникновение ряда серьезнейших «мутаций» в характере научной деятельности. Намечу предварительно несколько принципиальных сдвигов. Во-первых, знание как продукт исследования, сохраняя связность с идеей «открытия» (фактов, закономерностей), в науке парадоксально дополняется идеей «изобретения» некоего «продукта», который по своему статусу уравнивается с любым другим промышленным изобретением. Именно эта мутация в сознании ученых расширяет пространство для постановки вопроса о патентовании вновь описанных (открытых-изобретенных) генов. Знание приобретает форму «товара». Поэтому, и это уже во-вторых, происходит срастание университетских лабораторий с биотехнологическими компаниями. Логика рынка оказывается парадоксально сопряжена с логикой научной деятельности. Истина вдруг дополняется роем метафор, которые целенаправленно начинают «генерировать» научное сообщество в своей публичной активности как новый аппарат био-власти»¹²².

Генетика, подвергаясь вышеназванным «мутациям», становится принципиально новым образованием, отличным и от собственно науки, и от промышленного производства, и от медицинской генетики, но содержащим элементы всех перечисленных сфер деятельности и еще многих других. Это уже не генетика, как мы ее понимаем, а «геномика», феномен, не имеющий устойчивых границ, «центральную часть которого занимают фундаментальные исследования, объединенные в рамках Международного проекта «Геном человека»... Однако геномика — не только область биотехнологий, но и специфический социальный феномен. Вокруг геномных исследований происходит агглютинация многообразия медико-генетичес-

¹²² Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М., 2001. С. 12.

ких практик (сращение фундаментальных и прикладных исследований весьма характерно), языков, социальных конфликтов, политических кампаний, мифов и знаний, новых надежд и неизвестных ранее угроз существованию человека, вожделений и способов их удовлетворения. Этот конгломерат, складывающийся вокруг геномных исследований, и получил название «геномика». В некотором смысле, близком к предложенному В.Розиним, геномику можно назвать особым биотехнологическим дискурсом»¹²³.

Все вышеперечисленное указывает на то, что проект «Геном человека» действительно является новым явлением в культуре и знаменует собой передачу научной проблематики из единоличного ведения узкого круга специалистов, как это было характерно для классической науки, в ведение всех «заинтересованных лиц». Руководитель научного совета российской программы «Геном человека» А.А.Баев писал по этому поводу, что «геном человека — это уже не только фундаментальная научная проблема, но и крупное социальное явление, как финансовое, так и производственное. Изучение генома достигло такого состояния, что и гуманитарии, занимающиеся вопросами философии, социологии, права, и религиозные деятели, и вообще общественность должны, наконец, заняться вопросами биоэтики»¹²⁴.

Представление о том, что биоэтика способна разрешить многочисленные этические проблемы, выдвигаемые современным этапом развития биотехнологий, является, однако слишком оптимистичным. И это обстоятельство в определенном смысле возвращает нас на те позиции, с которых и начиналось обсуждение проблем социальных и этических последствий практического применения достижений науки. Дискуссии 60-х годов не дали ответов, которые удовлетворили бы всех участников обсуждения. Расхождения в самом

¹²³ Тищенко П.Д. Указ. соч. С. 17.

¹²⁴ Баев А.А. «Геном человека»: некоторые этико-правовые проблемы настоящего и будущего // Человек. 1995. № 2. С. 9.

понимании сущности биоэтики, в полной мере проявившиеся уже в то время, не были сняты последующим этапом развития генетики и медицины, да и странно было бы ожидать решения вненаучных проблем с этой стороны. Но и собственная логика философского анализа не позволила существенно приблизиться к «консенсусу». Ю. Хабермас, отмечая непонимание, с которым отнеслись американские коллеги к его видению проблем биоэтики, пишет об «интересных различиях» в климате и фоне дискуссий, ведущихся по обе стороны Атлантики: «В то время как философы в Германии часто вступают в принципиальные дебаты, вооружившись нормативно насыщенными понятиями личности и метафизически нагруженными концепциями природы, — для того, чтобы подвергнуть «если» дальнейшего развития генных технологий (прежде всего в области выращивания органов и репродуктивной медицины) преимущественно скептическому рассмотрению и рассуждению, — то среди американских коллег речь скорее идет о «как-имплементации» в принципе более не подвергающегося сомнению развития, которое в результате широкого применения генной терапии сведется к своего рода *shopping in the genetic supermarket*. Генные технологии, несомненно, подрывным образом внедряются в отношения между поколениями. Но для прагматически мыслящих американских коллег новые практики не поднимают никаких принципиально новых проблем, но лишь обостряют старые вопросы дистрибутивной справедливости.

Такое необремененное другими обстоятельствами восприятие проблемы определяется непоколебимой верой в науку и техническое развитие, и прежде всего «оптикой» либеральной традиции, на которую оказал такое сильное влияние Локк. Эта традиция сосредоточивается на защите свободы выбора индивидуального правового лица от государственного вмешательства и при анализе новых вызовов акцентирует прежде всего угрозы для свободы, возникающие в вертикальном измерении отношений частных лиц к государственному насилию»¹²⁵.

¹²⁵ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 89–90.

Американская биоэтика, так же как и американские исследования в области генетики, занимают лидирующую позицию в мире в силу хотя бы одной своей «массированности». Этим объясняется тот факт, что, несмотря на то, что европейская традиция является гораздо более фундированной в философском отношении, большинство далеких от философии участников биоэтических дискуссий взирают на проблемы биоэтики через американскую «оптику». Так проявляется обратная сторона «финансирования» этико-правовых исследований. Кто платит, тот и заказывает музыку. США по понятным причинам выделяют на исследования в рамках проекта «Геном человека» гораздо больше средств, чем это под силу любому европейскому государству. А поскольку геномика, по остроумному замечанию П. Тищенко, включает в себя элементы шоу-бизнеса, то немалая часть этих средств уходит на пропаганду американского видения проблемы.

По мнению Хабермаса, основные опасения его «американских коллег» связаны с возможными злоупотреблениями со стороны государства. Это представление подспудно навязывается всему остальному миру. Следствием такого видения проблемы является распространенное заблуждение, будто «демократическое» решение проблемы евгенического вмешательства заключается в либеральной евгенике, которая позволяет каждому родителю участвовать в формировании облика своего ребенка. Это одна из наиболее популярных утопий современной евгеники. Утопия — потому что и теоретические разработки, и технические возможности генетики еще очень далеки от реального воплощения этой программы в жизнь. Но в данном проекте, как и в первых программах расовой гигиены, утопичность далеко не худший порок конструкции. Древняя идея усовершенствования человеческого рода никогда не вызывала возражений сама по себе. «В принципе» никто, ни один человек, не откажется от расширения данных ему от природы умственных и физических способностей (принимаем же мы витамины, допинги и лекарства, без которых жизнь наша была бы несравненно

тяжелей и короче). Разногласия по поводу пользы и своевременности евгенической коррекции человечества возникают от того, что у людей нет единого представления о том, каким должен быть «идеальный» человек. Ни один из описанных вариантов утопических государств не пришелся по вкусу *всем* гражданам. Но до тех пор, пока судьбой детей занимается государство, есть надежда на то, что к разработке проекта будут привлечены специалисты, способные более точно оценить риски и последствия, чем отдельные граждане. Преимущество утопических проектов прошлого перед либеральной евгеникой заключалось в том, что даже при диктаторском режиме ровно через поколение все граждане, прошедшие евгеническую обработку, будут довольны своим положением в обществе, пусть даже это будет довольство «сушеглупых» идиотов, не знающих, что такое «настоящая» жизнь. Н.К.Кольцов писал, что люди могут быть счастливы при самых разных условиях. Но только если они знают, что приблизительно в таких же условиях находятся и все остальные граждане государства. Далеко за примером ходить не надо, достаточно вспомнить, что советские люди не слишком тяготились житьем в коммунальных квартирах, но лишь до тех пор, пока большинство населения жило так же. Но сегодня отсутствие индивидуального жилья воспринимается как крупнейшая социальная неудача.

Либеральная евгеника повлечет за собой увеличение дифференциации человеческих особей, в фантастической перспективе — вплоть до образования новых видов, не способных скрещиваться между собой. Это не голословное утверждение. Известно, например, что несколько ассоциаций, объединяющих слепых и глухих, выступило со специальными заявлениями против планов разработки геномных методов лечения слепоты, поскольку развитие последних грозит гибелью для их особых субкультур, аккумулирующих специфические и неизвестные в «нормальном» мире ценности¹²⁶.

¹²⁶ Тищенко П.Д. Указ. соч. С. 55.

Мир победившей либеральной евгеники будет самой страшной утопией всех времен и народов, и в нем в полной мере реализуется поговорка о том, что благими намерениями вымощена дорога в ад. На пути такого использования достижений генетики в настоящее время стоит не только законодательство большинства стран, научно-технический потенциал которых позволяет производить геномные исследования, но и представители биоэтики, справедливо указывающие на то, что права еще не родившегося ребенка тоже следует принимать к рассмотрению.

Из сказанного видно, что многие надежды, связанные с осуществлением проекта «Геном человека», не совсем обоснованы. «Геномика», какой бы «новой» наукой она ни была, вынуждена решать в принципе те же нравственные проблемы, что и расовая гигиена начала века. Либеральная евгеника дает только видимость выхода из тупика, в который попадает любой евгенический проект, как только приходит время отвечать на вопрос о том, кто будет направлять селекционную работу. Тот факт, что этико-правовые разработки в рамках проекта «Геном человека» получают сегодня целевое финансирование, не должен оцениваться только как положительный. Коммерциализация всегда влечет за собой «работу на заказ». Профессиональным философам, юристам и религиозным деятелям, к которым апеллировал А.А.Баев, лучше других специалистов известно, что при желании можно доказать что угодно и вывести любые следствия из любого набора фактов.

Мифы селекции идеального человека (вместо заключения)

История евгенической мысли показывает, что миф — это наиболее органичная форма для евгенических представлений. Мечта о здоровье и долголетию, о талантах, которыми природа наделяет людей более скупой, чем хотелось бы, является неисчерпаемым источником фантазирования, лишен-

ного связи с реальными возможностями человечества на каждом конкретном этапе его цивилизационного развития. Миф о вырождении человека, истоки которого теряются в доисторической древности, миф о наследовании психических особенностей, точный механизм которого не выяснен до сих пор, миф о возможности создания идеального гражданина и идеального государственного устройства — вот тот питательный субстрат, который непрерывно генерирует евгенические проекты с древности и до наших дней.

Какой бы этап евгенического движения мы ни взяли для рассмотрения, он неизменно обнаруживает идентичные способы обоснования необходимости усовершенствования человеческой породы и описывает сходные приемы практического осуществления этой сверхзадачи, что свидетельствует об архетипичности евгенических представлений. А тот факт, что первые евгенические проекты относятся ко времени, когда перенаселение и связанные с ним обнищание и голод масс еще не стали реальной проблемой и когда не был установлен наследственный характер многих заболеваний, указывает на то, что главным евгеническим мифом является миф о цели евгенического вмешательства: в действительности евгеника во все времена была нацелена не на *усовершенствование* человека, а на *управление* размножением людей.

Помимо перечисленных выше «исконных» евгенических мифов, имеется и еще целый ряд предубеждений, которыми евгеника обзавелась уже по ходу развития. К ним относится распространенное представление о том, что идеалы евгеники благородны, тогда как средства, предлагаемые ею для их осуществления, таковыми не являются. В действительности же простейший анализ показывает, что нехороши не только средства евгеники, но и цели, которые она ставит на каждом конкретном этапе своего развития.

История евгенической мысли, к которой мы не раз обращались, свидетельствует о невозможности выработать такой идеал человека, который годился бы для всех времен и народов. Причиной этого является ограниченность челове-

ческого сознания. Евгенику привычно упрекают в том, что она, преследуя благородную задачу, прибегает к жестоким, антигуманным средствам. Таким образом, евгеника, как «учение о хорошем роде», разымается на две составляющие, одна из которых (выработка идеала совершенного человека) оценивается позитивно, а другая (рекомендация практических мер селекции человеческого рода) — негативно. Однако, как показывает опыт западных евгеников с их практическими программами расовой гигиены, обе эти задачи настолько тесно переплетены между собой, что разделить их не представляется возможным. Существенно то, что выбор и средств и целей находится в руках надличностных сил, будь то государство (традиционная евгеника) или родители (либеральная евгеника). Методы евгеники именно потому выглядят так неприглядно, что целью ее в конечном счете всегда оказывается манипулирование людьми, предполагающее разделение общества на селекционеров и «стадо». Ссылки на достижения животноводства в данном контексте выглядят некорректно, ибо селекционер изначально не принадлежит к тому стаду, внутри которого проводит отбор. Кроме того, различные породы домашнего скота и сельскохозяйственные растения имеют определенное предназначение, выполняют определенные функции. Успешность работы селекционера не в последнюю очередь зависит от ясности задачи и определенности цели поисков. А кто возьмется определить, в чем предназначение человека и каким ему надлежит быть?

Неравнозначное отношение к целям и средствам евгеники определяется тем, что предлагаемые ею меры регламентации личной жизни, необходимые для осуществления евгенической мечты, обычно довольно радикальны, а чем дальше человечество продвигается по пути индивидуализации, тем менее оно склонно отказываться от свободы самоопределения, особенно в той интимной сфере, где работает евгеника. Этим объясняется негативное отношение к ее методам. Что же касается создания идеального человека, то кажущееся благородство этой задачи объясняется тем, что в

любой исторический момент евгеническая мысль ориентируется на общепринятые в данном конкретном социуме представления о том, каким надлежит человеку быть. Поэтому напряжения между общественным мнением и целью евгенического вмешательства не возникает, а сама задача достижения идеала не вызывает претензий, но, наоборот, приветствуется. Для того чтобы увидеть историческую ограниченность всякого идеала, надо взглянуть на него из отдаленной перспективы. При таком подходе становится понятно, что, какими бы благими ни были цели евгеники, их осуществление не несет человечеству ничего кроме застоя и стагнации, ибо идеалы ее консервативны, как консервативен любой прогноз на будущее, основанный только на анализе наличной ситуации (других прогнозов мы делать пока не научились).

Одним из отличительных свойств евгенического планирования является его долгосрочность. Результаты вмешательства в геном можно будет по достоинству оценить только спустя десятки, а то и сотни лет после эксперимента. Тогда и станет ясно, где были допущены ошибки и какие побочные эффекты сопутствовали нашим благим намерениям. Но, даже если результаты вмешательства будут полностью соответствовать нашим ожиданиям (на что на самом деле надежды мало), они воплотятся в жизнь в уже полностью изменившемся мире. Выше говорилось, что всякий идеал исторически ограничен, привязан к определенному социальному субстрату. Это очевидно, когда мы обращаемся к евгеническим проектам далекого прошлого: понятно, что бесшабашные стражи Платона не подходят для аскетической жизни в Городе Солнца, а утопийцы Т.Мора с их патриархальным укладом и натуральным хозяйством — для жизни в промышленных городах Европы начала XX века. Но если мы обратимся к идеалам недалекого прошлого, например к всесторонне развитому и деятельному индивиду Н.К.Кольцова, то в наших глазах он не будет выглядеть комично или нелепо. Однако, если следовать логике предыдущих рассуждений, то это говорит не столько о приближении данного идеала к

некоему объективно существующему совершенству, а об ограниченности человеческого сознания, не способного строить достоверные долгосрочные прогнозы.

Усовершенствование человека в соответствии с любыми имеющимися представлениями об идеале чревато неотвратимой гибелью человечества. То, что сегодня кажется нам благом, завтра легко может обернуться своей противоположностью. Евгеническое вмешательство, нацеленное на развитие, усовершенствование человеческой породы, в действительности грозит человечеству полным застоём. Вообразите только, каким бы был наш мир сейчас, если бы платоновское идеальное государство было построено, если бы у его правителей была реальная возможность век за веком «относить в укромное место» весь негодный с их точки зрения приплод? А если бы такая возможность была у Т.Мора, Т.Кампанеллы или даже у Н.К.Кольцова? Идеал, создаваемый каждой эпохой, фиксирует положение вещей, характерное для этой эпохи. Неутомимые воины, благородные рыцари, благочестивые монашки и пламенные революционеры — все это идеальные продукты своего времени, и этим персонажам нет места в современном мире, как, возможно, в завтрашнем не окажется места для всесторонне развитого идеала наших дней. Всякая попытка выстроить человека по определенному образцу одновременно окажется и попыткой остановить историю. Поэтому говорить о благодати намерений евгеники попросту некорректно и недальновидно. Вред, заключенный в аморальных, человеконенавистнических средствах евгеники — ничто по сравнению с тем злом, которое несут человечеству ее добрые намерения. Об этом необходимо помнить, потому что до сих пор евгеника не смогла причинить ощутимого вреда лишь потому, что не располагала средствами для воплощения в реальность своих замыслов¹²⁷.

¹²⁷ Я намеренно умалчиваю здесь об ужасах, творившихся в фашистской Германии, ибо они практически не оразились на генофонде — это тема для отдельного обсуждения. Хотя поведение немецких ученых, пожертвовавших принципами гуманизма ради удовлетворения своего научного любопытства, само по себе весьма показательно.

Но современная ситуация существенно иная. И если только мы в очередной раз не переоцениваем возможности генетики, то с расшифровкой генома человека и усовершенствованием техники клонирования евгеника получает реальную возможность для осуществления своих проектов. Она становится силой, если не сказать оружием. И это оружие, в силу чрезвычайной дороговизны современных биотехнологий, доступно только государству или крупным корпорациям. Осталось только выяснить, против кого это оружие будет направлено.

Последнее замечание вынуждает нас рассматривать как очередной миф евгенического движения представление о том, что целевое финансирование программ, изучающих этические и юридические последствия генетических исследований, способно защитить рядовых граждан от злоупотребления полученным в ходе геномных исследований знанием. Современное международное законодательство признает приоритет интересов и блага отдельного человека над интересами общества и науки¹²⁸. Однако практика показывает, как легко обходят исследователи существующие моратории на геномные исследования: всегда находится страна, которая еще не присоединилась к конвенции, а на крайний случай годится и корабль, плавающий в международных водах и не подпадающий под юрисдикцию ни одного из государств. Но даже если не иметь в виду уловки и преступление законов, сама прочность юридического щита тоже представляется весьма сомнительной. Как прозорливо отмечает австралийский фантаст С.Дедмен, новые сердце и печень нужны куче политиков, представляющих во властных структурах интересы рядовых граждан, а заодно и шишкам из правления тех компаний, которые финансируют геномные исследования. Это показывает, что геномика, каким бы новым явлением для науки она ни являлась, не освобождает евгенику от старых мифов, но создает новые.

¹²⁸ «Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с использованием достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине». Статья 2. Страсбург, 1996.

Означает ли сказанное выше, что евгеническая идея имеет некий врожденный порок и на ее развитие должен быть наложен запрет? Как мне кажется, делать этого не следует, даже если бы мы располагали реальными возможностями остановить развитие науки в однажды избранном ею направлении. Выше неоднократно говорилось, что причиной постоянного возврата к евгенической проблематике является то, что она обнаруживает реально существующие проблемы цивилизационного развития, решить которые до сих пор не удавалось в силу причин технического и социального порядка. Многие свидетельствуют о том, что это проблемы из ряда вечных. До сих пор каждый следующий этап исторического развития только ухудшал положение с природными ресурсами и состоянием народонаселения. Сегодня эти проблемы приобрели характер глобального кризиса, и никаких реальных перспектив его разрешения пока не намечается. Эти обстоятельства позволяют предположить, что евгеническая доктрина совершит еще не один цикл развития. Так, например, реальность экологического кризиса вынуждает все чаще задумываться о необходимости изменения отношения к окружающей среде, к природе. Но далеко не все осознают, что это изменение должно распространиться и на человека: если человечество хочет продлить срок своего пребывания на земле, то контроль за размножением должен стать одним из принципов экологичного поведения, наряду с экономией ресурсов и утилизацией отходов. Конечно, радикальная евгеника несет в себе опасность для человечества, но научная евгеника (если только удастся ее построить) может стать основой разумной демографической политики.

И последнее замечание. По ходу повествования мы неоднократно ссылались на произведения писателей-фантастов, воплощавших на страницах своих книг различные евгенические идеи. Возможность усовершенствования человека всегда привлекала людей с ярким художественным мышлением. Сегодня фантастический жанр очень популярен, и влияние его на формирование различных представлений и

оценок нельзя сбрасывать со счетов. Так, например, фантастика уже приучила человечество к мысли о том, что в будущем геномные технологии станут совершенно обыденным методом исправления наследственности, продления жизни, придания человеческим особям новых полезных качеств и т.д. Поэтому, безотносительно к тому, как будет решена профессионалами от этики проблема последствий внедрения передовых технологий в практику, человечество в целом *уже готово* к своему «геномному» будущему.

Оглавление

Введение	3
ГЛАВА I. ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ ЕВГЕНИКИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЕВГЕНИЧЕСКИХ УТОПИЙ	5
«Золотой век» — базовый миф о вырождении человека	8
Идея государственного контроля за качеством народонаселения ..	15
ГЛАВА II. ЕВГЕНИКА КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА: МИФЫ О ВЫРОЖДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА И ВСЕСИЛИИ НАУКИ	28
Дарвинизм как научное обоснование процесса дегенерации человечества	29
Европейские евгенические общества: философский и естественнонаучный статус практических программ оздоровления народонаселения	50
Русское евгеническое общество о влиянии войны и революции на качественный состав народонаселения	63
Программа расовой гигиены: евгеника на службе у государства (конец классического периода)	79
ГЛАВА III. СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НЕОБХОДИМОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ГЕНОМ ЧЕЛОВЕКА	94
Реабилитация евгенической идеи в 60-х гг. XX века	96
Биоэтика — прецедентное право о способах достижения этического и юридического консенсуса в геномной инженерии	110
Проект «Геном человека»: современная евгеника или генетика человека?	127
Мифы селекции идеального человека (вместо заключения)	145

Научное издание

Хен Юлия Вонховна

Евгенический проект: «pro» и «contra»

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции

Художник *В. К. Кузнецов*

Технический редактор *А. В. Сафонова*

Корректор *А. А. Смирнова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 25.09.03.

Формат 70х100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 4,81 Уч.-изд. л. 7,06. Тираж 500 экз. Заказ № 040.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Т. В. Прохорова*

Компьютерная верстка: *Ю. А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119992, Москва, Волхонка, 14